

ЗОЛОТАЯ КЛАССИКА



ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ
ЗА РЕКОЙ,
В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ



Содержание

| | |
|-----------------------|-----|
| Глава первая | 5 |
| Глава вторая | 13 |
| Глава третья | 18 |
| Глава четвертая | 27 |
| Глава пятая | 40 |
| Глава шестая | 48 |
| Глава седьмая | 68 |
| Глава восьмая | 83 |
| Глава девятая | 94 |
| Глава десятая | 125 |
| Глава одиннадцатая | 129 |
| Глава двенадцатая | 140 |
| Глава тринадцатая | 182 |
| Глава четырнадцатая | 191 |
| Глава пятнадцатая | 198 |
| Глава шестнадцатая | 201 |
| Глава семнадцатая | 205 |
| Глава восемнадцатая | 210 |
| Глава девятнадцатая | 214 |
| Глава двадцатая | 218 |
| Глава двадцать первая | 221 |
| Глава двадцать вторая | 228 |
| Глава двадцать третья | 233 |

| | |
|--------------------------|-----|
| Глава двадцать четвертая | 239 |
| Глава двадцать пятая | 242 |
| Глава двадцать шестая | 245 |
| Глава двадцать седьмая | 249 |
| Глава двадцать восьмая | 256 |
| Глава двадцать девятая | 262 |
| Глава тридцатая | 272 |
| Глава тридцать первая | 285 |
| Глава тридцать вторая | 288 |
| Глава тридцать третья | 291 |
| Глава тридцать четвертая | 298 |
| Глава тридцать пятая | 300 |
| Глава тридцать шестая | 305 |
| Глава тридцать седьмая | 309 |
| Глава тридцать восьмая | 316 |
| Глава тридцать девятая | 324 |
| Глава сороковая | 329 |
| Глава сорок первая | 340 |
| Глава сорок вторая | 349 |
| Глава сорок третья | 353 |
| Глава сорок четвертая | 357 |
| Глава сорок пятая | 359 |

Эрнест Хемингуэй

За рекой, в тени деревьев

Глава первая

Они выехали за два часа до рассвета, и сначала им не пришлось взламывать лед на канале, потому что впереди шли другие лодки. На каждой лодке стоял гребец с длинным кормовым веслом, в темноте их не было видно, и только слышался плеск воды. Охотник сидел на складном стуле, укрепленном на крышке ящика, где лежали еда и патроны, а ружья – два или даже больше – были прислонены к груде деревянных чучел. В каждой лодке был мешок с парой подсадных уток или уткой и селезнем; в каждой лодке сидела собака, собаки дрожали и метались, слыша над головой шум крыльев пролетающих во тьме уток.

Четыре лодки пошли вверх, на север, по главному каналу, к большой лагуне. Пятая свернула в боковой канал. А вот теперь и шестая лодка повернула к югу, в неглубокую лагуну, затянутую льдом.

Лед был сплошной; воду схватило в эту безветренную ночь, когда вдруг ударил мороз; упругий покров только гнулся под ударами кормового весла. Потом он

лопался с треском, как оконное стекло, но лодка почти не двигалась.

– Дайте-ка весло, – сказал охотник в шестой лодке. Он встал и, сохраняя равновесие, расставил ноги. Ему было слышно, как в темноте пролетают утки, а в лодке шарахается с места на место собака. С севера доносился треск льда, который ломали другие лодки.

– Осторожно, – предупредил лодочник с кормы. – Не переверните лодку.

– Я не новичок, – сказал охотник.

Он взял у лодочника длинное весло и проткнул лед. Почувствовав твердое дно, он уперся грудью в широкую лопасть весла и, держа его обеими руками, оттолкнул лодку так, что весло очутилось уже возле кормы, а лодка двинулась вперед, ломая ледяную корку. Когда лодка врезалась в лед, а потом садилась на него днищем, лед раскалывался, как зеркальное стекло, и гребец на корме вел ее дальше по чистой воде.

Немного погодя охотник – он мерно, напряженно работал веслом и вспотел в теплой одежде – спросил лодочника:

– А где же наша бочка?

– Там, левее. В заливе, рядом.

– Может, мне пора сворачивать?

– Воля ваша.

– Что значит «воля ваша»? Вы ведь знаете, какая

здесь глубина. Хватит тут воды, чтобы прошла лодка?

– Кто его знает! Вода спала.

– Пока мы будем канителиться, совсем рассветет.

Лодочник молчал.

«Ах ты черт собачий, – подумал охотник. – Ничего, доедем. Мы уже проплыли две трети пути, а если тебе неохота разбивать лед, чтобы я мог пострелять уток, это просто подло с твоей стороны!»

– А ну-ка поднатужься, хлюст ты этакий! – сказал он по-английски.

– Что? – спросил по-итальянски лодочник.

– Я говорю, что надо двигаться. Скоро рассветет.

Но уже светало, когда они наконец доплыли до большой дубовой бочки, врытой в дно лагуны. Бочку окружала покатая земляная насыпь, которую засадили камышом и осокой; охотник потихоньку ступил на нее и почувствовал, как мерзлые стебли ломаются у него под ногой. Лодочник вытащил из лодки складной стул с ящиком для патронов и передал охотнику; тот наклонился и поставил его на дно бочки.

На охотнике были высокие болотные сапоги и старая походная куртка с нашивкой на левом плече – никто не понимал, что это за нашивка, – и светлыми пятнышками на погонах, где раньше были звездочки; он спустился в бочку, и лодочник подал ему оба ружья.

Прислонив ружья к стенке бочки, он повесил между

ними, на вбитых специально для этого крючьях, второй патронташ, а затем поудобнее расставил ружья по обе стороны патронташа.

– Вода есть? – спросил он у лодочника.

– Нет, – ответил тот.

– А воду из лагуны пить можно?

– Нет. От нее болеют.

Охотник устал, разбивая лед, ему хотелось пить, он чувствовал, что начинает злиться, но сдержался.

– Хотите, я помогу разбивать лед и ставить чучела?

– Не надо, – ответил лодочник и с остервенением толкнул лодку на тонкий лед, который под ее тяжестью треснул и раскололся. Лодочник стал колотить по льду веслом, а потом швырять деревянные чучела во все стороны.

«Что это он ярится? – думал охотник. – Ведь он здоров как бык. Я выбивался из сил по дороге сюда, а он едва-едва нажимал на весло. Какая муха его укусила? Это же его работа!»

Он приладил складной стул так, чтобы можно было свободно поворачиваться направо и налево, распечатал коробку с патронами и набил ими карманы, потом распечатал еще одну коробку, но оставил ее наготове в патронташе. Перед ним в утреннем свете поблескивала стеклянная поверхность лагуны, а на ней виднелись черная лодка, крупное, могучее тело лодочни-

ка, разбивающего веслом лед и швыряющего за борт чучела, словно он хотел избавиться от чего-то необходимого.

Рассвело, и охотник увидел низкие очертания ближней косы по ту сторону лагуны. Он знал, что за этой косой стоят еще две бочки, дальше опять идут болота, а за ними – открытое море. Он зарядил оба ружья и прикинул в уме расстояние до лодки, которая представляла чучела.

Позади он услышал приближающийся шелест крыльев, присел, выглядывая из-за края бочки, взял правой рукой ружье справа от себя, потом встал, чтобы выстрелить по двум уткам, которые косо падали на чучела, притормаживая крыльями, по двум черным уткам на фоне серого, тусклого неба.

Втянув голову в плечи, он широко занес ружье, вскинул ствол, целясь туда, куда летела утка, а потом, не глядя, попал он или нет, плавно поднял ружье, целясь выше и левее того места, куда летела другая утка, и, нажав курок, увидел, как, сложив на лету крылья, она упала среди чучел и осколков льда. Поглядев направо, он заметил и первую утку – черное пятно там же, на льду. Он знал, что правильно выстрелил и в первую утку, взяв много правее лодки, да и во вторую тоже, высоко подняв ствол и отведя его влево, давая утке уйти повыше и левее, чтобы лодка не попала под

огонь. Это был отличный дублет – аккуратный и точный, с должной заботой о безопасности лодки, и, перезаряжая ружье, он был очень доволен собой.

– Эй, послушайте, – крикнул ему лодочник. – А ну-ка не стреляйте по лодке!

«Ах, будь я трижды проклят! – сказал себе охотник. – Отныне и во веки веков!»

– Бросайте свои чучела! – крикнул он лодочнику. – И побыстрее! Я не буду стрелять, пока вы не кончите, разве что прямо вверх.

Лодочник ответил что-то невнятное.

«Чепуха! – сказал себе охотник. – Он ведь это дело знает. И знает, что по дороге сюда я работал не меньше его. В жизни не стрелял аккуратнее и точнее. Чего же он взъелся? Я ведь предлагал ему вместе ставить чучела. Да ну его ко всем чертям!»

Справа лодочник все еще злобно колотил по льду и расшвыривал чучела уток, и каждое его движение было полно ненависти.

«Нет, я не дам тебе испакостить мне утро, – подумал охотник. – Если солнце не растопит лед, много тут не настреляешь. Несколько штук – и все, так что я не дам тебе изгадить мне охоту! Кто его знает, сколько раз еще мне придется стрелять уток, – я не позволю, чтобы мне испортили эту охоту!»

Он смотрел, как за длинной болотной косой светле-

ет небо, а потом, повернувшись в бочке, поглядел на замерзшую лагуну, на болота и на снежные горы вдали. Он сидел так низко, что предгорий не было видно, вершины отвесно поднимались над плоской равниной. Глядя на горы, он чувствовал, как в лицо ему тянет ветерком, и понял, что с восходом солнца задует ветер, потревожит птиц и они непременно прилетят сюда с моря.

Лодочник кончил расставлять чучела. Они плавали на воде двумя стайками: перед бочкой, чуть-чуть левее ее, в той стороне, откуда встанет солнце, и справа от охотника. Вот он выбросил за борт и подсадную утку вместе с привязью и грузилом, и живой манок стал окунать голову в лагуну – высовывал, снова погружал и расплескивал у себя по спине воду.

– А не расколоть ли еще немножко льда по краям? – крикнул охотник лодочнику. – Слишком мало чистой воды – они не сядут.

Лодочник ничего не ответил, но стал колотить веслом по рваной кромке льда. Ломать лед было ни к чему, и лодочник это знал. Но охотник этого не знал и думал: «Непонятно, что с ним происходит. Я не дам ему испакостить мне охоту. Не желаю, чтобы ей что-нибудь мешало, и ему не дам! Каждый выстрел теперь, может быть, мой последний выстрел, и я не позволю какому-то сукину сыну портить мне охоту! Спо-

койно, мальчик, только не злись», – говорил он себе.

Глава вторая

Но он уже не мальчик. Ему пятьдесят, и он полковник пехотных войск армии Соединенных Штатов. И для того чтобы пройти медицинский осмотр за день до поездки в Венецию на охоту, он проглотил столько нитроглицерина, сколько было нужно для того, чтобы... он и сам толком не знал, для чего; для того, чтобы пройти этот осмотр, уверял он себя.

Врач выслушивал его с явным недоверием. Но, дважды измерив давление, все же занес цифры в карточку.

– Понимаешь, какое дело, Дик, – сказал он. – Тебе это не рекомендуется; больше того, при повышенном внутриглазном и внутричерепном давлении это противопоказано!

– Не понимаю, – сказал охотник, который только собирался стать охотником и пока что был полковником пехотных войск армии Соединенных Штатов, а раньше занимал генеральскую должность.

– Я ведь не первый день вас знаю, полковник. А может, мне только кажется, что я вас знаю давно?

– Нет, тебе это не кажется, – сказал полковник.

– Что-то мы оба будто романс запели, – сказал врач. – Только смотри не стукнись обо что-нибудь

твердое и следи, чтобы в тебя не попала искра, раз ты так набит нитроглицерином! Хорошо бы на тебя навесить предохранительный знак, как на цистерну с горючим.

– А кардиограмма у меня в порядке? – спросил полковник.

– Кардиограмма у вас, полковник, замечательная! Не хуже, чем у двадцатипятилетнего. Да такой кардиограмме позавидуешь и в девятнадцать лет!

– Тогда чего же тебе надо? – спросил полковник.

Когда наглотаешься нитроглицерина, иногда немного подташнивает; ему хотелось, чтобы осмотр поскорее кончился. Ему хотелось поскорее лечь и принять соду. «Эх, я мог бы написать руководство по тактике обороны для взвода с высоким давлением, – подумал он. – Жаль, что нельзя ему этого сказать. А почему бы, в сущности, не сознаться и не попросить у суда снисхождения? Не сможешь, – сказал он себе. – Так до конца и будешь твердить, что невиновен».

– Сколько раз ты был ранен в голову? – спросил врач.

– Ты же знаешь, – ответил полковник. – В формуляре сказано.

– А сколько раз тебе попадало по голове?

– О Господи! – Потом он спросил: – Ты спрашиваешь официально или как мой личный врач?

- Как твой личный врач. А ты думал, что я хочу подложить тебе свинью?
- Нет, Вес, не думал. Прости меня, пожалуйста. Что ты спросил?
- Сколько у тебя было контузий?
- Серьезных?
- Когда ты терял сознание или ничего не мог вспомнить.
- Штук десять, – сказал полковник. – Считаю и падение с лошади. А легких три.
- Ах ты старый хрен, – сказал врач. – Вы уж меня извините, господин полковник!
- Ну как, можно идти? – спросил полковник.
- Да, господин полковник, – сказал врач. – У вас все в порядке.
- Спасибо. Хочешь, поедем со мной, постреляем уток на болотах в устье Тальяменто? Чудная охота. Там имение одних славных итальянских парнишек: я с ними познакомился в Кортине.
- А болота – это где водятся кулики?
- Нет, в тех местах охотятся на настоящих уток. Парнишки очень славные. И охота чудная. Настоящие утки. Гоголи, шилохвости, чирки. Даже гуси попадают. Не хуже, чем у нас дома, когда мы были ребятами.
- Ну, я-то был ребенком в тридцатом году.
- Вот это подлость! Не ожидал от тебя.

– Да я совсем не то хотел сказать. Я просто не помню, чтобы у нас хорошо было охотиться на уток. К тому же я рос в городе.

– Тем хуже! Всем вам, городским мальчишкам, грош цена!

– Вы это серьезно, полковник?

– Конечно, нет. Какого черта ты спрашиваешь?

– Со здоровьем у вас все в порядке, полковник, – повторил врач. – Жалко, что я не могу с тобой поехать. Но я и стрелять не умею.

– Ну и черт с ним, – сказал полковник. – Какая разница? У нас в армии никто не умеет стрелять. Мне очень хотелось, чтобы ты со мной поехал.

– Я вам дам еще одно лекарство, вдобавок к тому, что вы принимаете.

– А разве есть такое лекарство?

– По правде говоря, нет. Хотя они там что-то придумывают.

– Ну и пусть придумывают, – сказал полковник.

– Весьма похвальная жизненная позиция, господин полковник.

– Иди к черту. Так ты не хочешь со мной ехать?

– С меня хватит уток в ресторане «Лоншан» на Медисон-авеню, – сказал врач. – Летом там кондиционированный воздух, а зимой тепло. Не надо вставать чуть свет и напяливать на себя теплые кальсоны.

– Ладно, городской пижон. Что ты понимаешь в жизни?

– И никогда не хотел понимать, – сказал врач. – А здоровьем у вас все в порядке, господин полковник.

– Спасибо, – сказал полковник и вышел.

Глава третья

Это было позавчера. А вчера он выехал из Триеста в Венецию по старой дороге, которая шла от Монфальконе до Латизаны и потом прямо по равнине. Шофер у него был хороший, и он спокойно привалился к спинке переднего сиденья, поглядывая на места, которые знал еще мальчишкой.

«Сейчас они выглядят совсем иначе, – думал он. – Наверно, потому, что расстояния кажутся другими. Когда стареешь, все как будто становится меньше. Да и дороги теперь получше, и пыли такой нету. Когда-то я проезжал здесь на грузовике. Но чаще мы ходили пешком. Все, о чем я тогда мечтал, – это найти хоть полоску тени для привала и колодец на крестьянском дворе. И конечно – канаву. Ну до чего же меня в те времена привлекали канавы!»

Они свернули и по временному мосту переехали через Тальяменто. Берега зеленели, а на той стороне, где было поглубже, какие-то люди удили рыбу. Взорванный мост восстанавливали, гулко стучали клепальные молотки, а в восьмистах ярдах от моста стояли разрушенный дом и службы; по развалинам усадьбы, когда-то построенной Лонгеной, было видно, где сбросили свой груз средние бомбардировщики.

– Нет, вы подумайте, – сказал шофер. – У них что ни мост, что ни станция – кругом на целые полмили одни развалины.

– Отсюда мораль, – сказал полковник, – не строй себе дом или церковь и не нанимай Джотто писать фрески, если твоя церковь стоит в полумиле от моста.

– Я так и знал, господин полковник, что тут должна быть своя мораль, – сказал шофер.

Они миновали разрушенную виллу и выехали на прямую дорогу; в кюветах, обсаженных ивами, еще стояла темная вода, а на полях росли шелковицы. Впереди ехал велосипедист и читал газету, держа ее обеими руками.

– Если летают тяжелые бомбардировщики – другая мораль: отступи на целую милю, – сказал шофер. – Правильно, господин полковник?

– А если управляемые снаряды, то не на одну, а на двести пятьдесят миль. Ну-ка, погудите велосипедисту!

Шофер погудел, и тот съехал на обочину, так и не взглянув на них и не притронувшись к рулю. Когда они проезжали мимо, полковник высунулся, чтобы поглядеть, какую он читает газету, но заголовка не было видно.

– По-моему, теперь вообще не стоит строить себе красивых домов или церквей и нанимать этого, как его

– как вы его называли? – писать фрески.

– Джотто. Но это мог быть и Пьетро делла Франческа и Мантенья. И даже Микеланджело.

– Вы, видно, здорово знаете всех этих художников?

Теперь они ехали по прямому отрезку дороги и, стараясь наверстать время, гнали так, что один крестьянский дом словно наплывал на следующий; они почти сливались друг с другом, и видно было лишь то, что находилось далеко впереди и двигалось навстречу. За боковым стеклом тянулся безликий плоский пейзаж зимней равнины. «Я, пожалуй, не так уж люблю быструю езду, – думал полковник. – Хорош был бы Брейгель, заставь его наблюдать натуру из мчащегося автомобиля!»

– Художников? – переспросил он. – Да нет, Бернхем, не так уж много я про них знаю.

– Моя фамилия Джексон, господин полковник, Бернхема послали отдыхать в Кортину. Хорошее место, господин полковник.

– У меня, видно, память сдавать стала, – сказал полковник. – Простите, Джексон. Да, место там хорошее. Кормят недурно. Уход приличный. И никто к тебе не пристает.

– Это верно, господин полковник, – согласился Джексон. – Но я вас спросил о художниках из-за всех ихних мадонн. Я решил, что и мне надо посмотреть

картины, и пошел во Флоренции в самое большое заведение, какое у них есть.

– Уффици? Питти?

– Понятия не имею, как оно называется. Но самое большое, какое там есть. Смотрел я, смотрел, пока меня от этих мадонн не замутило. Верно, тот, кто в картинах мало разбирается, только и видит что одних мадонн, и очень ему от этого муторно. Знаете, что мне кажется? Вы, верно, заметили, как все они тут помещаны на этих своих bambini¹, и чем меньше у них еды, тем больше bambini, а им все мало! Вот я и думаю, что их художники тоже были большими любителями bambini, как все итальянцы. Не знаю, те ли именно, кого вы назвали, и поэтому о них разговор особый, да вы меня и поправите, если я что скажу не так. Но мне лично сдается, что все эти мадонны – а я их, ей-богу, навидался досыта, – или, вернее сказать, все эти художники, которые только и знали, что рисовать мадонн... у всех у них только и было на уме что bambini... не знаю, поймете вы меня или нет...

– Не надо забывать, что им приходилось писать на одни только религиозные сюжеты.

– Это конечно, господин полковник. Значит, вы считаете, что взгляд мой правильный?

– Пожалуй. Только дело тут все же обстоит слож-

¹ Дети (*ит.*).

нее.

– Понятно, господин полковник. Взгляд мой на это дело еще не вполне окончательный.

– А у вас есть еще какие-нибудь взгляды насчет искусства, Джексон?

– Нет, господин полковник. Пока что я додумался только насчет bambini. Но чего бы мне хотелось – это чтобы они покрасивей нарисовали ту горную местность вокруг Кортины.

– Там родина Тициана, – сказал полковник. – Так по крайней мере считают. Я спускался в долину и видел дом, где, как говорят, он появился на свет.

– Шикарное место, господин полковник?

– Не очень.

– Ну что ж, если он рисовал картины с тех гор, – там такие скалы, ну прямо в цвет заката, сосны, кругом снег и остроконечные шпили...

– Campanile, – сказал полковник. – Такие, как там, впереди, в Чеджии. Колокольни.

– Ну что ж, если он в самом деле красиво срисовывал картины с той местности, я бы не прочь у него даже парочку купить.

– Он замечательно писал женщин, – сказал полковник.

– Вот если бы я держал кабак, или трактир, или постоянный двор, тогда мне пригодилась бы и женщина, –

сказал шофер. – Но не дай Бог я привезу домой картину с женщиной – моя старуха мне покажет! Костей не соберешь.

– Вы могли бы подарить картину местному музею.

– Господи, да что там у нас в музее? Наконечники стрел, боевые уборы из перьев, ножи для снятия скальпов, разные скальпы, рыбы окаменелости, трубка мира, фотографии Пожирателя Печенки Джонстона и шкура какого-то проходимца – его сперва повесили, а потом какой-то доктор содрал с него шкуру. Картина с женщиной там уже совсем некстати.

– Видите sampanile по ту сторону равнины? – спросил полковник. – Я вам покажу место, где мы воевали, когда я был мальчишкой.

– Вы разве и тут воевали, господин полковник?

– Да.

– А у кого в ту войну был Триест?

– У фрицев. Точнее говоря, у австрияков.

– Но мы его все же у них забрали?

– Только потом, когда кончилась война.

– А у кого были Флоренция и Рим?

– У нас.

– Ну что ж, тогда вам плакать было не о чем.

– «Господин полковник», – мягко добавил тот.

– Простите, господин полковник, – пробормотал шофер. – Я был в Тридцать шестой дивизии, господин

полковник.

– Я видел у вас нашивку.

– Я как раз вспомнил Рапидо, господин полковник, а вовсе не хотел быть нахальным или грубить начальству.

– Верю, – сказал полковник. – Вы просто вспомнили Рапидо. Но имейте в виду, Джексон, у всякого, кто долго воевал, было свое Рапидо, и даже не одно.

– Ну, больше одного я бы не вынес, господин полковник.

Машина въехала в веселый городок Сан-Дона-ди-Пьяве. Его заново отстроили, но он от этого не стал уродливее любого городка Центрального Запада США. «Он выглядит таким процветающим, – думал полковник, – а Фоссальта чуть выше по реке – такой нищей и унылой. Неужели Фоссальта так и не оправилась после первой войны? Но я ведь не видел ее до того, как ее разбомбили, – подумал он. – Город здорово обстреливали перед большим наступлением пятнадцатого июня тысяча девятьсот восемнадцатого года. А потом и мы по нему били, перед тем как взять обратно». Он вспоминал, как началась атака – от Монастье, через Форначе. В этот зимний день он вспоминал о том, что случилось в то лето.

Несколько недель назад он проезжал через Фоссальту и спустился к реке на то место, где его когда-то

ранило. Место это нетрудно было найти – здесь была излучина; там, где когда-то стояли тяжелые пулеметы, воронка густо заросла травой. Козы или овцы выщипали траву, и впадина стала похожа на выемку для игры в гольф. Река текла медленно, она была мутно-синяя и заросла по берегам камышом; пользуясь тем, что кругом ни души, полковник присел на корточки и, глядя за реку с того берега, где раньше нельзя было днем и головы поднять, облегчился на том самом месте, где, по его расчетам, он был тяжело ранен тридцать лет назад.

– Не бог весть какое достижение, – сказал он реке и берегу, напоенным осенней тишиной и сыростью после обильных дождей. – Но зато лично мое.

Он встал и огляделся. Вокруг никого не было; машину он оставил на дороге перед крайним и самым унылым из новых домов Фоссальты.

– А теперь я дострою памятник, – сказал он, хотя слышать его могли одни мертвецы, и вынул из кармана старый золингенский складной нож, какие носят немецкие браконьеры. Нож щелкнул; повертев им, он выкопал в сырой земле аккуратную ямку. Обтерев нож о правый сапог, он сунул в ямку коричневую бумажку в десять тысяч лир, притоптал ямку и прикрыл дерном.

– Двадцать лет по пятьсот лир в год за Medaglia

d'Argento al Valore Militare². За Крест Виктории, если не ошибаюсь, платят десять гиней. Медаль «За отличную службу» не дает ни гроша. Серебряная Звезда тоже. Ладно, сдачу я оставлю себе.

«Вот, теперь все в порядке, – думал он. – Дерьмо, деньги и кровь; погляди только, как растет здесь трава; а в земле ведь железо, и нога Джино, и обе ноги Рандольфо, и моя правая коленная чашечка! Прекрасный памятник! В нем есть все – залог плодородия, деньги, кровь и железо. Чем не держава? А где плодородная земля, деньги, кровь и железо – там родина. Но нам нужен еще и уголь. Надо достать немножко угля».

Потом он посмотрел за реку, на вновь отстроенный белый дом, который тогда был грудой развалин, и плюнул в реку. Он стоял далеко от воды и доплюнул с трудом.

– Я никак не мог сплунуть в ту ночь и долго еще после этого, – сказал он. – Но теперь я неплохо плюю для человека, который не жует резинку.

Он медленно пошел назад, к машине. Шофер спал.

– А ну-ка, проснитесь, – сказал он. – Разворачивайтесь, поедem по той дороге на Тревизо. В этих местах карта нам не нужна. Я скажу, где свернуть.

² Серебряная медаль за воинскую доблесть (*um.*).

Глава четвертая

Теперь, по пути в Венецию, он держал себя в руках и старался не думать о том, как сильно его туда тянет, а большой «бьюик» миновал тем временем последние строения Сан-Дона и въехал на мост через Пьяве.

Они пересекли реку и очутились на итальянской стороне; он снова увидел старую дорогу с высокими откосами. Как и всюду вдоль реки, она была здесь ровная и однообразная. Но глаз его различал старые окопы. По обе стороны прямой, гладкой дороги, по которой они катили на полной скорости, текли обсаженные ивами каналы; когда-то в них плавали трупы. Наступление окончилось страшной бойней, солнце припекало, и, чтобы расчистить позиции у реки и дорогу, кто-то приказал сбросить трупы в каналы. К несчастью, шлюзы в низовьях все еще находились в руках австрийцев и были на запоре.

Вода стояла почти без движения, и мертвые – их и наши – запрудили каналы надолго, плавая лицом вверх или лицом книзу, пучась, раздуваясь и достигая чудовищных размеров. В конце концов, когда все поуспокоилось, рабочие команды стали по ночам вылавливать трупы и хоронить их у самой дороги. Полковник посмотрел, не видно ли на обочинах особен-

но пышной растительности, но ничего не заметил. А в каналах плавали утки и гуси, и вдоль всей дороги люди удили рыбу.

«Да ведь их же всех вырыли, – подумал полковник, – и похоронили на том большом ossario³ под Нервесой».

– Мы воевали тут, когда я был мальчишкой, – сказал полковник шоферу.

– Чертовски ровная местность, воевать здесь худо, – ответил шофер. – А реку держали вы?

– Да, – сказал полковник. – Мы держали ее, теряли и брали снова.

– Куда ни посмотришь, негде укрыться.

– В том-то и беда, – сказал полковник. – Приходилось цепляться за малейший бугорок, который не сразу и увидишь. За любую канаву, дом, откос на берегу канала, живую изгородь. Совсем как в Нормандии, только здесь еще ровнее. Наверно, так воевали в Голландии.

– Да уж, этой реке далеко до Рапидо.

– Тогда это была совсем неплохая речка, – сказал полковник. – Пока не построили все эти гидростанции, в верховьях воды было много. А когда она мелела, среди гальки вдруг открывались омуты, глубокие и коварные. Было там одно место – Граве-де-Пападопо-

³ Кладбище (*ит.*).

ли, – вот где было особенно паршиво.

Он знал, что о чужой войне слушать очень скучно, и замолчал. «Каждый смотрел на войну со своей колокольни, – подумал он. – Никто не интересуется войной отвлеченно, кроме разве настоящих солдат, а их немного. Вот готовишь солдат, а лучших из них убивают. И потом каждый так занят своими делами, что ничего не видит и не слышит. Думает только о том, что сам пережил, и, пока ты говоришь, прикидывает, как бы похитрее ответить и добиться повышения или каких-нибудь выгод. Зачем же надоедать этому парню, который, несмотря на свою нашивку фронтовика, медаль за ранение и другие побрякушки, вовсе не солдат; на него против воли напялили военную форму, а теперь он, видно, решил остаться в армии по каким-то своим соображениям».

– Чем вы занимались до войны, Джексон? – спросил полковник.

– Мы с братом держали гараж в Ролинсе, штат Вайоминг.

– Собираетесь туда вернуться?

– Брата убили на Тихом, а парень, на которого мы оставили гараж, оказался бездельником, – сказал шофер. – Мы потеряли все, что туда вложили.

– Обидно, – сказал полковник.

– Еще бы, черт его дери, не обидно, – сказал води-

тель и добавил: — ...господин полковник.

Полковник поглядел вперед, на дорогу.

Он знал, что скоро будет перекресток, которого он ждал и никак не мог дожидаться.

— Глядите в оба и на первом развилке сверните влево, на проселок, — сказал он шоферу.

— А вы уверены, что наша машина пройдет по этой низине?

— Посмотрим, — сказал полковник. — Какого черта, ведь дождей не было уже три недели.

— Что-то я не больно доверяю здешним проселкам. Кругом болота.

— Если мы застрянем, волы нас вытащат.

— Да я ведь беспокоюсь только о машине.

— А вы побеспокойтесь лучше о том, что я сказал, и сверните влево на первый же проселок, если он будет выглядеть мало-мальски сносно.

— Вот, видно, и он, там, где изгородь, — сказал шофер.

— За нами дорога пустая. Остановитесь у самого развилка, а я выйду погляжу.

Он вылез из машины, перешел на другую сторону широкого асфальтированного шоссе и посмотрел на узкую грунтовую дорогу, на быстрое течение идущего вдоль нее канала и густую живую изгородь на том берегу. За изгородью виднелся приземистый красный

крестьянский дом с большим амбаром. Дорога была сухая. Даже телеги не выбили на ней колеи. Он вернулся к машине.

– Бульвар, а не дорога, – сказал он. – Можете не беспокоиться.

– Слушаюсь, господин полковник. Машина-то ведь ваша.

– Верно, – сказал полковник. – Я еще до сих пор за нее не расплатился. Скажите, Джексон, вы всегда так переживаете, когда сворачиваете с шоссе на проселок?

– Нет, господин полковник. Но ведь одно дело «виллис», а другое – машина с такой низкой посадкой, как эта. Вы же знаете, господин полковник, она может сесть на диффер. Можно и раму повредить.

– У меня в багажнике лопата и цепи. Вот когда выедем из Венеции, там действительно будет о чем беспокоиться.

– А мы поедem и дальше на этой машине?

– Не знаю. Посмотрим.

– Подумайте о крыльях, господин полковник.

– На худой конец подрежем крылья, как это делают индейцы в Оклахоме. Крылья у нее чересчур большие. Все у нее больше, чем надо, кроме мотора. Мотор у нее, Джексон, настоящий.

– Еще бы, господин полковник. Вести такую мощ-

ную машину по хорошему шоссе – одно удовольствие. Вот я и не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось.

– Это вы молодец, Джексон. Ну а теперь бросьте переживать.

– Я не переживаю, господин полковник.

– Вот и отлично, – сказал полковник.

Сам он забыл обо всем, потому что как раз в эту минуту увидел парус, который мелькал впереди, за кустами коричневых деревьев. Это был красный парус, ко-со и круто уходивший вниз; он медленно плыл за деревьями.

«Почему всегда сжимается сердце, когда видишь, как вдоль берега движется парус? – подумал полковник. – Почему у меня сжимается сердце, когда я вижу больших, неторопливых светлых быков? Дело, верно, в их поступи, во всем их виде, величине и окраске.

Но меня трогают и красивый крупный мул, и цепочка холеных вьючных мулов. И койот, всякий раз, когда я его вижу, и волк, который движется иначе, чем все другие звери, серый и такой уверенный в себе, гордо несущий свою тяжелую голову с недобрыми глазами».

– Вы когда-нибудь видели волков в окрестностях Ролинса, Джексон?

– Нет, господин полковник. С волками покончили, когда меня еще не было на свете; их всех потравили. Зато койотов у нас сколько угодно.

– Вам нравятся койоты?

– Я люблю слушать их по ночам.

– Я тоже. Больше всего на свете. Да еще – смотреть на парусные лодки, плывущие между берегов.

– Вон как раз идет такая лодка, господин полковник.

– По каналу Силе, – сообщил полковник. – Этот парусник плывет в Венецию. Ветер дует с гор, и лодка идет довольно быстро. Если ветер не стихнет, ночью подморозит и уток будет видимо-невидимо. Сверните-ка налево и поезжайте вдоль канала. Дорога тут хорошая.

– В наших местах редко охотятся на уток. А вот в Небраске на реке Платт уток сколько угодно.

– Хотите поохотиться там, куда мы едем?

– Пожалуй, не стоит. Стрелок я неважный, лучше поваляюсь подольше. У меня ведь спальный мешок с собой. Утро-то будет воскресное.

– Это верно, – сказал полковник. – Можете валяться хоть до полудня.

– Я захватил порошок от клопов. Сосну как следует.

– Порошок, пожалуй, не понадобится, – сказал полковник. – А вы консервов из пайка захватили? Еда ведь будет только итальянская.

– Как же, запасся. И самим хватит, и других угостить сможем.

– Вот и отлично, – сказал полковник.

Теперь он смотрел вперед: дорога, бежавшая вдоль канала, снова должна была выйти на шоссе. Он знал, что в такой ясный день, как сегодня, с развилка все будет видно. На болотах, бурых, как болота зимой в устье Миссисипи, вокруг Пайлоттауна, резкие порывы северного ветра пригибали к земле тростник; а вдали была видна квадратная башня церкви в Торчелло и высокая сампанле в Бурано. Море было синевато-серым, как сланец, и он насчитал двенадцать парусников, плывущих по ветру в Венецию.

«Придется подождать. Когда переедем мост через Дезе под Ногерой, – сказал он себе, – все будет видно как на ладони. Подумать только – целую зиму мы защищали этот город тут, на канале, и ни разу его не видели. Но однажды я был в тылу, у самой Ногеры, день стоял холодный и ясный, как сегодня, и я впервые его увидел на той стороне залива. Но так туда и не попал. А все же это мой город – я воевал за него еще мальчишкой, а теперь, когда мне полвека от роду, они знают, что я за него воевал, и я для них желанный гость.

Ты думаешь, что ты поэтому для них желанный гость? – спросил он себя.

Может быть. А может быть, потому, что ты штабное начальство из армии победителей. Хотя вряд ли. Надеюсь, что нет. Это ведь тебе не Франция, – подумал он.

Там ты дерешься за какой-нибудь город, который тебе дорог, и дрожишь, как бы чего в нем не попортишь, а потом, если только у тебя есть голова на плечах, ты и носа туда больше не покажешь: непременно напорешься на какого-нибудь вояку, который тебе не простил, что ты брал этот город. *Vive la France et les pommes de terre frites. Liberte, Venalite, et Stupidite!*⁴ Уж эта мне великая *clarte*⁵ французской военной мысли! Не было у них ни одного военного мыслителя со времен дю Пика. Да и тот был несчастным полковником, вроде меня. Манжен, Мажино и Гамелен. Выбирайте по своему вкусу, господа! Три школы военной мысли. Первая: дам-ка я им в морду. Вторая: спрячусь за эту штуковину, хоть она у меня и левого фланга не прикрывает. Третья: суну голову в песок, как страус, и понадеюсь на военную мощь Франции, а потом пушусь наутек.

Пуститься наутек – это еще деликатно сказано. Впрочем, – подумал он, – справедливости ради не стоит слишком упрощать. Вспомни хороших ребят из Сопротивления, вспомни Фоша – он ведь и воевал, и сколачивал армию; вспомни, как прекрасно держались люди. Вспомни добрых друзей и вспомни погиб-

⁴ Да здравствует Франция и жареная картошка. Свобода, Продажность и Глупость! (*фр.*)

⁵ Ясность (*фр.*).

ших. Вспомни многое, еще разок вспомни самых лучших друзей и самых лучших ребят, которых ты знал. Не злись и не валяй дурака. И нечего тебе все кивать на солдатское ремесло. Хватит, – сказал он себе. – Ты ведь поехал развлекаться».

– Джексон, – сказал он, – вам здесь нравится?

– Да, господин полковник.

– Отлично. Сейчас мы подъедем к одному месту, которое я хочу вам показать. Вы на него только разок поглядите, и все. Вся операция пройдет для вас совершенно безболезненно.

«Чего это он на меня взъелся? – подумал шофер. – Вот воображает! Конечно, был важной шишкой! Но хороший генерал генералом бы и остался. Видно, его на войне так исколошматили, что даже мозги вышибли».

– Вот посмотрите, Джексон, – сказал полковник. – Поставьте машину на обочину и давайте поглядим отсюда.

Полковник и шофер перешли через дорогу и посмотрели на другую сторону лагуны – воду ее хлестал резкий, холодный ветер с гор, и контуры строений казались четкими, как на чертеже.

– Прямо перед нами Торчелло, – показал полковник. – Там жили люди, согнанные с материка вестготами. Они-то и построили вон ту церковь с квадратной башней. Когда-то тут жило тридцать тысяч чело-

век; они построили церковь, чтобы почитать своего бога и воздавать ему хвалу. Потом, после того как ее построили, устье реки Силе занесло илом, а может, сильное наводнение погнало воду по новому руслу; всю эту землю, по которой мы сейчас ехали, затопило, расплодился комары, и люди стали болеть малярией. Они мерли, как мухи. Тогда собрались старейшины и решили переселиться в здоровую местность, которую можно оборонять с моря и куда вестготы, ломбардцы и прочие разбойники не смогут добраться, потому что у этих разбойников нет морских судов. А ребята из Торчелло все были отличными моряками. Вот они и разобрали свои дома, камни погрузили на барки, вроде той, какую мы сейчас видели, и выстроили Венецию.

Он замолчал.

– Вам не скучно это слушать, Джексон?

– Нет, господин полковник. Я и понятия не имел, кто пришел сюда первый, как наши пионеры.

– Люди из Торчелло. Это были лихие ребята, и строили они хорошо, с большим вкусом. Они вышли из деревушки Каорле, там, выше по побережью, а во время нашествия вестготов к ним сбежалось все население окрестных городов и сел. И один парень, который возил оружие в Александрию, нашел там тело святого Марка и вывез его, спрятав под свиными тушами,

чтобы мусульманские таможенники не нашли. Он тоже был из Торчелло. Этот парень привез тело в Венецию, и теперь святой Марк – их покровитель, и они построили ему собор. Но к тому времени они уже торговали с далекими восточными странами, и архитектура у них стала, на мой взгляд, слишком византийской. Никогда они не строили лучше, чем в самом начале, в Торчелло. Вот оно, Торчелло.

– А площадь Святого Марка – это там, где много голубей и где стоит такой громадный собор, вроде шикарного кинотеатра?

– Вот именно, Джексон. Это вы точно подметили. Все ведь зависит от того, как на что посмотреть. А теперь поглядите туда, за Торчелло, видите ту красивую *campanile*, на Бурано? У нее почти такой же наклон, как у падающей башни в Пизе. Бурано – густонаселенный островок, женщины там плетут прекрасные кружева, а мужчины делают *bambini*; днем они работают на стекольных заводах вот на том островке, по соседству с другой *campanile*, это – Мурано. Днем они делают прекрасное стекло для богачей всего мира, а потом возвращаются домой на маленьком *varogetto*⁶ и делают *bambini*. Однако не все проводят каждую ночь в постели с женой. По ночам они еще охотятся на уток по кромке болот в этой лагуне; они охотятся на плоско-

⁶ Пароходик (*ит.*).

донках, с длинными ружьями. В лунную ночь выстрелы слышны до самого утра.

Он умолк.

– А там, за Мурано, – Венеция. Это мой город. Я бы мог еще много вам тут показать, да, пожалуй, пора ехать. Но вы все же взгляните еще раз хорошенько. Отсюда все видно, и можно понять, как родился этот город. Только никто с этого места на него не смотрит.

– Вид очень красивый. Спасибо, господин полковник.

– Ладно, – сказал полковник. – Поехали.

Глава пятая

Но сам он продолжал смотреть, и город казался ему таким же прекрасным и волновал ничуть не меньше, чем тогда, когда ему было восемнадцать и он увидел его впервые, ничего в нем не понял и только почувствовал, как это красиво. Зима в тот год стояла холодная и горы за равниной совсем побелели. Австрийцам надо было во что бы то ни стало прорваться в том месте, где река Силе и старое русло Пьяве создавали естественную преграду.

Если удержишь старое русло Пьяве, в тылу остается Силе, за которую можно отступить, когда прорвут первую линию обороны. За Силе не было уже ничего, кроме голой, как плешь, равнины и густой сети дорог; они вели в долины Венето и Ломбардии, и австрийцы всю зиму атаковали снова, снова и снова, чтобы выбраться на эту отличную дорогу, по которой машина катилась теперь прямо в Венецию. В ту зиму у полковника – тогда он был лейтенантом и служил в иностранной армии, что потом всегда казалось чуть-чуть подозрительным в его собственной армии и порядком испортило его карьеру, – болело горло. Болело оно потому, что приходилось без конца торчать в воде. Обсушиться не удавалось при всем желании, и

лучше было поскорее промокнуть до нитки да так и оставаться мокрым.

Австрийские атаки были плохо организованы, но шли одна за другой с необыкновенным упорством; сперва обрушивался артиллерийский огонь, который должен был подавить сопротивление, потом он прекращался, и можно было оглядеть свои позиции и сосчитать людей. Позаботиться о раненых было некогда: начиналась атака – и тогда убивали австрийцев, которые наступали по болоту, поднимая над водой винтовки и бредя еле-еле, как только и можно брести по пояс в воде.

«Не знаю, что бы мы делали, если бы они не прекращали обстрела перед атакой, – часто думал полковник, бывший в то время лейтенантом. – Но перед самой атакой они всегда прекращали огонь и переносили его вглубь.

Если бы мы потеряли старое русло Пьяве и отошли к Силе, противник перенес бы огонь на вторую и третью линии обороны, хотя и ту и другую все равно невозможно было удержать, и австрийцам следовало бы подтянуть всю артиллерию поближе и бить не переставая во время самой атаки, пока не прорвутся. Но слава Богу, – думал полковник, – командует всегда какой-нибудь высокопоставленный оболтус, вот они и действовали непродуманно».

Всю ту зиму он болел тяжелой ангиной и убивал людей, которые шли на него с гранатами, пристегнутыми к ремням португали, тяжелыми ранцами из телячьей кожи, в касках, похожих на котелок. Это был враг.

Но он никогда не питал к ним вражды, да и вообще каких бы то ни было чувств. Он командовал, обвязав горло старым носком, смоченным в скипидаре, и они отбивали атаки ружейным огнем и огнем пулеметов, которые оставались целы после очередного артиллерийского обстрела. Он учил своих людей стрелять – редкое в европейских войсках искусство, учил их глядеть в лицо наступающему врагу, и поскольку всегда выпадают минуты затишья, когда можно спокойно поучиться, они стали отличными стрелками.

Но после артиллерийского обстрела всякий раз приходилось считать – и считать быстро, – сколько у тебя стрелков. Его самого трижды ранило в ту зиму, но раны все были удачные – легкие ранения, не задевшие костей, и это внушило ему твердую веру в свое бессмертие, – ведь его давно должны были убить во время одного из ураганных обстрелов перед какой-нибудь атакой. В конце концов и ему попало как следует, на всю жизнь. Ни одна из его ран не оставила такого следа, как это первое тяжелое ранение. «Наверно, – думал он, – я тогда потерял веру в бессмертие. Что ж, в своем роде это немалая потеря».

Этот край был ему дорог, дороже, чем он мог или хотел кому-нибудь признаться, и теперь он был счастлив, что еще полчаса – и они будут в Венеции. Полковник принял две таблетки нитроглицерина; он был мастер плевать, только тогда, в восемнадцатом году, у него не хватало слюны, чтобы проглотить таблетку, ничем не запивая.

– Как дела, Джексон? – спросил он.

– Отлично, господин полковник.

– Сверните у развилка на Местре влево – мы увидим лодки на канале, да и движение там потише.

– Слушаюсь, господин полковник. Вы мне покажете этот развилок?

– Конечно, – сказал полковник.

Они быстро приближались к Местре, и он снова испытал то чувство, какое у него было, когда он впервые подъезжал к Нью-Йорку, а тот весь сверкал – белый и красивый. Тогда там еще не все было затянуто дымом. «Мы подъезжаем к моему городу, – думал он. – Господи, какой это город!»

Свернув влево, они поехали вдоль канала, где стояли у причалов рыбацьи лодки, и полковник наслаждался, глядя на коричневые сети, и плетеные садки, и строгую, красивую форму лодок. «Нет, живописными их не назовешь. Живописность – это дерьмо. Они просто дьявольски красивы».

Машина миновала длинную вереницу лодок; эти медленные воды канала текли из Бренты, и он вспомнил берег Бренты, где стоят знаменитые виллы с лужайками и садами, с платанами и кипарисами. «Вот если бы меня там похоронили, – думал он. – Я ведь так хорошо знаю те места. Но вряд ли это можно устроить. А впрочем, кто его знает. Найдутся же люди, которые дадут похоронить меня на своей земле. Спрошу у Альберто. Да нет, он еще решит, что я нытик».

Он уже давно подумывал о разных красивых местах, где бы ему хотелось быть похороненным, о тех краях, частью которых он хотел бы стать. «Смердишь и разлагаешься не так уж долго, зато станешь чем-то вроде навоза, даже кости и те пойдут в дело. Я бы хотел, чтобы меня похоронили где-нибудь подальше, на самом краю усадьбы, но чтобы оттуда был виден милый старый дом и высокие тенистые деревья. Вряд ли это доставит им так уж много хлопот. Я бы смешался с той землей, где по вечерам играют дети, а по утрам, может быть, еще учат лошадей брать препятствия и их копыта глухо стучат по дерну, а в пруду прыгает форель, охотясь за мошками».

Теперь, от Местре, они ехали по мощеной дороге мимо уродливого завода Бреда, который с тем же успехом мог быть заводом Хэммонда в штате Индиа-

на.

– А что они здесь делают, господин полковник? – спросил Джексон.

– В Милане эта фирма строит паровозы, – ответил полковник. – Тут они производят разные изделия из металла, всего понемножку.

Отсюда вид на Венецию был неказистый, полковник не любил эту дорогу; зато путь был намного короче и можно было поглядеть на каналы и бакены.

– Этот город сам себя кормит, – сказал он Джексону. – Когда-то Венеция была владычицей морей, народ здесь отчаянный, не боится ни Бога, ни черта, такого больше нигде не встретишь. Люди здесь вежливые, но Венеция, если приглядишься, бедовое местечко – похуже Шайенна.

– Никогда бы не сказал, что Шайенн – бедовое местечко.

– Во всяком случае, более бедовое, чем Каспер.

– Вы думаете, господин полковник, что Каспер бедовый?

– Это нефтяной город. Славный город.

– Да, но бедовым я бы его не назвал. И прежде ничего бедового в нем не было.

– Ладно, Джексон. Может, мы с вами видим там разных людей. А может, называем одно и то же разными именами. Так или иначе, Венеция, где все на редкость

вежливые и обходительные, – такое же бедовое местечко, как Кук-Сити в штате Монтана, когда старожилы в свой праздник напьются до зеленого змия.

– Вот Мемфис – это, на мой взгляд, город бедовый.

– Далеко ему до Чикаго, Джексон. В Мемфисе беда одним только неграм. А в Чикаго – всем и каждому, он бедовый и с севера, и с юга, и с запада, а с востока там озеро. Да и люди там не очень-то вежливые. А вот тут, в Италии, если хотите узнать, что такое по-настоящему бедовое место, поезжайте в Болонью. И кормят там замечательно.

– Никогда там не был.

– Ну, вот и гараж, где мы поставим машину, – сказал полковник. – Ключ можете сдать в контору. Здесь не крадут. Я пока зайду в бар. И чемоданы здесь есть кому поднести.

– А ничего, что мы оставим в багажнике ваше ружье и снаряжение?

– Ничего. Здесь не крадут. Я ведь вам уже сказал.

– Я беспокоюсь о вашем имуществе, господин полковник. И хотел принять меры.

– Вы такой умник, что меня иногда просто тошнит, – сказал полковник. – Продуйте уши и слушайте, что вам говорят.

– Я слышал, господин полковник, – сказал Джексон.

Полковник пристально на него посмотрел привыч-

ным уничтожающим взглядом.

«Вот сукин сын, – думал Джексон, – а ведь прикидывается таким милягой».

– Выньте наши чемоданы, поставьте машину вон там, проверьте горючее, воду и покрышки, – сказал полковник и направился по залитой бензином и маслом цементной дорожке прямо в бар.

Глава шестая

В баре, за первым столиком у входа, сидели разбогатевший во время войны миланец, толстый, но жесткий, как камень, – такими бывают только миланцы, – и его роскошная, в высшей степени соблазнительная любовница. Они пили *negroni* – двойную порцию сладкого вермута с сельтерской, и полковник подумал: сколько же миланцу пришлось утаить налогов, чтобы заплатить за такую холеную даму в длинном норковом манти и за спортивную машину, которую шофер только что погнался по эстакаде в гараж? Парочка воззрилась на него, как и положено невоспитанным людям этой породы, и полковник небрежно отдал им честь.

– Простите, что я в военной форме, – сказал он по-итальянски. – Но увы, это мундир, а не маскарадный костюм!

Не дожидаясь ответа, он повернулся к ним спиной и подошел к стойке. Оттуда можно было следить за своими вещами, как это делали *pescesani*⁷.

«Он, наверно, *commendatore*⁸, – подумал полков-

⁷ Крупные дельцы (*ит.*).

⁸ Здесь: воротила (*ит.*).

ник. – А она – красивая бессердечная дрянь. Но чертовски красивая. А мог бы я, если бы у меня когда-нибудь были деньги, купить себе такую, как эта, и одеть ее в норку? Да пропади она пропадом! Хватит мне и того, что у меня есть».

Бармен пожал ему руку. Он был анархист, но не осуждал полковника за то, что тот – полковник. Наоборот, его это даже грело, ему это льстило, словно теперь и у анархистов был свой полковник; за те несколько месяцев, что они были знакомы, у бармена возникло чувство, будто он сам выдумал этого полковника или по меньшей мере произвел его в чин; он гордился этим, словно построил какую-нибудь *campanile* или старинную церковь в Торчелло.

Бармен слышал разговор, вернее, замечание, которое полковник отпустил у столика, и был очень доволен.

Он уже послал подъемник за джином и кампари.

– Сейчас, – сказал он, – мне пришлют ваш джин. Как дела у вас в Триесте?

– Да примерно так, как вы себе представляете.

– А я не очень-то хорошо их себе представляю.

– И не напрягайтесь, – сказал полковник. – Не то наживете геморрой.

– Не возражаю, если меня за это сделают полковником.

– Вот я и не возражал.

– Смотрите, чтобы вас не скрутило, как от слабительного!

– Только, ради Бога, ничего не рассказывайте почтенному Паччарди, – сказал полковник.

Это была любимая шутка у них с барменом: досточтимый Паччарди занимал пост министра обороны Итальянской Республики. Ему было столько же лет, сколько полковнику, он храбро сражался в Первую мировую войну, воевал в Испании, где был командиром батальона, и полковник познакомился с ним, будучи сам военным наблюдателем. Серьезность, с какой министр обороны относился к своим обязанностям в этой неспособной к обороне стране, смешила и полковника, и бармена. Оба они были людьми практичными, и мысль о досточтимом Паччарди – защитнике Итальянской Республики – их очень забавляла.

– Там у нас довольно весело, – сказал полковник. – Так что ничего, жить можно.

– Надо бы малость механизировать досточтимого Паччарди. Дайте ему атомную бомбу.

– Я везу в багажнике целых три. Последняя ручная модель с запасными частями. Его надо как следует вооружить. Снабдить хотя бы бактериями.

– Да, почтенного Паччарди мы не подведем! – сказал бармен. – Лучше один час прожить львом, чем всю

жизнь ягненком.

– Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, – добавил полковник. – Впрочем, бывает и так, что мигом хлопнешься на брюхо, если хочешь выжить.

– Полковник, прекратите эти разговорчики.

– Мы задушим их голыми руками, – продолжал полковник. – Наутро под ружье встанет миллионная армия защитников родины!

– А кто им даст ружья? – спросил бармен.

– Все необходимые меры будут приняты. Это только первый этап грандиозного плана обороны!

Вошел шофер. Полковник отметил, что, пока они перебрасывались шутками, он перестал следить за дверью, а всякая потеря бдительности его всегда злила.

– Какого дьявола вы там возились, Джексон? Хотите выпить?

– Нет, спасибо, господин полковник.

«Ах ты чертова ханжа! – подумал полковник. – Но хватит мне его шпынять», – сказал он себе.

– Сейчас пойдем, – объяснил он шоферу. – Я тут учусь у моего приятеля говорить по-итальянски.

Он оглянулся на миланских спекулянтов, но их уже не было.

«Ты потерял быстроту реакции, – подумал он. – Смотри, еще попадешься кому-нибудь в лапы. Может,

даже почтенному Паччарди».

– Сколько с меня? – сухо спросил он бармена.

Итальянец назвал сумму, поглядывая на него своими умными глазами; теперь они больше не смеялись, хотя от них по-прежнему разбегались веселые морщинки. «Надеюсь, что у него все в порядке, – думал бармен. – Дай Бог, или кто там еще есть, чтобы с ним не стряслось никакой беды!»

– До свидания, полковник, – сказал он.

– Ciao⁹, – ответил полковник. – Джексон, мы сейчас пойдем по длинной эстакаде прямо на север, туда, где пришвартованы маленькие моторки. Их тут покрывают лаком. А вот и носильщик с нашими чемоданами. Придется дать ему отнести вещи, у них тут такое правило.

– Слушаюсь, господин полковник, – сказал Джексон.

Оба, не оглядываясь, вышли из бара.

На imbarcadero¹⁰ полковник заплатил человеку, который поднес их чемоданы, и стал высматривать знакомого лодочника.

Он не узнал человека в первой моторке, но тот сказал:

– День добрый, полковник. Сейчас моя очередь.

⁹ Привет (*ит.*).

¹⁰ Пристань (*ит.*).

– Сколько до «Гритти»?

– Вы же знаете не хуже моего, полковник! Мы не торгуемся. Такса у нас постоянная.

– Какая же это такса?

– Три тысячи пятьсот лир.

– Мы можем поехать на пароходике за шестьдесят.

– Вот и езжайте, – сказал пожилой лодочник с красным, но добродушным лицом. – До самого «Гритти» он вас не довезет, вы сойдете на imbarcadero за «Гарри» и можете позвонить оттуда, чтобы прислали за вашими чемоданами.

«Что я куплю на дерьмовые три с половиной тысячи? А он славный старик...»

– Хотите, я пошлю с вами вон того человека? – Лодочник показал на дряхлого старика, которого на пристани гоняли по всяким поручениям; он всегда был готов оказать непрошеную помощь – подсадить или ссадить под локоток пассажира, который в этом совсем не нуждался, – а потом с поклонами стоял, протягивая старую фетровую шляпу. – Он сведет вас на пароходик. Следующий отходит через двадцать минут.

– Черт с ним, – сказал полковник. – Отвезите нас сами до «Гритти».

– Con piacere¹¹.

¹¹ С удовольствием (*um.*).

Полковник и Джексон спустились в лодку, похожую на гоночный катер. Она сияла лаком, была любовно надраена и оснащена крошечным двигателем «фиат» – он явно отслужил свой век на машине какого-нибудь провинциального доктора, был куплен на свалке автомобильного старья (что-что, а эти кладбища механических ископаемых теперь найдешь возле любого населенного пункта!), переделан и переоборудован для новой жизни на каналах Венеции.

– Мотор хорошо работает? – спросил полковник. Он слышал, как мотор чихает, словно подбитый танк или самоходное орудие, только звук был гораздо слабее, потому что силенок у него было меньше.

– Да так себе, – признался лодочник, помахав свободной рукой.

– Вам бы надо достать маленькую модель «универсал». Самый надежный и самый легкий морской двигатель, какой я знаю.

– Мало ли что мне надо достать! – сказал лодочник.

– Может, год выдастся хороший.

– Дай-то Бог. Из Милана на Лидо приезжает много ресесані играть в рулетку. Но разве кто захочет сесть в эту лодку во второй раз? А лодка хорошая. Прочная, удобная. Конечно, нет у нее такой красоты, как у гондолы. Но ей нужен мотор.

– Постараюсь достать вам мотор с «виллиса». Из

тех, что были списаны, – вы сможете его перебрать?

– Чего зря говорить? – сказал лодочник. – Разве это возможно? Я и думать об этом не хочу.

– Почему же? – сказал полковник. – Я знаю, что говорю.

– И не шутите?

– Нисколько. Правда, голову наотрез не дам. Но постараюсь. У вас много детей?

– Шестеро. Два мальчика и четыре девочки.

– Видно, вы не очень-то верили в фашистскую власть. Всего шестеро!

– А я и не верил.

– Вы мне голову не морочьте, – сказал полковник. – Ничего удивительного, если вы в нее верили. Думаете, теперь, когда мы победили, я вас стану этим прекать?

«Ну вот мы и проехали самую унылую часть канала – она тянется от Пьяццале-Рома до Ка'Фоскари; впрочем, и тут нет ничего унылого», – подумал полковник.

Нельзя же, чтобы повсюду были одни дворцы и церкви. А вот здесь уж никак не уныло! Он поглядел направо – «по правому борту, – поправил он себя. – Ведь мы на судне!» Они плыли мимо длинного, низкого приветливого здания; рядом с ним стояла трагедия.

«Эх, хорошо бы здесь поселиться! Пенсии мне

вполне хватит. Конечно, не в «Гритти-палас». Снять бы комнату в доме вроде этого и смотреть на приливы, отливы и проплывающие мимо лодки. По утрам читать, до обеда гулять по городу, каждый день ходить в Academia смотреть на Тинторетто и в Scuola San-Rocco, есть в хороших дешевых ресторанчиках за рынком, а вечером хозяйка, может, и сама сготовит что-нибудь на ужин.

Обедать лучше не дома, чтобы и после обеда можно было пройтись. В этом городе хорошо гулять. Наверно, лучше, чем где бы то ни было. Когда бы я тут ни бродил, мне всегда бывает приятно. Я бы мог как следует его изучить, и тогда мне будет еще интереснее.

Какая она путаная, эта Венеция, – искать тут какое-нибудь место куда занятнее, чем решать кроссворды. Да, мы мало чем можем похвастаться, но вот ее мы, слава Богу, ни разу не бомбили. А им делает честь, что и они отнеслись к ней с уважением.

Господи, как я ее люблю, – думал он, – я рад, что помогал ее защищать, когда был еще совсем сопляком, и плохо знал язык, и даже толком ее не видел до того ясного зимнего дня, когда пошел в тыл, чтобы перевязать пустяковую рану, и вдруг увидел, как она встает из моря.

Черт возьми, – думал он, – а мы ведь неплохо дра-

лись той зимой возле перекрестка.

Жаль, что нельзя перевоевать ту войну сначала, – думал он. – С моим опытом и с тем, что у нас сейчас есть. Но и у них теперь всего не меньше, а трудности – те же, если нет превосходства в воздухе».

Раздумывая об этом, он смотрел, как крутой нос сверкающей лаком, изящно отделанной медью лодки – медные части ее сияли – резал бурую воду и ловко обходил препятствия.

Они прошли под белым мостом и под еще не достроенным деревянным мостом. Красный мост они оставили справа и миновали первый высокий белый мост. За ним показался черный ажурный мост из чугуна на канале, ведущем к Рио-Нуово, и они миновали два столба, скованные цепью, но не касавшиеся друг друга, – «совсем как мы с ней», – подумал полковник. Он смотрел, как вырывает столбы прибой и как глубоко врезались в дерево цепи с той поры, когда он первый раз их увидел. «Совсем как мы, – думал он. – Это памятник нам. Сколько же памятников стоит нам в каналах этого города!»

Они шли медленно, пока не добрались до громадного фонаря по правую руку от входа в Большой канал; там мотор стал издавать металлические хрипы, от которых скорость чуть-чуть увеличилась.

Дальше они поплыли под зданием *Academia*, меж-

ду сваями, и чуть было не столкнулись с черным дизелем, тяжело груженным пиленным лесом. Бруски эти шли на отопление сырых домов Морского Града.

– Это береза, правда? – спросил полковник у лодочника.

– Береза и какое-то другое дерево, подешевле, не припомню, как оно называется.

– Береза для камина все равно что антрацит для плиты. А где они рубят эту березу?

– Я в горах не жил. Но по-моему, ее привозят из-за Бассано, с дальнего склона Граппы. Я как-то ездил на Граппу поглядеть, где похоронен мой брат. Из Бассано мы поехали с экскурсией на большое ossario. А возвращались через Фельтре. И когда мы спускались в долину, я видел, что другой склон покрыт лесом. Ехали мы по военной дороге, и откуда-то везли много дров.

– В каком году убили вашего брата на Граппе?

– В восемнадцатом. Он был патриот, и уж очень зазгли его речи д'Аннунцио. Пошел добровольцем, хотя его год еще не призвали. Мы и привыкнуть к нему толком не успели, больно быстро он от нас ушел.

– А сколько вас было братьев?

– Шестеро. Двоих убили за Изонцей, одного – на Банизице и одного у Карста. Потом на Граппе мы потеряли того брата, о котором я говорю, и я остался один.

– Я достану вам этот проклятый «виллис» со всеми потрохами, – сказал полковник. – А пока что не будем думать о мертвых, давайте лучше посмотрим, где живут мои друзья.

Они плыли по Большому каналу, и здесь было хорошо видно, где живут друзья.

– Вот дом графини Дандоло, – показал полковник. Он, правда, не сказал вслух, а только подумал: ей ведь уже за восемьдесят, а она все еще живая, как девчонка, и совсем не боится смерти. Волосы красит в ярко-рыжий цвет, и ей это очень к лицу. С ней всегда весело, она прелестная женщина.

И палаццо у нее удобный; стоит в глубине, перед ним сад с собственным причалом, куда в разные времена приставало множество гондол и высаживались самые разные люди: веселые, добродушные, грустные и потерявшие веру в жизнь. Но главным образом веселые – ведь они ехали в гости к графине Дандоло.

Они с трудом двигались по каналу навстречу холодному ветру с гор, наслаждаясь древней магией города и его красотой; очертания домов были четки и рельефны, как в зимний день, а день и в самом деле был зимний. Но для полковника прелесть была еще и в том, что он знал многих обитателей этих палаццо, а если там сейчас никто и не жил, знал судьбу этих зданий.

«Вот дом матери Альварито», – подумал он, но промолчал.

Она здесь теперь почти не живет и редко выезжает из имения возле Тревизо, где растет много деревьев. Ее угнетает, что в Венеции совсем нет деревьев. Она потеряла хорошего мужа, и теперь ее мало что интересует, кроме хозяйства.

В свое время ее семья уступила этот дом Джорджу Гордону, лорду Байрону, и в его кровати с тех пор никто не спит; не спят и в другой кровати, двумя этажами ниже, где он проводил ночи с женой гондольера. И не потому, что кровати эти – святыня или реликвия. Это просто лишние кровати, которыми не пользуются по разным причинам, а может – из уважения к лорду Байрону, которого тут, в городе, очень любили, несмотря на все его ошибки. Тут, видно, надо быть парнем бедовым, чтобы тебя полюбили. Они ведь так и не признали ни Роберта Браунинга, ни госпожу Браунинг, ни их собаку. Эти трое так и не стали венецианцами, что бы там мистер Браунинг об этом ни писал. «А что значит «бедовый»? – спросил себя полковник. – Я так часто употребляю это слово, что должен бы знать его смысл. Сорвиголова? Скорее, тот, кто умеет все поставить на карту и не выйдет из игры, сколько бы ни проиграл. Или просто тот, кто готов играть до конца. И речь идет отнюдь не о театре, – думал он. – Как бы

я ни любил театр».

«Так ли?» – подумал он, увидев маленькую виллу над самой водой, ничуть не менее уродливую, чем любой домишко в предместье Парижа, который видишь из окна поезда по дороге из Гавра или Шербура. Вокруг виллы густо росли плохо ухоженные деревья, и по доброй воле вы бы в ней жить не стали. Но там жил *он*.

«А вот его любили за талант, за пороки и за смелость. Нищий еврейский мальчик, он покори́л страну своим талантом и своим красноречием. Я не встречал человека более жалкого и более подленького. Но тот, с кем я мог бы его сравнить, не рисковал всем, что у него было, и сам не воевал, а Габриэле д'Аннунцио (интересно, как его звали на самом деле, кому могут дать имя д'Аннунцио¹² в такой земной стране, как эта; может, он и не был евреем, да и какая разница, был он им или не был) перепробовал разные роды войск, так же как перепробовал любовь разных женщин».

Ни один род войск не утруждал его службой, походы его были молниеносны, он всегда выходил сухим из воды. Полковник помнил, как д'Аннунцио потерял глаз, когда разбился самолет, на котором он летал не то над Триестом, не то над Пулой, и как он потом всегда носил черную повязку, а люди, не знавшие, где

¹² Благовест (*um.*).

это произошло, ибо тогда этого еще никто как следует не знал, думали, что глаз ему выбили под Велики, или Сан-Микеле, или еще в каком-нибудь злосчастном месте по ту сторону Карста, где все либо полегли, либо стали калеками. Для д'Аннунцио война была только воинственной жестикуляцией. У пехотинца свое особое ремесло, не похожее на другие. Габриэле летал, но он не был летчиком. Он служил в пехоте, но не был пехотинцем, он и там соблюдал одну видимость.

И полковник вспомнил, как однажды, когда он командовал взводом первого эшелона, а погода стояла дождливая, как всегда в те бесконечные зимы или, уж во всяком случае, во время всех парадов или военных смотров, д'Аннунцио, с черной повязкой вместо глаза и мучнисто-белым лицом, белым, как брюхо у камбалы, только что перевернутой на сковороде, сырой стороной кверху, и с таким видом, будто он уже вторые сутки мертвый, кричал им: «Morire non è basta!»¹³ – и полковник, бывший тогда лейтенантом, подумал: «Какого рожна им от нас еще надо?»

Он слушал речь и в конце, когда подполковник д'Аннунцио, писатель и национальный герой, очевидный и патентованный, раз уж нужны герои – а полковник в героев не верил, – попросил минуту помолчать в па-

¹³ Умереть – это еще не все! (*um.*)

мать о павших героях, лейтенант покорно вытянулся. Но взвод его, который не слышал речи, потому что тогда еще не было громкоговорителей, а ветер относил слова оратора в сторону, как только наступило молчание в честь павших героев, единодушно и раскатисто рывкнул: «Evviva d'Annunzio!»¹⁴

Д'Аннунцио не раз поздравлял их с победами и взывал к ним перед поражениями, и они знали, что им кричать, когда оратор делает паузу.

Полковник, который тогда был лейтенантом и любил свой взвод, крикнул вместе с ними, словно отдавая команду: «Evviva d'Annunzio!» – тем самым выгораживая тех, кто не слышал этого призыва или речи, и пытаясь скромно, как и положено лейтенанту (если только речь не идет о защите безнадежной позиции или инициативе в бою), разделить с ними вину.

А вот теперь лодка проезжает мимо дома, где этот старый греховодник жил со своей актрисой – великой, печальной и не очень любимой, и полковник вспоминает ее поразительные пальцы и волшебное преображающееся лицо, – оно не было красивым, зато умело передать всю любовь, все величие, все восторги и всю боль на свете, – вспоминает, как легкий взмах ее руки надрывал ему сердце, и думает: «Господи, ведь оба они уже умерли, а я понятия не имею даже, где их

¹⁴ Да здравствует д'Аннунцио! (*um.*)

похоронили. Но от души надеюсь, что в этом доме им все-таки бывало хорошо».

– Джексон, – сказал он, – эта маленькая вилла слева принадлежала Габриэле д’Аннунцио. Он был великий писатель.

– Так точно, господин полковник, – сказал Джексон. – Спасибо, что вы мне сказали. Никогда о нем не слышал.

– Я вам скажу, что он написал, если вам захочется его прочесть. Он неплохо переведен на английский.

– Спасибо, господин полковник, – ответил Джексон. – С удовольствием почитаю, если будет время. Домик у него подходящий. Как, вы говорите, его фамилия?

– Д’Аннунцио, – сказал полковник, – писатель.

Он добавил мысленно, не желая путать Джексона и его стеснять, как делал уже сегодня не раз: писатель, поэт, национальный герой, фашистский фразер и полемист, эгоист и певец смерти, авиатор, полководец, участник первой атаки торпедных катеров, подполковник пехотных войск, толком не умевший командовать ротой и даже взводом, большой, прекрасный писатель, которого мы почитаем, автор «Notturmo»¹⁵ и хлюст.

Впереди, у Санта-Мария-дель-Джилльо, был пере-

¹⁵ «Ноктюрн» (*um.*).

кресток двух каналов, а за ним деревянный причал «Гритти».

– Вот и наша гостиница, Джексон.

Полковник показал на небольшой розоватый трехэтажный дворец, выходящий прямо на канал. Раньше это был филиал «Гранд-отеля», но теперь стал самостоятельной и очень хорошей гостиницей. В городе, где столько прекрасных отелей, это, пожалуй, самый лучший, если вы не любите, когда перед вами угодничают, заискивают и не дают вам самому шагу ступить.

– Местечко, по-моему, приличное, – сказал Джексон.

– Вполне приличное.

Моторная лодка с шиком подошла к деревянным сваям причала. «Каждое ее движение, – думал полковник, – это подвиг изношенного механизма. У нас теперь нет боевых коней, таких как знаменитый «Путник» или как «Лизетта» гене–рала Марбо, воевавшая при Эйлау. Теперь мы почитаем стойкость изношенных рычагов, которые не выходят из строя, хотя давно имеют на это право».

– Причалили, господин полковник, – сказал Джексон.

– Конечно, причалили! А что нам еще делать? Ну-ка прыгайте, а я расплачусь с этим гонщиком. – Повер-

нувшись к лодочнику, он спросил: – С меня ведь три с половиной тысячи, а?

– Так точно, полковник.

– Насчет списанного «виллиса» я не забуду. Получайте и купите своей лошадке овса.

Швейцар, который брал у Джексона чемоданы, засмеялся:

– Нет такого ветеринара, который возьмется вылечить его лошадь.

– Но она еще бегаёт! – сказал лодочник.

– А вот призов на скачках уже не берет. Какживаете, полковник?

– Лучше не бывает. А как члены Ордена?

– Все в порядке.

– Хорошо, – сказал полковник. – Пойду повидаюсь с Гроссмейстером.

– Он вас ждёт.

– Ждать мы его заставлять не можем. Джексон, пройдите в холл с этим джентльменом и попросите меня отметить. Позаботьтесь, чтобы сержанту дали комнату, – сказал он швейцару. – Мы только на одну ночь.

– Вас спрашивал барон Альварито.

– Я увижусь с ним у «Гарри».

– Хорошо, господин полковник.

– А где Гроссмейстер?

- Сейчас я его разыщу.
- Скажите, что я буду в баре.

Глава седьмая

Бар «Гритти» был сразу за холлом, хотя холл, подумал полковник, неподходящее слово для зала с таким благородством пропорций. Кажется, Джотто дал определение круга? Нет, это один математик. Из анекдотов о Джотто ему нравился вот какой: «Это так просто!» – сказал художник, начертив безукоризненный круг. Кто и где, черт побери, ему это рассказывал?

– Добрый вечер, Тайный Советник, – сказал он бармену; тот был только кандидатом в члены Ордена, но полковнику не хотелось его обижать. – Чем могу служить?

– Выпейте рюмочку, полковник.

Полковник поглядел через окна и стеклянную дверь на Большой канал. Он увидел высокий черный столб, к которому причаливают гондолы, и отсвет вечернего зимнего солнца на беспокойной от ветра воде. На той стороне стоял старинный дворец, а по каналу двигалась деревянная баржа, черная и широкая, разводя тупым носом волну, хотя ветер был попутный.

– Дайте мне сухого мартини, – сказал полковник. – Большую рюмку.

Тут вошел Гроссмейстер. На нем был фрак, как и положено метрдотелю. Он был по-настоящему, по-че-

ловчески красив – изнутри: улыбка его шла от самого сердца или от того, что зовут душой человека, а потом весело и открыто выходила на поверхность, то есть освещала лицо.

Лицо у него было лукавое, с длинным прямым носом, как у всех уроженцев этой части Венето, с добрыми, веселыми, правдивыми глазами и седыми волосами, приличествующими его возрасту – он был на два года старше полковника.

Он подошел с сердечной улыбкой, хотя и с видом заговорщика – ведь у них было немало общих тайн, – и протянул свою руку, большую, сильную руку с длинными пальцами, холеную, как и подобало человеку в такой должности, а полковник протянул ему свою, дважды простреленную и чуть-чуть скрюченную. Так встретились два старожилы Венето, двое мужчин, два брата из рода человеческого – единственного клуба, в который тот и другой платили взносы, братья в своей любви к этой древней стране, издавна бывшей яблоком раздора, но победоносной даже в поражении, к стране, которую оба они защищали мальчишками.

Короткое рукопожатие, только чтобы ощутить близость и радость встречи; потом метрдотель сказал:

– Здравствуйте, полковник.

– Здравствуйте, Gran Maestro¹⁶, – сказал полковник.

¹⁶ Гроссмейстер (*ит.*).

Полковник пригласил Gran Maestro выпить с ним рюмочку за компанию; метрдотель ответил, что он на работе. Пить на работе не полагается, да и запрещено.

– Ну их к разэтакой матери с их запрещениями, – сказал полковник.

– Само собой, – сказал Gran Maestro, – но обязанности свои надо выполнять, правила у нас разумные, их надо выполнять, особенно мне, раз я должен подавать пример.

– Но вы же все-таки Gran Maestro! – сказал полковник.

– Ну что ж, дайте мне рюмочку Carpano punto e mezzo¹⁷, – сказал Gran Maestro бармену, который все еще не был принят в Орден по какой-то пустяковой, неясной и скрытой причине. – Я выпью за Ordine¹⁸.

Так, нарушая порядки и правила поведения старшего по званию, который должен служить примером, Gran Maestro и полковник опрокинули по рюмке. Они не торопились, и Gran Maestro был спокоен. Опрокинули по рюмке, и все тут.

– А теперь давайте обсудим дела Ордена, – сказал полковник. – Как, сессия у нас секретная?

– Да, – сказал Gran Maestro. – Я объявляю ее сек-

¹⁷ Название аперитива.

¹⁸ Орден (*um.*).

ретной.

– Продолжайте, – сказал полковник.

Орден, чистейший плод их фантазии, был основан во время бесед Gran Maestro с полковником. Он назывался El Orden Militar, Noble y Espirituoso de los Caballeros de Brusadelli¹⁹. И полковник, и метрдотель говорили по-испански, а поскольку, если вы хотите основать Орден, этот язык самый подходящий, они им и воспользовались, присвоив своему Ордену имя известного миланского спекулянта-миллиардера, уклонявшегося от уплаты налогов; на бракоразводном процессе, во время спора из-за раздела имущества, он публично обвинил молодую жену в том, что своим необычайно страстным темпераментом она довела его до умственного расстройства.

– Gran Maestro, что слышно о нашем патроне, благословенно имя его? – спросил полковник.

– Ничего. Он что-то в последнее время притих.

– Должно быть, думает.

– Должно быть.

– Видно, придумывает новые и еще более выдающиеся подлости.

– Вероятно. Он мне ничего не сообщал.

– Но на него можно положиться.

¹⁹ Военный, аристократический и духовный Орден кавалеров Брусаделли (исп.).

– До последнего вздоха. Потом пусть черти жарят его в аду, а мы будем благословлять его память.

– Джорджо, – сказал полковник, – принесите Gran Maestro еще рюмку карпано.

– Если это приказ, – сказал Gran Maestro, – мне остается только повиноваться.

Они чокнулись.

– Джексон! – крикнул полковник. – В этом городе вы гость. Харчи бесплатные, только счет подпишите. Будьте завтра в одиннадцать ноль-ноль в холле, а до тех пор чтоб глаза мои вас не видели, но смотрите, как бы с вами чего не стряслось. Деньги у вас есть?

– Да, господин полковник, – сказал Джексон и подумал: «Старый хрыч и вправду рехнулся. Чем орать во все горло, мог бы меня подозвать вежливо».

– Убирайтесь с глаз долой, – повторил полковник.

Джексон стоял перед ним, вытянувшись в струнку.

– Вы мне надоели, вы все хлопчете и не умеете жить в свое удовольствие! Господи Боже мой, поживите вы хоть день в свое удовольствие.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Вы поняли, что я сказал?

– Да, господин полковник.

– Повторите.

– Рональду Джексону, личный номер сто тысяч шестьсот семьдесят восемь, явиться в холл гостини-

цы «Гритти» в одиннадцать ноль-ноль, завтра, числа не помню, а до тех пор не показываться полковнику на глаза и жить как вздумается, в свое удовольствие.

– Простите, Джексон, – сказал полковник. – Я просто дерьмо.

– Разрешите возразить, господин полковник? – сказал Джексон.

– Спасибо, Джексон, – сказал полковник. – Может, я и не дерьмо. Хорошо, если вы правы. А теперь сматывайтесь. Комнату вам уже дали или должны дать, и харчи вам тут обеспечены. Постарайтесь пожить в свое удовольствие.

– Слушаюсь, господин полковник, – сказал Джексон.

Когда он ушел, Gran Maestro спросил:

– Что он за парень? Из породы мрачных американцев?

– Да, – сказал полковник. – Господи, сколько их у нас развелось. Мрачные, добродетельные, раскормленные и недоразвитые. В том, что они недоразвиты, есть и моя вина. Но у нас попадаются и хорошие ребята.

– Вы думаете, они держались бы на Граппе, на Пасубио и на Пьяве, как мы?

– Хорошие ребята держались бы. Может, даже и лучше нас. Но знаете, у нас в армии не ставят к стен-

ке даже за самострел.

– Господи! – сказал Gran Maestro.

И он, и полковник – оба знавали людей, которые ни за что не хотели умирать, забывая о том, что тот, кто умрет в четверг, уже не должен умирать в пятницу; они помнили, как один солдат привязывал мешок с песком к ноге другого, чтобы не осталось пороховых ожогов, и стрелял в товарища с такой дистанции, с какой, по его расчетам, мог попасть в голень, не задев кости, а потом разика два палил в воздух, изображая перестрелку. Да, оба они это знали, и в память о войне, а также из настоящей, хорошей ненависти ко всем, кто на ней наживается, они и основали свой Орден.

Они помнили, эти двое, любя и уважая друг друга, как бедные солдатики, ни за что не хотевшие умирать, делились друг с другом содержимым спичечной коробки, чтобы заразиться и не ходить в очередную кровавую атаку.

Они знавали и таких ребят, которые засовывали себе под мышку большие медные монеты, чтобы вызвать желтуху. И ребят побогаче, которым впрыскивали парафин под коленную чашечку, чтобы им вовсе не пришлось воевать.

Они знали, как применять чеснок, чтобы увильнуть от участия в атаке, знали все или почти все уловки – ведь один из них был сержантом в пехотной части, а

другой лейтенантом, и оба сражались на трех ключевых участках – на Пасубио, на Граппе и на Пьяве, а уж где, как не там, стоило увилить!

Еще раньше они прошли сквозь бессмысленную мясорубку на Изонце и на Карсте. Им было стыдно за тех, кто ее устроил, и они старались не думать о ней, об этой позорной, дурацкой затее – поскорее бы ее забыть. Правда, полковник вспоминал ее иногда, поскольку она могла послужить уроком в других войнах. Вот они и основали Орден Брусаделли, аристократический, военный и духовный, насчитывающий всего пять членов.

– Что слышно в Ордене? – спросил полковник.

– Шеф-повара ресторана «Манифик» мы произвели в командоры. В день, когда ему стукнуло пятьдесят, он трижды показал себя мужчиной. Я принял его заявление к сведению без проверки. Он никогда не лгал.

– Верно. Он никогда не лгал. Но в этом вопросе люди склонны преувеличивать.

– Я поверил ему на слово. На нем лица не было.

– А ведь бедовый был парнишка, любил девке подол задрать. Я помню.

– Anchio²⁰.

– У вас есть какие-нибудь планы работы Ордена на

²⁰ Я тоже (*um.*).

зиму?

– Нет, Верховный Магистр.

– А вам не кажется, что следует устроить манифестацию в честь высокочтимого Паччарди?

– Как прикажете.

– Давайте отложим этот вопрос, – сказал полковник.

Он подумал и заказал еще одну рюмку сухого мартины.

– А не устроить ли нам в честь нашего великого патрона Брусаделли, благословенно имя его, шествие и манифестацию в каком-нибудь из исторических мест – на площади Святого Марка или у старой церкви в Торчелло?

– Сомневаюсь, чтобы в данный момент это разрешили церковные власти.

– Тогда давайте откажемся на эту зиму от публичных манифестаций и будем действовать на благо Ордена нашими собственными силами.

– По-моему, это самое разумное, – сказал Gran Maestro. – Мы перестроим свои ряды.

– Ну а вы-то сами как поживаете?

– Отвратительно, – сказал Gran Maestro. – Пониженное кровяное давление, язва желудка и долги.

– Но вы не жалуетесь на жизнь?

– Никогда, – сказал Gran Maestro. – Я очень люблю

свою работу, мне приходится иметь дело с необыкновенными, прелюбопытнейшими людьми и с великим множеством бельгийцев. Они в этом году – как саранча. Прежде у нас бывало много немцев. Как это Цезарь сказал? «И храбрейшими из них были бельги». Но отнюдь не самыми элегантными. Верно?

– В Брюсселе, я видел, они одеваются прилично, – сказал полковник. – Сытая, веселая столица.

– Вот бы нам повоевать в старину во Фландрии.

– В старину нас на свете не было, – сказал полковник. – Поэтому мы никак не могли там воевать.

– Жаль, что мы не воевали на кондотьерах; стоило тебе тогда перехитрить противника, и он сдавался. Вы бы придумывали разные хитрости, а я бы передавал ваши приказы.

– Сперва пришлось бы взять несколько городов, чтобы запугать противника нашими хитростями.

– Но если бы города вздумали сопротивляться, мы бы их разграбили, – сказал Gran Maestro. – Какие города вы бы взяли?

– Только не этот, – сказал полковник. – Я бы взял Виченцу, Бергамо и Верону. Может быть, сперва Верону или Бергамо.

– Мало. Надо взять еще два города.

– Верно, – сказал полковник. Теперь он снова стал генералом и блаженствовал. – Я думаю, что Брешию

можно оставить у себя в тылу. Она бы сдалась сама.

– Ну а ваше здоровье как? – спросил Gran Maestro; он понимал, что взятие городов для него слишком сложное дело. Он чувствовал себя как дома в своем Тревизо, на берегу быстрой речки, под старыми городскими стенами. Течение шевелило водоросли, а под ними неподвижно стояла рыба и всплывала в сумерках, когда на воду садились мошки. Он чувствовал себя как дома и на войне, но если в деле участвовало не больше роты; тогда он разбирался в операции не хуже, чем в сервировке маленького банкетного зала, да и большого банкетного зала тоже.

А когда полковник снова превращался в генерала и начинал орудовать понятиями, такими же темными для метрдотеля, как интегралы для человека, знающего только арифметику, тогда ему становилось не по себе, одиноко, ему хотелось поскорее вернуть полковника к той поре, когда один из них был лейтенантом, а другой сержантом.

– А как бы вы поступили с Мантуей? – спросил полковник.

– Не знаю. Я понятия не имею, с кем вы воюете, какие у них силы и какие у вас.

– Вы сами, по-моему, сказали, что мы кондотьеры. И базируемся либо здесь, в Венеции, либо в Падуе.

– Полковник, – сказал Gran Maestro, ничуть не при-

украшивая истины, – честно говоря, я понятия не имею о кондотьерах. И о том, как они воевали. Я ведь только пожалел, что в те времена не воевал под вашим командованием.

– Те времена ушли и не вернуться, – сказал полковник, и воздушного замка как не бывало.

«А ну их к дьяволу, все эти воздушные замки, – думал полковник, – может, их никогда и не было. А ну тебя самого к дьяволу, – сказал он себе. – Не валяй дурака и будь человеком, ведь тебе уже полста».

– Еще рюмочку карпано, – предложил он.

– Вы мне позволите отказаться? У меня язва.

– Да-да. Конечно. Эй, как вас там зовут, Джорджо! Еще рюмку сухого мартини. Secco, molto secco e doppio²¹.

«Разрушать воздушные замки – это не мое ремесло, – думал он. – Мое ремесло – убивать вооруженных солдат. Воздушный замок должен превратиться в крепость, чтобы я стал его разрушать. Но мы убивали не одних только вооруженных солдат. Ладно, разрушитель замков, заткнись».

– Gran Maestro, – сказал он. – Вы все равно Gran Maestro, и ну их к разэтакой матери, всех этих кондотьеров.

– Они давным-давно там, Верховный Магистр.

²¹ Сухого, очень сухого, большую рюмку (*um.*).

– Так точно, – сказал полковник. Но воздушный замок все-таки рухнул. – Увидимся за ужином, – сказал полковник. – Есть что-нибудь хорошее?

– Все, что хотите, а чего у нас нет, я достану.

– Свежая спаржа найдется?

– Вы же знаете, что сейчас для нее не сезон. Ее привозят из Бассан в апреле.

– Ладно, – сказал полковник. – Тогда придумайте что-нибудь сами. Я съем все, что подадите.

– Вы будете один? – спросил метрдотель.

– Нас будет двое, – сказал полковник. – Когда закрывается ваш *bistro*²²?

– Мы будем вас ждать, когда бы вы ни пришли.

– Постараюсь быть вовремя, – сказал полковник. – До свидания, *Gran Maestro*. – Он улыбнулся и протянул *Gran Maestro* искалеченную руку.

– До свидания, Верховный Магистр, – сказал *Gran Maestro*, и воздушный замок вырос снова, будто он и не был разрушен.

Но чего-то все же недоставало, и полковник это чувствовал, он подумал: «Отчего я такой ублюдок, отчего я не могу бросить свое военное ремесло и быть добрым и хорошим, каким мне хочется быть?»

Я всегда стараюсь быть справедливым, но я резок и груб, и дело не только в том, что я не хочу ни пе-

²² Кабачок (фр.).

ред кем пресмыкаться и это служит мне защитой против начальства и против всего света. Жить осталось немного, и мне бы следовало быть подобнее, унять свой нрав. Попробуем сегодня вечером, – подумал он. – Да, но с кем и где! – подумал он. – Дай только Бог не сорваться!»

– Джорджо, – подозвал он бармена; лицо у Джорджо было белое, как у прокаженного, но без бугров и без серебристого налета.

Джорджо недолго любил полковника, а быть может, он просто был из Пьемонта и никого не любил, – разве можно этого требовать от холодных людей из пограничной провинции? Пограничные жители – народ недоверчивый, полковник это знал, он не ждал от людей того, чего они не могут дать.

– Джорджо, – сказал он бледному бармену, – пожалуйста, запишите все на мой счет.

Он вышел из бара привычной походкой, шагая чуть тверже, чем надо, и, помня о своем неуклонном стремлении вести себя любезно, скромно и добросердечно, поздоровался со своим приятелем швейцаром и с помощником управляющего, который был военнопленным в Кении и умел говорить на суахили; это был очень приветливый человек, молодой, жизнерадостный, с хорошей внешностью. И хотя он еще не был членом Ордена, горя на своем веку он уже хлебнул.

– А где же управляющий? – спросил полковник. – Где мой друг?

– Его нет, – ответил помощник управляющего. – Разумеется, в данный момент, – добавил он.

– Передайте ему привет, – сказал полковник. – И пусть меня кто-нибудь проводит в мой номер.

– Мы вам отвели ваш обычный номер. Он вам еще не надоел?

– Ничуть. А о сержанте позаботились?

– Да, конечно.

– Отлично, – сказал полковник.

Он отправился в свой номер в сопровождении рассыльного, который нес его чемодан.

– Прошу вас, – сказал рассыльный, когда лифт остановился, чуть-чуть недотянув до верхнего этажа.

– Неужели вы не можете как следует управлять лифтом? – спросил полковник.

– Не могу, полковник, – ответил рассыльный. – С током у нас неладно.

Глава восьмая

Полковник ничего не сказал и пошел по коридору впереди рассыльного. Коридор был длинный, просторный, с высоким потолком и по-барски большими промежутками между номерами, выходящими на Большой канал. И так как раньше это был дворец, из всех номеров открывался прекрасный вид, если не считать, конечно, бывших людских.

Путь показался полковнику длинным, хотя идти было совсем недалеко, и когда наконец появился коридорный – низенький, черноволосый, с поблескивающим в левой глазнице стеклянным глазом – и, сдерживая широкую улыбку, стал ворочать в скважине большим ключом, полковник никак не мог дождаться, чтобы дверь поскорее открылась.

– Отворяйте же, – сказал он.

– Сейчас, сейчас, – сказал коридорный. – Вы знаете, какие тут замки.

«Да, – подумал полковник, – знаю. Но я хочу, чтобы он отпер побыстрее».

– Как поживают ваши домашние? – спросил он коридорного, когда тот наконец распахнул дверь.

Полковник вошел и очутился в комнате с высоким, потемневшим, но хорошо полированным гардеробом,

двумя удобными кроватями и большой люстрой; через еще закрытые окна была видна исхлестанная ветром вода Большого канала.

В ущербном свете зимнего дня канал был серый, как сталь, и полковник попросил:

– Арнальдо, откройте, пожалуйста, окна.

– Сегодня сильный ветер, а комната плохо натоплена – не хватает электричества.

– А для электричества не хватает дождей, – сказал полковник. – Откройте окна. Все окна.

– Сию минуту, полковник.

Слуга растворил окна, и в комнату ворвался северный ветер.

– Будьте добры, соединитесь с портье и попросите позвонить по этому телефону.

Слуга позвонил, пока полковник был в ванной. Потом он доложил:

– Графини нет дома. Но там думают, что вы найдете ее у «Гарри».

– Чего только не найдешь у «Гарри»!

– Да, полковник, кроме счастья.

– Ну его-то я, черт возьми, тоже найду! – заверил его полковник. – Счастье, сами знаете, понятие относительное.

– В этом вы правы. Я принес горькую настойку и бутылку джина. Смешать вам кампари и джин с содо-

вой?

– Вы славный малый, – сказал полковник. – Откуда вы это принесли, из бара?

– Нет. Купил, пока вас не было, чтобы вам не пришлось переплачивать в баре. Больно уж там все дорого.

– Верно, – согласился полковник. – Зря только вы вкладывали свои деньги в такую аферу.

– Риск – благородное дело. А мы оба рисковали не раз. Джин стоил три тысячи двести лир, он не контрабандный. Кампари – восемьсот.

– Вы очень славный малый, – сказал полковник. – Как вам понравились утки?

– Жена до сих пор их вспоминает. Нам еще не приходилось есть диких уток – они ведь дорого стоят, такое лакомство не для нас. Но один сосед рассказал ей, как их готовить, а потом мы вместе с этими соседями их и съели. Ну до чего же вкусно! В жизни не думал, что на свете бывает такая еда! Возьмешь в рот кусочек – ну просто сердце тает!

– И для меня тоже ничего нет вкуснее этих жирных уток из-за железного занавеса. Они летят через громадные поля Дунайской равнины. У нас тут утки делают короткие перелеты, но прилетают к нам всегда по одному и тому же пути, с тех времен, когда еще и ружей не было.

– Я плохо разбираюсь в охотничьих делах, – сказал слуга. – Мы для этого слишком бедны. Нам не до охоты.

– Но в Венето охотятся не одни только денежные люди.

– Да. Оттуда всю ночь доносится стрельба. Но мы еще беднее их. Мы беднее, чем вы себе представляете.

– Почему же, я вполне могу себе представить.

– Не знаю, – сказал слуга. – Жена даже все перья собрала. Она просила вас поблагодарить.

– Если послезавтра нам повезет, мы настроляем много дичи. Больших селезней с зелеными головами. Скажите жене, что, если нам повезет, она получит очень вкусных уток – жирных, как поросята, – они здорово отъелись у русских – и с красивыми перьями.

– А как вы относитесь к русским, полковник, если это, конечно, не секрет?

– Говорят, это наш будущий враг. Так что мне как солдату, может, придется с ними воевать. Но лично мне они очень нравятся, я не знаю народа благороднее, народа, который больше похож на нас.

– Мне ни разу не посчастливилось с ними встретиться.

– Не горюйте, у вас еще все впереди. Встретитесь. Разве что почтенный Паччарди задержит их на реке

Пьяве, в которой, правда, больше не осталось воды. Ее разбирают гидростанции. Может, господин Паччарди решит драться с ними там. Но не думаю, чтобы бой очень затянулся.

– А я даже не знаю, кто он такой, этот господин Паччарди.

– Зато я знаю. А теперь попросите соединить вас с «Гарри» и спросите, нет ли там графини. Если нет, позвоните еще раз домой.

Полковник проглотил смесь, приготовленную Арнальдо, коридорным со стеклянным глазом. Пить ему не хотелось, и он знал, что ему это вредно.

Но он пил с тем же упорством дикого кабана, с каким жил всю жизнь, и когда он шел к открытому окну, движения его были по-кошачьи мягки, хотя это был уже довольно старый кот; он поглядел на Большой канал, который серел на глазах, словно его написал Дега в один из своих самых сереньких дней.

– Большое спасибо, Арнальдо, – сказал полковник. Тот разговаривал по телефону и только кивнул, блеснув в улыбке стеклянным глазом.

«Жаль, что ему пришлось вставить стеклянный глаз, – думал полковник. – Жаль, – подумал он, – что я люблю только тех, кто воевал или был искалечен.

Среди остальных тоже есть славные люди, я к ним отношусь хорошо и даже с симпатией; однако настоя-

щую нежность я питаю только к тем, кто был там и понес кару, которая постигает всех, пробывших там достаточно долго.

Ну да, любой калека может меня обдурить, – думал он, допивая джин, который ему не хотелось пить. – Любой сукин сын, если только ему как следует попадет, – а кому же не попадает из тех, кто там долго пробыл? Вот таких я люблю.

Да, – согласилась другая, лучшая сторона его натуры. – Таких ты любишь.

А зачем мне это надо? – думал полковник. – Зачем мне кого-то любить? Лучше бы поразвлечься напоследок.

Но и поразвлечься, – говорила лучшая сторона его натуры, – ты не сможешь, не любя.

Ладно, ладно, вот я и люблю, как последний сукин сын», – сказал себе полковник, правда, не вслух.

А вслух он сказал:

– Ну как, дозвонились, Арнальдо?

– Чиприани еще не пришел, – сказал слуга. – Его ждут с минуты на минуту, а я не кладу трубку на случай, если он сейчас появится.

– Дорогое удовольствие, – сказал полковник. – Ну-ка, доложите, кто там есть, и не будем терять время попусту. Я хочу знать точно, кто там сейчас есть.

Арнальдо что-то вполголоса произнес в трубку.

Потом он прикрыл трубку рукой:

– Я разговариваю с Этторе. Он говорит, что барона Альварито еще нет. Граф Андреа там, он довольно пьян, но, как говорит Этторе, не так пьян, чтобы вы не могли с ним повеселиться. Там все дамы, которые обычно бывают после обеда, ваша знакомая греческая княжна и несколько человек, с которыми вы не знакомы. И разная шушера из американского консульства – они сидят там с полудня.

– Пусть позвонит, когда эта шушера уберется, – я тогда приду.

Арнальдо сказал что-то в трубку, а потом повернулся к полковнику, который смотрел в окно на купол Догианы.

– Этторе говорит, что он бы их выпроводил, но боится, не рассердится ли Чиприани.

– Скажите, чтобы он их не трогал. Раз им сегодня после обеда не нужно работать, почему бы им не напиться, как всяким порядочным людям? Но я не хочу их видеть.

– Этторе говорит, что он позвонит. Он просит передать, что, по его мнению, они сами сдадут позиции.

– Поблагодарите его, – сказал полковник.

Он смотрел, как гондола с трудом движется по каналу против ветра, и думал, что если уж американцы пьют, их с местане сдвинешь. «Я ведь понимаю, им

здесь скучно. Да, здесь, в этом городе. Им тут очень тоскливо. Здесь холодно, платят им маловато, а топливо стоит дорого. Жены их молодцы, они мужественно делают вид, будто живут не в Венеции, а у себя в Киокаке, штат Айова, а дети уже болтают по-итальянски, как маленькие венецианцы. Но сегодня, Джек, мне не хочется разглядывать любительские снимки. Сегодня мы обойдемся без любительских снимков, без полупьяных откровений, назойливых уговоров выпить и скучных неурядиц консульского быта».

– Нет, Арнальдо, мне сегодня что-то не хочется ни второго, ни третьего, ни четвертого вице-консулов.

– В консульстве есть очень милые люди.

– Да, – сказал полковник. – В девятьсот восемнадцатом тут был чертовски симпатичный консул. Его все любили. Сейчас вспомню, как его фамилия.

– Вы любите уходить далеко в прошлое, полковник.

– Так дьявольски далеко, что меня это даже не веселит.

– Неужели вы помните все, что было когда-то?

– Все, – сказал полковник. – Его фамилия была Керрол.

– Я о нем слышал.

– Вас тогда еще и на свете не было.

– Неужели вы думаете, что надо вовремя родиться, чтобы знать все, что тут происходит?

– Да, вы правы. Неужели все тут знают всё, что происходит в городе?

– Не все. Но почти все, – сказал слуга. – В конце концов, простыни есть простыни, кто-то должен их мять, кто-то должен их стирать. Я не говорю, конечно, о постельном белье в таком отеле, как наш.

– Мне случилось совсем неплохо обходиться и без постельного белья.

– Еще бы! Но гондольеры, хоть они и самые компанейские люди и самые, на мой взгляд, у нас порядочные, любят поболтать.

– Я думаю!

– Потом священники. Они хоть никогда и не нарушают тайны исповеди, но тоже любят почесать языки.

– Еще бы!

– А их домоправительницы – посплетничать друг с другом.

– Это их право.

– Теперь – официанты. Люди разговаривают за столиком так, словно официант – глухонемой. У официанта есть правило никогда не подслушивать беседы клиентов. Но уши-то ведь себе не заткнешь! У нас, между собой, тоже идут разговоры, – конечно, не в таком отеле, как этот... И так далее.

– Да, теперь понятно.

– Я не говорю уже о парикмахерах!

– Какие новости на Риальто?

– Вам расскажут у «Гарри» всё, кроме того, в чем замешаны вы сами.

– А я в чем-нибудь замешан?

– Все обо всем знают.

– Ну что ж, меня это только украшает.

– Кое-кто не понимает той истории в Торчелло.

– Да будь я проклят, если я и сам что-нибудь понимаю!

– А сколько вам лет, полковник, простите за нескромность?

– Пятьдесят да еще один. Почему вы об этом не спросили портье? Я всегда заполняю листок для квестуры²³.

– Я хотел это услышать от вас самих и поздравить.

– О чем это вы? Не понимаю.

– Разрешите вас все-таки поздравить.

– Не могу, раз не знаю с чем.

– Вас очень любят у нас в городе.

– Спасибо. Вот это мне приятно слышать!

В эту минуту зазвонил телефон.

– Я возьму трубку, – сказал полковник и услышал голос Этторе:

– Кто говорит?

– Полковник Кантуэлл.

²³ Квестура – полиция.

– Позиция сдана, полковник.

– Куда они пошли?

– В сторону Пьяццы.

– Хорошо. Я сейчас буду.

– Приготовить вам столик?

– В углу, – сказал полковник и положил трубку. – Я пошел к «Гарри».

– Счастливой охоты.

– Охотиться я буду на уток послезавтра поутру в botte²⁴ на болотах.

– Ну и холодно же там будет!

– Наверно, – сказал полковник, надел плащ и поглядел на себя в большое зеркало, надвигая фуражку. – Ну и уродина! – сказал он в зеркало. – Вы когда-нибудь видели более уродливое лицо?

– Да, – сказал Арнальдо. – Мое, каждое утро, когда бреюсь.

– Нам обоим лучше бриться в темноте, – сказал полковник и вышел.

²⁴ Бочка (*ит.*).

Глава девятая

Когда полковник Кантуэлл шагнул за порог гостиницы «Гритти-палас», солнце уже заходило. На той стороне площади еще было солнечно, но там дул холодный ветер, и гондольеры предпочли укрыться под стенами «Гритти», пожертвовав остатками дневного тепла.

Отметив это про себя, полковник пошел направо по площади до угла мощеной улицы, сворачивавшей тоже вправо. Там он задержался и поглядел на церковь Санта-Мария-дель-Джильо.

«Какое красивое, компактное здание, а в то же время так и кажется, что оно вот-вот оторвется от земли. Никогда не думал, что маленькая церковь может быть похожа на «Р-47»²⁵. Надо выяснить, когда она была построена и кто ее строил. Ах черт, жаль, что я не могу всю жизнь бродить по этому городу. Всю жизнь? – подумал он. – Вот умора! Умереть можно от смеха. Подавиться от смеха. Ладно, брось, – сказал он себе. – На похоронной кляче далеко не уедешь.

К тому же, – думал он, разглядывая витрины, мимо

²⁵ Марка самолета.

которых шел (*charcuterie*²⁶ с сырами пармезан, окороками из Сан-Даниеле, колбасками *alia caciatore*²⁷, бутылками хорошего шотландского виски и настоящего джина «Гордон»; лавок ножовых изделий; антиквара со старинной мебелью, старинными гравюрами и картами; второсортного ресторана, пышно разукрашенного под первосортный), а потом, приближаясь к первому мостику через один из боковых каналов, где ему надо было подняться по ступенькам, – я не так уж плохо себя чувствую. Вот только этот шум в ушах. Помню, когда он у меня появился, я думал, что в лесу гудят цикады; мне тогда не хотелось спрашивать молодого Лаури, но я все-таки спросил. Он ответил: «Нет, генерал, я не слышу ни кузнечиков, ни цикад. Ночь совсем тихая, и слышно только то, что слышно всегда».

Потом, поднимаясь по ступенькам, он почувствовал боль, а спускаясь с моста, увидел двух красивых девушек. Они были хороши собой и одеты бедно, но с природным шиком; они с жаром о чем-то болтали, а ветер трепал их волосы, когда они взбегали по лестнице на длинных, стройных, как у всех венецианок, ногах. Полковник подумал, что ему, пожалуй, не стоит глазеть на витрины, – ему ведь надо взобраться еще на один мост, пройти еще две площади, свернуть на-

²⁶ Колбасная (*фр.*).

²⁷ По-охотничьи (*ит.*).

право, а потом идти все прямо, пока он наконец не дойдет до «Гарри».

Он так и поступил, с трудом преодолев боль, двигаясь обычным размашистым шагом и только изредка поглядывая на прохожих. «В этом воздухе много кислорода», – думал он, подставляя лицо ветру и глубоко вдыхая.

Ну вот он отворил дверь в бар «Гарри» и вошел туда, – он и на этот раз добрался благополучно и наконец был дома.

Возле стойки он увидел высокого, очень высокого человека с помятым, но породистым лицом, веселыми синими глазами и длинным разболтанным телом, как у поджарого волка.

– Привет, о мой маститый, но нечестивый полковник, – сказал он.

– Привет, мой беспутный Андреа.

Они обнялись, и рука полковника почувствовала грубую домотканую шерсть нарядного пиджака Андреа, который тот носил вот уже лет двадцать.

– У вас прекрасный вид, Андреа.

Это была ложь, что оба они отлично знали.

– Еще бы, – сказал Андреа, платя ему той же монетой. – Никогда не чувствовал себя лучше. Но и вы прекрасно выглядите.

– Спасибо. Ох, и здоровы же мы, черти, всей земли

наследники!

– Прекрасно сказано! Я бы не прочь получить в наследство хоть клочок земли!

– Что вы канючите! Дадут вам не меньше ста девяноста сантиметров земли.

– Мой рост сто девяносто пять, – сказал Андреа. – Ах вы безбожник! Ну как, все еще тянете ляжку la vie militaire²⁸?

– Тяну, но не надрываюсь, – сказал полковник. – Приехал поохотиться у Сан-Релахо.

– Знаю. Альварито вас искал. Просил сказать, что еще вернется.

– Хорошо. А ваша милая жена и дети здоровы?

– Вполне, просили передать вам привет, если я вас увижу. Они сейчас в Риме. Вот идет ваша девушка. Или одна из ваших девушек.

Он был такой высокий, что ему было видно даже то, что делается на улице; там уже стемнело; правда, эту девушку можно было узнать и в полной темноте.

– Пригласите ее выпить с нами у стойки, прежде чем уведете в угол, к своему столику. А ведь хороша, верно?

– Да.

И вот она вошла – во всей своей красе и молодости, – высокая, длинноногая, со спутанными волоса-

²⁸ Солдатской жизни (фр.).

ми, которые растрепал ветер. У нее была бледная, очень смуглая кожа и профиль, от которого у тебя щемит сердце, да и не только у тебя; блестящие темные волосы падали на плечи.

– Здравствуй, чудо ты мое, – сказал полковник.

– Здравствуй! – сказала она. – А я уж боялась, что тебя не застану. Прости, что я очень поздно.

Голос у нее был низкий, нежный; она старательно выговаривала английские слова.

– Сiao, Андреа, – сказала девушка. – Как Эмили и дети?

– Наверно, не хуже, чем в полдень, когда вы задали мне этот же самый вопрос.

– Пожалуйста, простите, – сказала она и покраснела. – Я почему-то ужасно волнуюсь, и потом я всегда говорю невпопад. А что мне надо было спросить? Ах да, вы весело провели здесь день?

– Да, – сказал Андреа. – Вдвоем со старым другом и самым нелицеприятным судьей.

– А кто он такой?

– Шотландское виски с содовой.

– Ну что ж, если он хочет меня дразнить, пусть дразнит, – сказала она полковнику. – Но ты не будешь меня дразнить, правда?

– Ведите его к тому столику в углу и разговаривайте с ним там. Вы оба мне надоели.

– А вы мне еще не надоели, – сказал полковник. – Но мысль у вас правильная. Давай, Рената, лучше сядем за столик, ладно?

– С удовольствием, если Андрея не рассердится.

– Я никогда не сержусь.

– А вы с нами выпьете, Андреа?

– Нет. Ступайте к вашему столику. Мне тошно, что он пустой.

– До свидания, саго²⁹! Спасибо за компанию, хоть вы и не хотите с нами посидеть.

– Сiao, Рикардо, – коротко сказал Андреа. Он повернулся к ним сухой, длинной, нервной спиной, поглядел в зеркало, которое всегда висит за стойкой, чтобы видеть, когда выпьешь лишнего, и решил, что лицо, которое на него оттуда смотрит, ему не нравится. – Этторе, – сказал он, – запишите эту мелочь на мой счет.

Он спокойно дождался, чтобы ему подали пальто, размашисто сунул руки в рукава, дал на чай швейцару ровно столько, сколько полагалось, плюс двадцать процентов и вышел.

За столиком в углу Рената спросила:

– Как ты думаешь, он на нас не обиделся?

– Нет. Тебя он любит, да и ко мне хорошо относится.

– Андреа очень милый. И ты тоже очень милый.

²⁹ Дорогой (*ит.*).

– Официант! – позвал полковник, а потом спросил: – Тебе тоже сухого мартини?

– Да. Пожалуйста.

– Два самых сухих мартини «Монтгомери».

Официант, который когда-то воевал в пустыне, улыбнулся и отошел, а полковник обернулся к Ренате.

– Ты милая. И к тому же очень красивая. Ты мое чудо, и я тебя люблю.

– Ты всегда так говоришь; я, правда, не очень понимаю, что это значит, но слушать мне приятно.

– Сколько тебе лет?

– Почти девятнадцать. А что?

– И ты еще не понимаешь, что это значит?

– Нет. А почему я должна понимать? Американцы всегда так говорят, когда собираются уехать. У них, наверно, так принято. Но я тебя тоже очень люблю.

– Давай веселиться, – сказал полковник. – Давай ни о чем не думать.

– С удовольствием. Вечером я все равно не умею как следует думать.

– Вот и наши коктейли, – сказал полковник. – Помни, когда пьешь, нельзя говорить «ну, поехали»!

– Я уже помню. Я теперь никогда не говорю «ну, поехали», или «раздавим по маленькой», или «пей до дна».

– Надо просто поднять бокалы и, если хочешь, мож-

но чокнуться.

– Да, хочу, – сказала она.

Мартини было холодное, как лед, настоящее «Монтгомери», и, чокнувшись, они почувствовали, как веселый жар согревает им грудь.

– А что ты без меня делала? – спросил полковник.

– Ничего. Я все жду, когда мне надо будет ехать в школу.

– В какую теперь?

– А бог ее знает. Куда-нибудь, где я выучусь по-английски.

– Будь добра, поверни голову и подними подбородок.

– Ты надо мной смеешься?

– Нет. Не смеюсь.

Она повернула голову и вскинула подбородок без тени кокетства, без малейшего тщеславия. И полковник почувствовал, как сердце у него в груди перевернулось, словно спавший в норе зверь перевалился с боку на бок, приятно напугав спавшего с ним рядом другого зверя.

– Ах ты, – сказал он, – ты ни разу не пыталась попасть в царицы небесные?

– Что ты, разве можно так богохульничать!

– Наверно, нельзя, и я снимаю свое предложение.

– Ричард... – начала она. – Нет, не скажу.

– Скажи!

– Не хочу.

Полковник подумал: «Сейчас же скажи, я приказываю!» И она сказала:

– Не смей никогда на меня так смотреть!

– Прости! Я нечаянно. Вспомнил свое ремесло.

– А если бы мы были с тобой – как это говорят? – замужем, ты бы и дома занимался своим ремеслом?

– Нет! Клянусь, что нет. Дома – нет. Душой, во всяком случае.

– Ни с кем?

– С людьми твоего пола – нет.

– Мне не нравится, как ты это говоришь: «твоего пола». Это опять оттуда, из твоего ремесла.

– Плевал я на мое ремесло. Хочешь, я выброшу его в Большой канал?

– Видишь, – сказала она, – ты опять берешься за свое ремесло.

– Ладно, – сказал он. – Я тебя люблю и могу распрощаться с моим ремеслом вежливо.

– Дай я подержу твою руку, – попросила она. – Ну вот. Теперь можешь опять положить ее на стол.

– Спасибо, – сказал полковник.

– Не смейся. Мне надо было ее потрогать, потому что всю неделю, каждую ночь или почти что каждую ночь, она мне снилась. Сон был такой странный, мне

снилось, что это рука нашего Спасителя.

– Нехорошо! Такие вещи не должны сниться.

– Конечно. Но чем я виновата, что мне это снилось?

– А ты чего-нибудь не нанюхалась, а?

– Не понимаю, и, пожалуйста, не смейся, когда я говорю правду. Мне это на самом деле снилось.

– А как вела себя рука?

– Никак. Ну, это, может, и не совсем правда. Но почти все время это была просто рука.

– Такая, как эта? – спросил полковник, с отвращением глядя на искалеченную руку и вспоминая те два дня, которые ее такой сделали.

– Не такая, как эта, а эта самая. Можно мне ее чуть-чуть потрогать, если тебе не больно?

– Нет, не больно. У меня болит только голова, ноги и ступни. А рука, по-моему, вовсе ничего не чувствует.

– Неверно, Ричард, – сказала она. – Эта рука все отлично чувствует.

– Я не люблю на нее смотреть. Давай-ка лучше закроем на нее глаза.

– Давай. Но тебе она не снится?

– Нет. Мне снятся другие сны.

– Да. Наверно. А вот мне последнее время снится эта рука. Теперь, когда я ее потрогала, мы можем поговорить о чем-нибудь веселом. О чем бы это веселом нам с тобой поговорить?

– Давай посмотреть на людей, а потом будем о них разговаривать.

– Чудно! – сказала она. – Но мы не будем говорить о них гадости. Только чуть-чуть посмеемся. Мы ведь это умеем, правда? И ты, и я.

– Ладно, – сказал полковник. – Официант! Ancora due Martini³⁰.

Ему не хотелось громко произносить слово «Монтгомери», потому что за соседним столиком сидела какая-то пара, явно англичане.

«А вдруг этот англичанин был ранен в пустыне? – подумал полковник. – Хотя что-то не похоже. Но не дай Бог вести себя по-свински. Посмотри лучше, какие глаза у Ренаты, – думал он. – Это самое красивое из всей ее красоты, и таких длинных ресниц я ни у кого не видел, и глазок она не строит, а смотрит всегда прямо и открыто. Она замечательная девушка, но я-то что делаю? Ведь это подло! Она твоя последняя, настоящая и единственная любовь, – думал он, – и ничего тут подлого нет. Это просто твоя беда, вот и все. Неправда, это счастье, тебе очень посчастливилось».

Они сидели за маленьким столиком в углу, а справа от них, за столиком побольше, сидели четыре женщины. Одна из них была в трауре, но траур выглядел так театрально, что напоминал полковнику Диану

³⁰ Еще два мартини (*ит.*).

Маннерс, игравшую монахиню в «Чуде» Макса Рейнгардта. У женщины было миловидное, пухлое, веселое от природы лицо, и траур выглядел на ней нелепо.

«У другой женщины за этим же столиком волосы в три раза белее, чем обыкновенная седина, – думал полковник. – Лицо у нее тоже симпатичное». Лица остальных женщин ему ничего не говорили.

– По-твоему, они лесбиянки? – спросил он Ренату.

– Не знаю. Но они очень милые.

– По-моему, лесбиянки. А может, просто подруги. Или и то и другое. Мне-то все равно, я их не осуждаю.

– Я люблю, когда ты добрый.

– Как ты думаешь, слово «доблестный» произошло от слова «добрый»?

– Не знаю, – сказала девушка и кончиками пальцев погладила его искалеченную руку. – Но я люблю тебя, когда ты добрый.

– Тогда я постараюсь быть добрым, – сказал полковник. – А кто, по-твоему, вон тот сукин сын, который сидит за ними?

– Ненадолго же хватает твоей доброты, – сказала девушка. – Давай спросим Этторе.

Они поглядели на человека, сидевшего за третьим столиком. У него было странное лицо, напоминавшее увеличенный профиль обиженного судьбою хорька или ласки, а кожа испещрена оспинами и пятнами, как

поверхность луны, на которую смотришь в дешевый телескоп; полковник подумал, что человек этот похож на Геббельса, если бы у герра Геббельса загорелся самолет и он не смог оттуда вовремя выбраться.

Над лицом, которое беспрерывно во что-то вглядывалось, словно все на свете можно узнать – стоит только разглядеть или выспросить как следует, торчали черные волосы, но совсем не такие, как у людей. Казалось, будто с него сняли скальп, а потом наклеили волосы обратно. «Занятный тип, – думал полковник. – Неужели он мой соотечественник? Похоже, что да».

Когда тот, прищурившись, разговаривал с пожилой цветущей дамой, сидевшей рядом, в уголках его рта выступала слюна. А эта женщина похожа на американских матерей, которых изображают в «Ледис хоум джорнэл». «Ледис хоум джорнэл» регулярно выписывали для офицерского клуба в Триесте, и полковник всегда его просматривал. «Превосходный журнал, – думал он, – половой вопрос наряду с самой изысканной кулинарией. Возбуждает и тот и другой аппетит.

Но кто же он такой, этот тип? Чем не карикатура на американца, которого наскоро пропустили через мясорубку, а потом окунули в кипящее масло. Что-то я, кажется, опять не очень добрый», – подумал полковник.

К их столику подошел Этторе – лицо у него было аскетическое, но он любил пошутить и не верил ни в Бога, ни в черта. Полковник его спросил:

– Кто эта одухотворенная личность?

Но Этторе только развел руками.

Человек был невысокий, смуглый, глянцевитые черные волосы удивительно не шли к его странному лицу. «У него такой вид, – думал полковник, – будто он забыл переменить парик, когда постарел. Но лицо поразительное. Похоже на холмы вокруг Вердена. Не думаю, чтобы это был Геббельс, зачем бы он выбрал себе такое лицо в те дни, когда все они разыгрывали «Сумерки богов»? «Kommt, susser Tod»³¹. Ну что ж, в конце концов, все они отхватили по большому, сочно-му ломтю этой самой susser Tod».

– Не хотите ли бутерброд с susser Tod, мисс Рената?

– Пожалуй, нет, – сказала она. – Хотя я люблю Баха и знаю, что Чиприани мог бы приготовить мне такой бутерброд.

– А я ничего и не говорю против Баха.

– Знаю.

– Черт подери! – сказал полковник. – Бах ведь, в сущности, был нашим союзником. Как и ты, – добавил

³¹ «Приди, сладостная смерть» (нем.) – название духовной песни Баха.

Он.

– Ну, меня ты, пожалуйста, не трогай!

– Дочка, – сказал полковник, – когда же ты поймешь, что мне можно над тобой шутить, – ведь я тебя люблю!

– Я это поняла. Но знаешь, гораздо веселее, когда шутки не очень грубые.

– Хорошо. И я понял.

– Сколько раз ты думал обо мне на этой неделе?

– Все время.

– Нет, скажи правду!

– Правда. Все время.

– Ты думаешь, у нас с тобой это такой уж тяжелый случай?

– Почему я знаю, – сказал полковник. – Как я могу знать?

– Надеюсь все-таки, что у нас с тобой это не такой уж тяжелый случай. Я никак не думала, что это будет такой тяжелый случай!

– А теперь думаешь?

– Да, теперь я вижу, – сказала девушка. – Теперь, и навсегда, и во веки веков. Я правильно сказала?

– Довольно и одного «теперь». Скажите, Этторе, а этот тип с обаятельным лицом – рядом с ним сидит такая симпатичная женщина, – он не в «Гритти» живет, а?

– Нет, – сказал Этторе. – Он живет поблизости, но иногда ходит в «Гритти» обедать.

– Великолепно, – сказал полковник. – Теперь я знаю, на что мне смотреть, когда нападёт тоска. А кто ему эта женщина? Жена? Мать? Дочь?

– Увы! Не знаю! – сказал Этторе. – Мы тут в Венеции почему-то за ним плохо следили. Он у нас почему-то не вызвал ни любви, ни ненависти, ни страха, ни подозрений. Но вас он в самом деле интересуется? Я могу расспросить Чиприани.

– Давай-ка лучше закроем на него глаза, – сказала девушка. – Ты так, кажется, говоришь?

– Что ж, давай закроем.

– Ну да, раз у нас так мало времени, Ричард. Зачем на него тратить время?

– Я смотрел на него, как на рисунок Гойи. Лица ведь – те же картины.

– Смотри на мое лицо, а я буду смотреть на твое. Давай на него закроем глаза, хорошо? Он ведь пришел сюда просто так и никому не мешает.

– Давай я буду смотреть на твое лицо, а ты на мое не смотри.

– Нет, – сказала она. – Это нечестно. Мне ведь твое лицо надо запомнить на целую неделю.

– Ну а что ж тогда мне прикажешь делать? – спросил ее полковник.

К ним опять подошел Этторе – это был отчаянный заговорщик, и, быстро, как истинный венецианец наведя справки, он сообщил:

– Мой товарищ, который работает в той гостинице, говорит, что он выпивает три-четыре рюмки виски, а потом садится и пишет очень длинно и бегло далеко за полночь.

– Представляю, как это увлекательно будет читать!

– Да, и я себе представляю, – сказал Этторе. – Данте, наверно, работал иначе.

– Данте был тоже vieux con³², – сказал полковник. – Как мужчина, а не как писатель.

– Вы правы, – признал Этторе. – Никто из знатоков, кроме флорентийцев, не будет этого отрицать.

– Начхать нам на Флоренцию, – сказал полковник.

– Ну, это не так-то просто, – сказал Этторе. – Многие пытались, но редко кому это удавалось. А чем она вам, полковник, не нравится?

– Трудно объяснить. Когда я был мальчишкой, там был сборный пункт моего полка. – Он сказал по-итальянски – *deposito*.

– Тогда понятно. У меня тоже есть причины ее не любить. А вы знаете какие-нибудь хорошие города?

– Да, – сказал полковник. – Этот. Кое в чем Милан, Болонья. И Бергамо.

³² Старый хрен (фр.).

– Чиприани припас много водки на случай, если придут русские, – сказал Этторе. Он любил отпустить крепкую шуточку.

– Они привезут свою водку. И пошлины платить не будут.

– А Чиприани все же подготовился к их приходу.

– Ну, тогда он – единственный, кто к этому готов. Посоветуйте ему не брать от младших офицеров чеков на Одесский банк, и спасибо вам за сведения о моем соотечественнике. Больше я не буду отнимать у вас время.

Этторе отошел. Девушка заглянула в старые стальные глаза полковника и положила обе свои руки на его искалеченную руку.

– Ты сегодня довольно добрый, – сказала она.

– А ты ужасно красивая, и я тебя люблю.

– Ну что ж, это приятно слышать!

– Где мы будем ужинать?

– Мне надо позвонить домой и спросить, можно ли мне не ужинать дома.

– А почему ты стала грустная?

– Разве я грустная?

– Да.

– И совсем я не грустная. Такая же веселая, как всегда. Честное слово, Ричард. Но ты думаешь, приятно, если тебе девятнадцать лет и ты влюбилась в че-

ловека, которому за пятьдесят, и ты знаешь, что он скоро умрет?

– Ну зачем так прямо? – спросил полковник. – Но когда ты это говорила, ты была очень красивая!

– Я никогда не плачу, – сказала девушка. – Никогда. У меня даже есть такое правило – никогда не плакать. Но сейчас я заплачу.

– Не плачь, – сказал полковник. – Ведь я сегодня добрый, правда? А что до всего прочего – ну его к дьяволу!

– Скажи еще раз, что ты меня любишь.

– Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя.

– А ты постарайся не умирать?

– Да.

– Что говорил доктор?

– Да ничего особенного...

– Но хуже тебе не стало?

– Нет, – солгал он.

– Тогда выпьем еще по одному мартини. Ты знаешь, я до тебя никогда не пила мартини.

– Знаю. Но теперь здорово пьешь.

– А лекарство тебе принимать не пора?

– Пора, – сказал полковник. – Лекарство пора принять.

– Можно, я тебе его дам?

– Да, – сказал полковник. – Можно.

Они все сидели за столиком в углу, и какие-то люди входили в бар, а другие выходили. У полковника от лекарства слегка закружилась голова, и он ждал, пока это пройдет. «Каждый раз одно и то же, – думал он. – Черт бы его побрал, это лекарство!»

Он видел, что девушка наблюдает за ним, и улыбнулся. Это была привычная, испытанная улыбка, которой он пользовался вот уже пятьдесят лет, с тех пор как улыбнулся впервые, и она до сих пор ему не изменяла, как дедушкино охотничье ружье. Ружье, наверное, взял старший брат. «Что ж, он всегда стрелял лучше меня, – думал полковник, – ружье принадлежит ему по праву».

– Слушай, дочка, – сказал он, – ты только из-за меня не расстраивайся.

– Я и не расстраиваюсь. Ни чуточки. Но я тебя люблю.

– Тоже не бог вещь какое занятие, правда? – Он сказал *oficio* вместо «занятие» – когда им надоедало говорить по-французски, а по-английски при посторонних разговаривать не хотелось, они иногда разговаривали по-испански. «Испанский язык грубый, – думал полковник, – иной раз грубее кукурузной кочерыжки. Но зато всегда можно точно выразить свою мысль, и она запомнится».

– *Es un oficio bastante malo*, – повторил он, – любить

меня.

– Да. Но это единственное мое занятие.

– А стихов ты больше не пишешь?

– Ну, это были школьные стихи. Так же как и мое рисование. У всех у нас в детстве бывают таланты.

«В каком же возрасте у них тут стареют? – думал полковник. – В Венеции не бывает стариков, но мужают здесь очень быстро. Я и сам быстро возмужал в Венеции и никогда уж потом не был таким взрослым, как в двадцать один год».

– Как мама? – спросил он ласково.

– Очень хорошо. Она никого не принимает и почти не видит людей. У нее ведь такое горе.

– Как ты думаешь, она очень расстроится, если у нас будет ребенок?

– Трудно сказать. Она очень умная. А мне все равно придется за кого-нибудь выйти замуж. Но очень не хочется.

– Мы могли бы с тобой пожениться.

– Нет, – сказала она. – Я подумала и решила, что лучше не надо. Это такое же решение, как насчет того, что не нужно плакать.

– А что, если ты решила неверно? Видит Бог, я тоже принимал неверные решения, и очень много людей погибло из-за того, что я ошибался.

– По-моему, ты преувеличиваешь. Не верю, чтобы

ты часто ошибался.

– Не часто. Но бывало, – сказал полковник. – В моем деле трех раз больше чем достаточно, а я ошибся целых три раза.

– Расскажи, как это было.

– Тебе будет скучно, – сказал полковник. – Мне самому до смерти тошно, когда я вспоминаю, а другим – тем более.

– А я разве другая?

– Нет. Ты моя любовь. Моя последняя, единственная и настоящая любовь.

– А ты их принял, эти решения, давно или недавно?

– Одно давно. Другое попозже. А третье недавно.

– Может, ты мне все-таки расскажешь? Я тоже хочу заниматься твоим скверным ремеслом вместе с тобой.

– А ну его к дьяволу! – сказал полковник. – Ошибки были сделаны, и я заплатил за них сполна. Беда только в том, что расплатиться невозможно.

– Расскажи, как это было и почему невозможно.

– Не хочу, – сказал полковник. И переубедить его было бесполезно.

– Тогда давай веселиться.

– Давай, – сказал полковник. – Жизнь-то ведь у нас только одна.

– А вдруг не одна? Вдруг будут еще другие?

– Не думаю, – сказал полковник. – Ну-ка повернись ко мне в профиль, чудо мое!

– Вот так?

– Так, – сказал полковник. – Именно так.

«Ну вот, – подумал полковник, – начался последний раунд, а я даже не знаю, какой он по счету. Я любил в своей жизни только трех женщин и трижды их терял.

Женщину теряешь так же, как теряешь свой батальон, – из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним, и немыслимо тяжелых условий. И еще – из-за своего скотства.

Я потерял в своей жизни три батальона и трех женщин, а теперь у меня четвертая, самая красивая из всех, и чем же, черт подери, это кончится?

А ну-ка, объясните, генерал, – ведь у нас сейчас не военный совет, а свободный обмен мнениями по поводу создавшейся обстановки, – ответьте мне, генерал, на вопрос, который вы мне сами не раз задавали: *где же ваша кавалерия, генерал?*

Ну вот, так я и думал, – сказал он себе. – Командир не знает, где его кавалерия, а кавалерия не разбирается ни в своем положении, ни в своих задачах, и часть ее, ровно столько, сколько для этого нужно, изгадит все дело, как гадила кавалерия во всех войнах, с тех самых пор, как ее посадили на коней».

– Чудо ты мое, – сказал он. – *Ma très chère et bien*

aimée³³. Я очень скучный человек, ты уж меня, пожалуйста, прости.

– Мне с тобой никогда не скучно, я ведь тебя люблю. Мне только хочется, чтобы сегодня мы были повеселее.

– Будь я проклят, но сегодня мы будем веселые, – сказал полковник. – А ты не знаешь чего-нибудь особенно веселого?

– А мы сами разве не веселые, да и все, что творится тут, в городе... Ты ведь часто бывал веселый.

– Да, – признал полковник, – бывал.

– Неужели мы не можем еще раз повеселиться?

– Конечно. Можем. Отчего же...

– Видишь того молодого человека с волнистыми волосами – он их не завивает, он их только аккуратно укладывает, чтобы казаться покрасивее.

– Вижу.

– Это очень хороший художник, но передние зубы у него вставные. Он был раньше pederaste, но другие pederastes как-то раз напали на него на Лидс во время полнолуния.

– Сколько тебе лет?

– Скоро будет девятнадцать.

– Откуда же ты все это знаешь?

– Мне рассказывал один гондольер. Этот молодой

³³ Моя самая дорогая и любимая (фр.).

человек по нашим временам очень хороший художник. Теперь ведь настоящих художников не бывает. Но подумай, ходить с вставными зубами в двадцать пять лет – это просто смешно!

– Я тебя очень люблю, – сказал полковник.

– И я тебя очень люблю. Я только не знаю, что это значит по-вашему, по-американски. Но я люблю тебя и по-итальянски, хотя это против моих взглядов и против моего желания.

– Нельзя так чертовски много желать, – сказал полковник, – не то, смотри, желание возьмет да исполнится!

– Верно, – сказала она. – Но я бы хотела, чтобы мое теперешнее желание исполнилось.

Оба помолчали, потом девушка сказала:

– Этот молодой человек, – он теперь уже настоящий мужчина и ухаживает за женщинами, чтобы скрыть, что он такое, – написал мой портрет. Хочешь, я тебе его подарю?

– Спасибо. Я буду очень рад, – сказал полковник.

– Там все так поэтично! Волосы куда длиннее, чем у меня на самом деле; и кажется, будто я выхожу из моря, даже не намочив головы! А когда выходишь из воды, волосы прилизанные, концы у них слипшиеся и вся ты похожа на дохлую крысу. Но папа хорошо заплатил за портрет, и хотя это совсем не я, но такой ты

бы хотел меня видеть.

– Я часто себе представляю, как ты выходишь из моря.

– Ну да! Ужасное уродство!.. Может, ты правда возьмешь этот портрет на память?

– А твоя мама возражать не будет?

– Нет, мама возражать не будет. По-моему, она будет даже рада от него избавиться. У нас есть картины получше.

– Я очень люблю вас обеих – и тебя, и твою маму.

– Я ей это непременно скажу.

– Как ты думаешь, этот конопатый хлюст в самом деле писатель?

– Да. Этторе ведь тебе сказал. Этторе любит пошутить, но никогда не врет. Ричард, что такое хлюст? Только ты надо мной не смейся.

– Боюсь, что это трудно объяснить. По-моему, хлюст – это человек, который никогда всерьез не занимался своим делом (ofício) и только раздражает всех своим нахальством.

– Мне надо научиться правильно употреблять это слово.

– Не стоит употреблять его вообще. – Потом он спросил: – А когда я получу твой портрет?

– Если хочешь, сегодня. Я попрошу, чтобы его упаковали и послали тебе. Где ты его повесишь?

– У себя дома.

– А туда никто не придет и не будет надо мной смеяться и говорить гадости?

– Нет. Пусть только попробует. И потом, я им скажу, что это портрет моей дочери.

– А у тебя когда-нибудь была дочь?

– Нет, но мне всю жизнь хотелось, чтобы она была.

– Но я могу быть тебе и дочерью тоже.

– Тогда это будет кровосмешением.

– В таком старинном городе, как наш, это никого не испугает. Чего тут только не видали!

– Послушай, дочка...

– Вот хорошо, – сказала она. – Мне очень нравится.

– Ну и слава Богу, – сказал полковник. Его голос звучал чуть-чуть хрипло. – Мне тоже нравится.

– Теперь ты понимаешь, за что я тебя люблю, хоть и знаю, что этого не надо?

– Послушай, дочка... Где мы будем ужинать?

– Где хочешь!

– Давай поужинаем в «Гритти»?

– Давай.

– Тогда позвони домой и спроси разрешения.

– Не хочу. Я не буду просить разрешения, я просто им скажу, где я ужинаю, чтобы они не беспокоились.

– Но ты в самом деле хочешь ужинать в «Гритти»?

– Конечно. Это очень хороший ресторан, и ты там

живешь, и все могут нас там видеть.

– С каких пор ты стала такой?

– А я и была такая. Мне всегда было все равно, что обо мне думают. И потом, я никогда не делала того, чего бы надо было стыдиться, разве что врала, когда была маленькая, и грубила.

– Эх, как бы я хотел, чтобы мы могли пожениться и родить пятерых сыновей, – сказал полковник.

– Я тоже, – сказала девушка. – И разослать их в пять разных концов света.

– А разве у света пять концов?

– Не знаю, – сказала она. – Пока я говорила, мне казалось, что да. Ну вот видишь, мы опять веселимся, правда?

– Да, дочка.

– Ну-ка скажи еще раз. Повтори, как ты сказал.

– Да, дочка.

– Ах, – сказала она, – почему у людей все так сложно?! Можно мне подержать твою руку?

– Она такая уродливая, мне самому противно на нее смотреть.

– Ты даже не понимаешь, какая у тебя рука!

– Это, конечно, дело вкуса, – сказал он. – Но ты, дочка, все же не права.

– Может быть. Но видишь, мы опять веселимся, а то плохое, что у нас было на сердце, теперь ушло.

– Ушло, как туман из низины, когда над холмами встает солнце, – сказал полковник. – И ты – это солнце.

– А мне хочется быть похожей на луну.

– Ты и луна тоже. И любая другая планета, какая тебе нравится, и я даже могу тебе точно сказать, где эта планета находится. Господи Иисусе, дочка, да если хочешь, будь хоть целым созвездием!

– Нет, лучше я буду луной. У нее тоже есть свои неприятности.

– Да. Невзгоды и к ней приходят в положенный срок. Но прежде чем луне пойти на убыль, всегда бывает полнолуние.

– Она мне кажется иногда такой грустной там, над каналом, что у меня даже сердце щемит.

– Ей немало досталось на ее веку.

– Как ты думаешь, мы можем заказать еще по одному «Монтгомери»? – спросила девушка. И только тут полковник заметил, что англичане уже ушли.

Он ничего не видел, кроме ее лица. «Смотри, тебя еще убьют, если так будешь зевать, – сказал он себе. – С другой стороны, это своего рода сосредоточенность. Но так вести себя чертовски неосторожно!»

– Конечно. Почему же нет?

– Мне от них делается очень приятно, – сказала девушка.

– У Чиприани их здорово готовят, они действуют даже на меня.

– Чиприани ужасно умный!

– Мало этого – он еще и мастер своего дела.

– Когда-нибудь он приберет к рукам всю Венецию.

– Не всю, – возразил полковник. – Тебя он не получит.

– Нет. Ни он и никто другой, пока ты меня хочешь.

– Я хочу тебя, дочка. Но я не хочу прибирать тебя к рукам.

– Знаю. Я тебя люблю и за это тоже.

– Давай позовем Этторе и попросим его позвонить к тебе домой. Ты им скажешь насчет портрета.

– Правильно. Если хочешь получить портрет сегодня, я попрошу дворецкого его упаковать и отправить. А потом я позову к телефону мамочку, скажу ей, где мы будем ужинать, и, если нужно, спрошу у нее разрешения.

– Не надо, – сказал полковник. – Этторе, дайте нам два самых лучших «Монтгомери» с мелкими оливками и, пожалуйста, позвоните домой к этой даме. Скажите нам, когда там кто-нибудь подойдет к телефону. И сделайте все побыстрее.

– Слушаюсь, полковник.

– Ну а теперь, дочка, давай опять веселиться.

– Мы ведь уже начали, когда ты его подозвал, – ска-

зала она.

Глава десятая

Они шли по правой стороне улицы, которая вела к «Гритти». Ветер дул им в спину и трепал волосы девушки. Ветер разделил волосы на затылке, и они улетали вперед, прилипая к щекам. Они шли, заглядывая по дороге в витрины: девушка задержалась у освещенного окна ювелирного магазина.

Там было много старинных драгоценностей; они стали их разглядывать и показывать друг другу самые лучшие; для этого им пришлось разнять руки.

– Может, тебе что-нибудь тут хочется? Я могу утром купить. Чиприани даст мне денег взаймы.

– Нет, – сказала она, – мне ничего не хочется, ты ведь все равно никогда мне не даришь подарков.

– Ты гораздо богаче меня. Я привожу тебе из армейского магазина всякие мелочи и плачу в ресторанах.

– И катаешь меня в гондоле, и возишь в разные красивые места за город.

– Вот не думал, что тебе хочется получить в подарок камушки!

– Не потому, что это камушки. А потому, что это подарок, и на них можно смотреть, о них можно думать, когда их носишь.

– Для меня это новость, – сказал полковник. – Но

разве я смог бы купить тебе на армейское жалованье что-нибудь вроде твоих квадратных изумрудов?

– Ах, ты не понимаешь! Они же мне достались по наследству. Их мне завещала бабка, а она получила их от своей матери, а та получила их от своей матери. Думаешь, приятно носить камни, которые достались тебе от мертвецов?

– Никогда об этом не думал.

– Хочешь, я тебе их дам, если ты любишь камни? Для меня они просто наряд, вроде парижского платья. Ты-то любишь носить парадный мундир?

– Нет.

– И саблю носить не любишь?

– Да нет же, говорю тебе, нет!

– Значит, ты не настоящий военный, а я не настоящая девушка. Но подари мне что-нибудь надолго, чтобы я могла это носить и радоваться каждый раз, когда надену.

– Хорошо, – сказал полковник. – Подарю.

– Видишь, какой ты сообразительный, – сказала девушка. – И как хорошо, что ты решаешь сразу. Пожалуйста, возьми мои изумруды, ты можешь носить их в кармане как талисман и трогать их каждый раз, когда соскучишься.

– На службе я редко держу руки в карманах. Я либо верчу в руках стек, либо показываю что-нибудь ка-

рандашом.

– Но ты можешь сунуть руку в карман хотя бы изредка и там их потрогать?

– Мне не скучно, когда я работаю. Так приходится голову ломать, что тут уж не до скуки.

– Но ты же теперь не работаешь.

– Да. Только делаю все, чтобы меня поскорее списали в расход.

– Я все равно тебе их отдам. Мама поймет, я уверена. Да мне и не надо ей сразу об этом рассказывать. Она никогда не проверяет, целы ли мои вещи. А горничная ей не скажет.

– Нет, пожалуй, я их все-таки не возьму.

– Нет возьмешь, я тебя прошу.

– Я не уверен, что это порядочно.

– Это все равно, как если бы я сказала: «Я не уверена, что я девушка!» Все, что доставляет удовольствие тому, кого любишь, всегда порядочно.

– Ладно, – сказал полковник. – Возьму, и будь что будет.

– Ну а теперь скажи «спасибо», – сказала девушка и так ловко сунула ему в карман изумруды, что ей позавидовал бы любой карманник. – Я взяла их с собой потому, что давно это придумала и собиралась сделать всю неделю.

– А говоришь, что думала о моей руке.

– Не придирайся, Ричард. Тебе-то стыдно быть таким глупым! Ведь ты же трогаешь их рукой. Неужели ты сразу не догадался?

– Нет, не догадался. Ты права, я глупый. А что бы тебе хотелось из того, что выставлено тут, в витрине?

– Вон того негритенка с головой из черного дерева в тюрбане из мелких алмазов с маленьким рубином посередине. Я бы носила его вместо брошки. В старину все женщины у нас носили такие фигурки: им придавали сходство с любимым арапчонком. Я очень давно о нем мечтаю и хотела, чтобы мне подарил его ты.

– Я пришлю тебе его утром.

– Нет. Подари мне его за обедом, перед отъездом.

– Ладно.

– Ну а теперь нам пора идти, не то мы опоздаем к ужину.

Они пошли дальше рука об руку, и когда поднимались на первый мост, в лицо им яростно ударил ветер.

Почувствовав боль, полковник подумал: «Ну и черт с тобой!»

– Ричард, – попросила его девушка, – будь добр, положи руку в карман и потрогай их.

Полковник послушался.

– Знаешь, а они очень приятные на ощупь! – сказал он.

Глава одиннадцатая

Они вошли через главный подъезд в светлый, теплый холл гостиницы «Гритти-палас», оставив за собой ветер и непогоду.

– Добрый вечер, графиня. Добрый вечер, полковник! Сегодня, кажется, очень холодно? – сказал портье.

– Да, – ответил полковник и не сдобрил ответа грубоватой шуточкой насчет того, как именно холодно или с какой силой дует ветер, что обычно доставляло им такое удовольствие, когда они бывали одни.

Они вошли в коридор, который вел к главной лестнице и лифту, справа находились вход в бар, выход на Большой канал и дверь в ресторан; из бара вышел Gran Maestro.

На нем был белый смокинг; он улыбнулся и поздоровался с ними:

– Добрый вечер, графиня. Добрый вечер, полковник.

– Здравствуйте, Gran Maestro, – ответил полковник.

Gran Maestro улыбнулся и, еще раз поклонившись, сказал:

– У нас ужинают в баре, в самом конце. Зимой тут почти никого не бывает, и ресторан слишком велик.

Я оставил вам столик. Если хотите, на закуску можно подать хорошего омара.

– А он свежий?

– Я видел его утром, когда его принесли в корзинке с базара. Он был еще живой, темно-зеленый и смотрел на меня очень недружелюбно.

– Хочешь на закуску омара, дочка?

Полковник поймал себя на том, что назвал ее дочкой. Это заметил и Gran Maestro, и сама девушка. Но для каждого из них слово это прозвучало по-разному.

– Я решил придержать его для вас, на случай, если придут rescесани. Они сейчас играют на Лидс. Не думайте, что я хочу его вам сбыть.

– С удовольствием съем омара, – сказала девушка. – Холодного, с майонезом. Майонез, пожалуйста, поострее. – Она сказала это по-итальянски. – А омар – это не очень дорого? – озабоченно спросила она полковника.

– Ау, hija mía!³⁴

– Потрогай, что у тебя в правом кармане? – сказала она.

– Я позабочусь, чтобы он не стоил слишком дорого, – сказал Gran Maestro. – А могу и сам за него заплатить. Недельного жалованья хватит с избытком.

– Нет, он уже продан Тресту, – сказал полковник;

³⁴ Ах, дочка! (исп.)

слово «трест» означало в военном коде войска, оккупирующие Триест. – Мне на это хватит дневного жалованья.

– Сунь руку в правый карман, и ты почувствуешь, какой ты богатый, – сказала девушка.

Gran Maestro сразу понял, что эта шутка не предназначена для чужих ушей, и молча удалился. Он радовался за девушку, которую уважал, и радовался за своего полковника.

– Я очень богатый, – сказал полковник, – но если ты будешь меня ими дразнить, я их тебе отдам, тут же, на глазах у всех, возьму и положу прямо на скатерть.

Теперь он дразнил ее сам, опрометью кинувшись в контратаку.

– Нет, не отдашь, – сказала она. – Ты уже их любил.

– Мало ли что! Я могу кинуть все, что люблю, с самого высокого утеса, какой только есть на свете, и уйду, даже не обернувшись!

– Нет, не можешь, – сказала девушка. – Ты меня не кинешь с высокого утеса.

– Не кину, – признался полковник. – И прости мне эти злые слова.

– Слова были не такие уж злые, да и потом, я тебе не поверила, – сказала девушка. – Ты мне лучше скажи, куда мне пойти причесаться – в дамскую комнату

или к тебе?

– Куда хочешь.

– Конечно, к тебе, я хочу посмотреть, как ты живешь и как там все устроено.

– А что скажут в гостинице?

– В Венеции и так все всё знают. Но они знают, что я из хорошей семьи и девушка порядочная. И что ты – это ты, а я – это я. Мы у них еще пользуемся доверием.

– Ладно, – сказал полковник. – Пешком или на лифте?

– На лифте, – ответила она, и он заметил, что голос у нее не дрогнул. – Позови лифтера, а если хочешь, давай поедем сами.

– Поедем сами, – сказал полковник. – Я давно научился управлять лифтом.

Поездка прошла благополучно, если не считать небольшого толчка вначале и того, что лифт чуть-чуть недотянул до площадки; полковник подумал: «Ничего себе, научился! Лучше подучись еще!»

Коридор казался ему сейчас не только красивым, но и каким-то таинственным, а ключ он поворачивал в замке так, словно совершал обряд.

– Ну вот, – сказал полковник, распахивая дверь. – Вот и все, что я могу тебе предложить.

– Очень мило, – сказала девушка. – Но ужасно хо-

лодно – у тебя открыты окна.

– Сейчас закрою.

– Не надо. Пусть будут открыты, если тебе так лучше.

Полковник поцеловал ее и всем телом почувствовал ее длинное, молодое, гибкое, крепко сбитое тело; сам он был еще сильный и мускулистый, но его здорово покалечило; целуя ее, он ни о чем не думал.

Поцелуй был долгий; они стояли, прижавшись друг к другу, а из открытых окон, выходящих на Большой канал, тянуло холодом.

– Ох! – вздохнула она. А потом снова: – Ох!

– Не охай. На что тебе жаловаться? – сказал полковник. – Не на что!

– Ты на мне женишься, и мы родим пятерых сыно-вей?

– Да! Да!

– Но ты этого хочешь?

– Конечно, хочу.

– Поцелуй меня еще раз, чтобы пуговицы на твоей куртке сделали мне больно. Только не очень больно.

Так они стояли и целовались.

– Ричард, знаешь, я должна тебя огорчить... – сказала она. Она сказала это просто, напрямик.

– Обидно?

– Да.

– Ну что поделаешь, доченька.

Теперь в этом слове больше не было другого, тайного, смысла – она и в самом деле была ему дочкой, он нежно любил ее и жалел.

– Ничего, – сказал он. – Ничего. Причешись, намажь губы и все такое прочее, а потом пойдём и хорошенько поужинаем.

– Нет, сначала повтори, что ты меня любишь, и прижми ко мне крепче свои пуговицы.

– Я люблю вас, – церемонно сказал ей полковник.

А потом он прошептал ей на ухо так тихо, как он, бывало, шептал, когда до врага оставалось всего семь шагов, а сам он был молоденьким лейтенантом в патруле:

– Я люблю тебя, моя единственная, моя самая лучшая, самая последняя и настоящая любовь.

– Хорошо, – сказала она и поцеловала его так крепко, что он почувствовал приторно-солёный вкус крови на десне.

«Да, хорошо!» – подумал он.

– Ну а теперь я причешусь, намажу губы, а ты на меня смотри.

– Хочешь, я закрою окна?

– Нет. Мы можем побыть с тобой и на холоде.

– Кого ты любишь?

– Тебя, – сказала она. – А ведь нам с тобой не

очень-то везет?

– Не знаю, – сказал полковник. – Ладно, причесывайся!

Полковник пошел в ванную, чтобы умыться перед ужином. Ванная была единственным неудобством его номера. «Гритти» был когда-то дворцом, а в ту пору, когда его строили, особых мест для ванн не отводили, их пристроили потом в конце коридора, и если ты хотел помыться, надо было предупреждать заранее: тогда грели воду и вешали чистые полотенца.

Его ванная была выгорожена из угла какой-то комнаты и казалась полковнику скорее оборонительной, чем наступательной позицией. Умываясь, он заглянул в зеркало, чтобы проверить, не выпачкан ли он губной помадой, и увидел там свое лицо.

«У этого лица такой вид, будто его высек из дерева бездарный ремесленник», – подумал он.

Он стал рассматривать рубцы и шрамы, оставшиеся еще с тех времен, когда не умели делать пластических операций, и незаметные для постороннего глаза следы отличных пластических операций после ранения в голову.

«Ну что же, вот и все, что я могу вам предложить в качестве «*queuele*»³⁵ или «*facade*»³⁶, – думал он. – Жал-

³⁵ Рожа (фр.).

³⁶ Фасад (фр.).

кий подарок. Одно утешение – загар, он прячет мое безобразие. Но Боже ты мой, какой урод!»

Он не замечал, что глаза у него серые, как старый боевой клинок, от уголков глаз сбегают тоненькие морщинки – следы улыбок, а сломанный нос – как у гладиатора на какой-нибудь древней скульптуре. Не замечал он и доброго от природы рта, который умел порою быть беспощадным.

«Ах, будь ты проклят, – сказал он себе в зеркало. – Злосчастный ты калека. Ну что ж, вернемся к нашим дамам».

Он вошел в комнату и сразу стал молодым, как во времена своей первой атаки. Все, что у него было никудышного, осталось там, в ванной. «Правильно, – подумал он. – Там ему и место».

«Où sont les neiges d'antan? Où sont les neiges d'autrefois? Dans le pissoir toute la chose comme ça»³⁷.

Девушка, которую звали Ренатой, распахнула дверцы высокого гардероба. Внутри были вставлены зеркала, и она расчесывала волосы.

Расчесывала она их не из кокетства и не для того, чтобы понравиться полковнику, хотя и знала, как это ему нравится. Она расчесывала их с трудом и без всякой жалости, а так как волосы были густые и непокор-

³⁷ Где же вы, снега минувших дней? Где же вы, снега былого? Все это в писсуаре (*фр.*).

ные, словно у крестьянок или великосветских красавиц, гребенке трудно было с ними справиться.

– Ветер их ужасно спутал, – сказала она. – Ты меня еще любишь?

– Да. Можно я тебе помогу?

– Нет. Я всегда причесываюсь сама.

– Ты могла бы повернуться в профиль?

– Нет. Это все – для наших пятерых сыновей и для того, чтобы тебе было куда положить голову.

– Я думал только о лице, – сказал полковник. – Но спасибо, что ты напомнила. Какой я стал рассеянный!

– А я, наверно, слишком смелая.

– Нет, – сказал полковник. – В Америке эти штуки делают из проволоки и губчатой резины, как сиденья танков. И никогда не узнаешь, где свое, а где чужое, если только ты не такой нахал, как я.

– У нас не так, – сказала она и гребнем перекинула уже разделенные пробором волосы; прикрыв ей щеку, они спустились на шею и плечо. – Ты любишь, когда они гладко причесаны?

– Ну, не такие уж они гладкие, но зато дьявольски красивые.

– Я могла бы поднять их вверх, если тебе нравится гладкая прическа. Но я всегда теряю шпильки, и возиться с ними ужасно глупо!

Голос был такой красивый и так напоминал ему ви-

олончель Пабло Казальса, что внутри у него невыносимо ныло, как от раны. «Но вынести можно все», – подумал он.

– Я тебя люблю такой, какая ты есть, – сказал полковник. – Ты самая красивая женщина, каких я знал или видел – даже на картинах старых мастеров.

– Не понимаю, почему они до сих пор не прислали портрета.

– За портрет большое спасибо, – сказал полковник и вдруг добавил совсем по-генеральски: – Но это все равно что шкура сдохлого коня.

– Пожалуйста, не будь таким грубым. Сегодня мне не хочется, чтобы ты был грубый.

– Я нечаянно вспомнил язык моего *sale metier*³⁸.

– Не надо, – сказала девушка. – Пожалуйста, обними меня. Нежно, но покрепче. Пожалуйста. И ремесло твое совсем не грязное. Это самое древнее и самое лучшее ремесло, хотя большинство тех, кто им занимается, – ничтожные люди.

Он прижал ее к себе изо всех сил, стараясь не причинить ей боли, и она сказала:

– Я бы не хотела, чтобы ты был адвокатом или священником. Или чем-нибудь торговал. Или чем-нибудь прославился. Мне нравится, что ты занимаешься твоим ремеслом, и я тебя люблю. Если хочешь, можешь

³⁸ Грязное ремесло (*фр.*).

мне шепнуть на ухо что-нибудь хорошее.

Полковник зашептал, крепко прижав ее к себе, и в этом прерывистом шепоте, который едва можно было расслышать, как тихий посвист собаке возле самого ее уха, звучала безысходность.

– Я люблю тебя, ты, проклятая! Но ты ведь мне и дочка тоже. И что мне все наши потери, если нам светит луна, наша мать и отец наш? Ну а теперь пойдем ужинать!

Он прошептал ей это так тихо, что тот, кто не любит, никогда бы не услышал.

– Хорошо, – сказала девушка. – Хорошо. Но сначала поцелуй.

Глава двенадцатая

Они сидели за столиком в самой глубине бара, где у полковника были прикрыты оба фланга, а угол зала надежно защищал тылы. Gran Maestro это понимал, недаром он когда-то был превосходным сержантом в хорошей роте отборного пехотного полка; он не стал бы сажать своего полковника посреди зала, как сам никогда бы не занял невыгодную оборонительную позицию.

– Омар, – объявил Gran Maestro.

Омар был внушительный. Он был вдвое больше обычного омара, а его недружелюбие выварилось в кипятке, и теперь, со своими выпученными глазами и длинными чуткими щупальцами, которые рассказывали ему о том, чего не видели глупые глаза, он был похож на памятник самому себе.

«Омар немножко напоминает Джорджи Паттона, – подумал полковник. – Но омар-то небось не плакал, когда бывал растроган».

– Как ты думаешь, он не жестковат? – спросил полковник девушку по-итальянски.

– Нет, – заверил их Gran Maestro, застывший в поклоне с омаром в руках. – Он совсем не жесткий. Он просто крупный, вот и все. Вы же знаете, какие они

бывают.

– Ладно, – сказал полковник. – Давайте его сюда.

– А что вы будете пить?

– Ты что хочешь, дочка?

– А ты?

– Капри бьянка, – сказал полковник. – Сухое. И заморозьте его как следует.

– Уже готово, – сказал Gran Maestro.

– Как нам весело, – сказала девушка. – Видишь, нам опять весело и ничуть не грустно. А омар очень внушительный, правда?

– Очень, – сказал полковник. – Но пусть этот черт только попробует быть жестким!

– Он не будет жестким, – сказала девушка. – Gran Maestro не лжет. Как хорошо, что есть люди, которые не лгут!

– Замечательно, но они встречаются очень редко, – сказал полковник. – Я как раз думал о человеке по имени Джорджи Паттон, который, вероятно, ни разу в жизни не сказал правды.

– А ты когда-нибудь говоришь неправду?

– Я врал четыре раза в жизни. Всякий раз – когда уставал до смерти. Но и это не оправдание, – добавил он.

– Я очень много врала, когда была маленькая. Хотя чаще выдумывала всякие истории. Фантазировала. Я

никогда не врал с корыстной целью. Этим я себя утешаю.

– А я врал, – сказал полковник. – Четыре раза.

– А ты бы стал генералом, если бы не врал?

– Если бы я врал, как другие, у меня было бы уже три генеральских звезды.

– А ты был бы счастливее, если бы у тебя было три звезды?

– Нет, – сказал полковник. – Ничуть.

– Положи в карман свою правую руку, ту самую руку, и скажи, что ты чувствуешь.

Полковник послушался.

– Здорово! – сказал он. – Но знаешь, я должен буду их тебе вернуть.

– Пожалуйста, не надо.

– Ладно, давай сейчас этого не обсуждать.

Тут подали разделанного омара.

Он был нежный, с какой-то особенной, тающей прелестью двигательных мышц, то есть хвоста, да и клешни были превосходные – не слишком тощие, но и не слишком мясистые.

– Омар отъедается в полнолуние, – сказал полковник. – Когда луны нет, его не стоит и заказывать.

– Я этого не знала.

– Это, наверно, потому, что в полнолуние он может есть всю ночь. Или в полнолуние пищи больше.

– Их, кажется, привозят с берегов Далмации?

– Да, – подтвердил полковник. – Это у вас тут самые рыбные места. Пожалуй, я мог бы сказать – у нас.

– Вот и скажи, – сказала девушка. – Ты и представить себе не можешь, как иногда важно что-то высказать.

– Да, но куда важнее написать это на бумаге.

– Нет, – сказала девушка. – Неправда. Разве бумага поможет, если слова не идут от сердца?

– А что, если у тебя нет сердца или сердце твое подлое?

– У тебя есть сердце, и оно совсем не подлое.

«Эх, с каким удовольствием я променял бы его на новое, – подумал полковник. – И зачем только из всех моих мышц сдает именно эта?» Но вслух полковник ничего не сказал и сунул руку в карман.

– На ощупь они чудные, – сказал он. – И ты у меня просто чудо.

– Спасибо, – сказала она. – Я буду вспоминать это всю неделю.

– Тебе достаточно взглянуть в зеркало.

– Терпеть не могу смотреться в зеркало, – сказала она. – Красить губы и облизывать их, чтобы помада легла ровнее, расчесывать такую копну волос – разве это жизнь для женщины или для влюбленной девушки? Не так уж весело смотреться в зеркало и тратить

время на женские уловки, когда тебе хочется быть лунной и самыми разными звездами и жить со своим мужем и родить ему пятерых сыновей!

– Тогда давай поженимся.

– Нет, – сказала она. – Мне пришлось принять на этот счет решение. Как и насчет всего остального. У меня ведь целая неделя, чтобы принимать решения.

– Я тоже принимаю решения, – сказал полковник. – Но твое решение меня просто убивает.

– Давай тогда не будем о нем говорить. А то и у меня вот здесь немножко ноет. Давай лучше узнаем, что еще нам подаст Gran Maestro. Пожалуйста, пей вино. Ты его даже не попробовал.

– Сейчас попробую, – сказал полковник.

Он выпил глоток, вино было холодное и прозрачное, как вина Греции, но не терпкое, а запах был таким же свежим и ароматным, как у Ренаты.

– Оно похоже на тебя.

– Да. Знаю. Поэтому я и хотела, чтобы ты его попробовал.

– Я пью, – сказал полковник. – И выпью весь бокал.

– Ты хороший.

– Спасибо, – сказал полковник. – Я это буду вспоминать всю неделю и постараюсь быть хорошим. – Потом он позвал Gran Maestro.

Gran Maestro подошел к ним с видом заговорщика,

совсем позабыв о своей язве.

– Что вы предложите нам еще? – спросил полковник.

– Надо подумать, – сказал Gran Maestro. – Сейчас узнаю. Ваш земляк сел тут рядом, ему все слышно. Он отказался сесть в дальний угол.

– Ладно, – сказал полковник, – мы уж позаботимся, чтобы ему было о чем писать.

– Знаете, он ведь пишет каждую ночь! Мне рассказывал мой товарищ из той гостиницы.

– Отлично, – сказал полковник. – Это показывает, что он человек прилежный, даже если он уже исписался.

– Все мы люди прилежные, – сказал Gran Maestro.

– Кто в чем.

– Пойду выясню, что у нас сегодня из мясного.

– Выясните как следует.

– Я человек прилежный.

– И к тому же чертовски рассудительный.

Когда Gran Maestro отошел, девушка сказала:

– Он прекрасный человек, я рада, что он тебя любит.

– Мы с ним друзья, – сказал полковник. – Надеюсь, у него найдется для тебя хороший бифштекс.

– Есть один отличный бифштекс, – сообщил, возвратившись, Gran Maestro.

- Возьми его, дочка. Меня все время кормят бифштексами в офицерской столовой. Хочешь с кровью?
- Да, пожалуйста, с кровью.
- Al sangue³⁹, – заявил полковник. – Как говорил Джон, объясняясь с официантом по-французски. crudo⁴⁰, bleu⁴¹, а проще говоря – с кровью.
- Значит, с кровью, – повторил Gran Maestro. – А вам, полковник?
- Эскалоп в сладком винном соусе и цветную капусту в масле. Если найдется, дайте еще артишок с уксусом. Тебе что к мясу, дочка?
- Картофельное пюре и салат.
- Не забывай, что ты еще растешь.
- Да, но я не хочу расти слишком или не там, где надо.
- Тогда все, – сказал полковник. – Как насчет fiasco⁴² вальполичеллы?
- Мы не держим вина в fiasco. У нас ведь первая классная гостиница. Вино мы получаем в бутылках.
- Совсем забыл, – сказал полковник. – А помните, оно стоило тридцать чентезимо литр?
- А помните, как на станциях мы швыряли из эше-

³⁹ С кровью (*ит.*).

⁴⁰ Сырой (*ит.*).

⁴¹ Синий (*фр.*).

⁴² Двухлитровая бутылка (*ит.*).

лонов пустыми бутылками в жандармов?

– А возвращаясь с Граппы, побросали под гору оставшиеся гранаты!

– И те, кто видел взрывы, решили, что австрийцы прорвали фронт, и как вы перестали бриться, и мы носили *fiatme nere*⁴³ на серых тужурках, а под тужуркой серый свитер!

– И как я напивался до того, что даже вкуса вина не различал! Ну и бедовые же мы были ребята, – сказал полковник.

– Еще какие бедовые, – сказал Gran Maestro. – Просто головорезы, а вы были из нас самый отпетый!

– Да, – сказал полковник. – Это верно, мы были головорезы. Ты уж нас прости, дочка, ладно?

– А у тебя не осталось фотографии тех лет?

– Нет. Мы тогда не снимались, кроме того раза, с господином д'Аннунцио. К тому же большинство из нас плохо кончили.

– Кроме нас двоих, – сказал Gran Maestro. – Ладно, пойду присмотрю за бифштексом.

Полковник задумался – теперь он снова был младшим лейтенантом и ехал на грузовике, весь в пыли, на лице его были видны только стальные глаза, веки были красные, воспаленные.

«Три ключевые позиции, – вспоминал он. – Массив

⁴³ Черные нашивки в виде языков пламени (*um.*).

Граппы с Ассалоне и Пертикой и высотой справа, названия которой не помню. Вот где я повзрослел, каждую ночь просыпаясь в холодном поту, – мне все снилось, будто я не смогу заставить своих солдат вылезти из машин. И зря они вылезли, как потом оказалось. Ну и ремесло!»

– В нашей армии, – сказал он девушке, – ни один генерал, в сущности, никогда не воевал. Для них это занятие непривычное, поэтому наверху у нас не любят тех, кто воевал.

– А генералы вообще воюют?

– Ну да, пока они еще капитаны или лейтенанты. Потом это выглядело бы просто глупо. Разве что отступаешь, тогда волей-неволей приходится драться.

– А тебе много пришлось воевать? Я знаю, что много. Но ты расскажи.

– Достаточно, чтобы наши мудрецы причислили меня к разряду дураков.

– Расскажи.

– Когда я был мальчишкой, я дрался против Эрвина Роммеля на полпути между Кортиной и Граппой, которую мы тогда удерживали. Он был еще капитаном, а я исполнял обязанности капитана, хоть и числился всего младшим лейтенантом.

– Ты его знал?

– Нет. Я познакомился с ним только после войны,

когда нам можно было поговорить. Он оказался человеком приятным, мне он понравился. Мы вместе ходили на лыжах.

– А ты много знал немцев, которые тебе нравились?

– Очень много. Больше всех мне нравился Эрнст Удет.

– Но ведь они так подло поступали!

– Конечно. А разве мы всегда поступали благородно?

– Я не могу относиться к ним так терпимо, как ты, – ведь это они убили моего отца и сожгли нашу виллу на Бренте! Мне они никогда не нравились. Особенно с того дня, как немецкий офицер у меня на глазах стрелял из дробовика по голубям на площади Святого Марка.

– Я тебя понимаю, – сказал полковник. – Но пожалуйста, дочка, пойми и ты меня. Когда убьешь так много врагов, можно позволить себе быть снисходительнее.

– А сколько ты убил?

– Сто двадцать два верных. Не считая сомнительных.

– И совесть тебя не мучит?

– Никогда.

– И дурные сны не снятся?

– Нет, дурные не снятся. Странные снятся все время. После боя я всегда дерусь во сне. Чаще всего вижу какую-нибудь местность. Ведь для нашего брата главное – какой попадется рельеф. Вот об этом и думаешь во сне.

– А меня ты никогда не видишь во сне?

– Стараюсь. Но не могу!

– Надеюсь, портрет тебе поможет.

– Будем надеяться, – сказал полковник. – Напомни мне, чтобы я вернул тебе камни.

– Ты нарочно хочешь меня огорчить?

– У меня есть свои скромные правила чести, и они мне так же дороги, как нам обоим наша любовь. И одно не может существовать без другого.

– Но ты бы мог мне иногда уступить.

– А я тебе и уступаю, – сказал полковник. – Ведь камни пока у меня в кармане.

К ним подошел Gran Maestro, сопровождая бифштекс, эскалоп и овощи. Их нес парнишка с гладко прилизанными волосами, он плевал на всех и на всё, но из кожи лез вон, чтобы стать хорошим младшим официантом. Его уже приняли в члены Ордена. Gran Maestro ловко разложил еду, с уважением и к ней самой, и к тем, кто ее будет есть.

– На здоровье, – сказал он. – Открой-ка эту бутылку вальполичеллы, – обратился он к парнишке, который

поглядывал на них глазами недоверчивого спаниеля.

– А за что вы взъелись на этого типа? – спросил полковник, кивая на своего рябого земляка, который шумно жевал; его пожилая спутница ела с жеманством провинциалки.

– Скорее я должен вас об этом спросить. А не вы меня.

– Я его никогда раньше не видел, – сказал полковник. – Но он портит мне аппетит.

– Он смотрит на меня сверху вниз. Упорно не желает говорить со мной по-английски, а по-итальянски двух слов связать не может. Осматривает все подряд по Бедекеру, ест и пьет что попало. Женщина симпатичная. Кажется, это его тетка. Но точно не знаю.

– Мы бы вполне могли без него обойтись.

– Я тоже так думаю. Скрепя сердце.

– Он о нас расспрашивал?

– Спросил, кто вы такие. Имя графини он слышал – в путеводителе указаны дворцы, которые принадлежали ее роду. Ваше имя, сударыня, произвело на него впечатление, я для этого вас и назвал.

– Как вы думаете, он нас опишет в какой-нибудь книге?

– Не сомневаюсь. Он описывает все подряд.

– Мы должны попасть в какую-нибудь книгу, – сказал полковник. – Ты, дочка, не возражаешь?

– Конечно, нет, – сказала девушка. – Но лучше бы ее написал Данте.

– Что-то давно его не видно, этого Данте, – сказал полковник.

– Расскажи мне что-нибудь о войне, – попросила девушка. – Из того, что мне можно знать.

– Пожалуйста. Все, что хочешь.

– Что за человек генерал Эйзенхауэр?

– Само благонравие. Хотя я к нему, видно, несправедлив. Да он и не всегда сам себе хозяин. Отличный политик. Политический генерал. Это он умеет.

– А другие ваши полководцы?

– Лучше о них не говорить. Они достаточно говорят о себе сами в своих мемуарах. Почти все они и в самом деле смахивают на полководцев и состоят в «Ротари-клубе», о котором ты и не слыхала. Члены этого клуба носят эмалированный жетон со своим именем, там штрафуют, если назовешь кого-нибудь по фамилии. Воевать им, правда, не приходилось. Никогда.

– Неужели среди них нет хороших военных?

– Нет, почему же. Школьный учитель Брэдли, да и многие другие. Вот хотя бы Молниеносный Джо. Он парень славный. Очень славный.

– А кем он был?

– Командовал седьмым корпусом, куда входила моя часть. Умен как бес. Быстро принимает решения.

Точен. Теперь он начальник штаба.

– Ну а великие полководцы, о которых мы столько слышим, вроде генералов Монтоммери и Паттона?

– Забудь их, дочка. Монти – это такой тип, которому нужен пятнадцатикратный перевес над противником, да и тогда он никак не решается выступить.

– А я всегда считала его великим полководцем!

– Никогда он им не был, – сказал полковник. – И хуже всего, что он это знает сам. Как-то при мне он приехал в гостиницу, снял военный мундир и напялил юбочку, чтобы поднять дух населения.

– Ты его не любишь?

– Почему? Просто он типичный английский генерал, отсюда все его качества. Так что ты насчет великих полководцев помалкивай.

– Но он ведь разбил генерала Роммеля.

– А ты думаешь, там, кроме него, против Роммеля никого не было? Да и кто не победит, имея пятнадцатикратный перевес? Когда мы тут воевали мальчишками, Gran Maestro и я, мы побеждали целый год, побеждали в каждом бою при их перевесе в три или четыре к одному. Выдержали три тяжелых сражения. Вот почему мы не прочь подшутить над собой и не пыжиться, как индюки. В тот год мы потеряли больше ста сорока тысяч убитыми. Вот почему мы умеем подурчиться и нет в нас никакого чванства.

– Какая страшная наука, если только это вообще наука, – сказала девушка. – Терпеть не могу военные памятники при всем моем уважении к погибшим.

– Да я и сам их не люблю. Как и дела, во славу которых их воздвигали. Ты когда-нибудь над этим думала?

– Нет. Но я хотела бы об этом знать.

– Лучше не знать, – сказал полковник. – Ешь бифштекс, пока он не остыл, и прости, что я заговорил о своем ремесле.

– Я его ненавижу. И люблю.

– Видно, мы смотрим на вещи одинаково, – сказал полковник. – Но о чем сейчас размышляет там, через два столика от нас, мой рябой земляк?

– О своей новой книге или о том, что написано в Бедекере.

– Не поехать ли нам после ужина покататься на ветру в гондоле?

– Это было бы чудесно.

– Скажем рябому, куда мы едем, а? Мне почему-то кажется, что у него дырявое не только лицо, но и сердце, и душа, а может, интерес к жизни дырявый.

– Ничего мы ему не скажем, – возразила девушка. – Gran Maestro передаст ему все, что мы сочтем нужным. – Она прилежно принялась за бифштекс, а потом сказала: – Как ты думаешь, правда, что после пятидесяти на лице у человека все написано?

– Надеюсь, что нет. У меня бы тогда было другое лицо.

– Ты, – сказала она. – Ты...

– Как бифштекс? – спросил полковник.

– Замечательный. А твой эскалоп?

– Очень важный, и соус совсем не приторный. А гарнир вкусный?

– Цветная капуста даже хрустит, как сельдерей.

– Надо было заказать сельдерей. Но вряд ли у них есть сельдерей, не то Gran Maestro сам бы его принес.

– Правда, нам весело ужинать? Вот если бы мы могли всегда есть вдвоем?

– Я тебе это предлагал.

– Не будем об этом говорить.

– Ладно, – сказал полковник. – Я тоже принял одно решение. Я брошу армию и поселюсь тут, в Венеции; буду жить очень скромно, на пенсию.

– Вот было бы хорошо! А как ты выглядишь в штатском?

– Ты же меня видела.

– Конечно, милый. Я просто пошутила. Ты ведь тоже иногда шутишь не очень деликатно.

– Штатское мне идет. Если только у вас тут есть хороший портной.

– У нас нет, но в Риме найдется. А мы не можем поехать в Рим на машине и заказать тебе костюм?

– Давай. Мы остановимся за городом, в Витербо, и будем ездить в город только на примерки и ужинать. А ночью будем возвращаться к себе.

– И встречаться с кинозвездами, говорить о них то, что думаем, а может, и выпивать с ними иногда.

– Да, уж кинозвезд там сколько угодно.

– И мы увидим, как они женятся во второй и третий раз и получают папское благословение?

– Если тебе это интересно.

– Нет, не интересно, – сказала девушка. – Я ведь поэтому и не могу выйти за тебя замуж.

– Понятно, – сказал полковник. – Спасибо.

– Но я буду любить тебя, чего бы мне это ни стоило, а мы с тобой прекрасно знаем, чего это стоит, я буду любить тебя, пока мы живы и даже после.

– Я не уверен, что можно любить после того, как умрешь, – сказал полковник.

Он принялся сосать артишок, отрывая листок за листком и макая их мясистым концом в соус.

– Я тоже в этом не уверена, – сказала девушка. – Но я постараюсь. Разве тебе не приятно, что тебя любят?

– Да, – сказал полковник. – Я чувствую себя так, словно был раньше на голом скалистом пригорке, – кругом камень, ямки не выроешь, нигде ни кустика, ни выступа, и вдруг оказывается, ты укрылся, ты в танке. Тебя теперь защищает броня, и поблизости нет ни

одной противотанковой пушки.

– Расскажи это нашему другу писателю, у которого лицо изрыто, как поверхность луны, – пусть запишет сегодня ночью.

– Я бы рассказал это Данте, будь он тут поблизости, – заметил полковник, который вдруг разбушевался, как бушует море, когда налетит шквал. – Я бы ему объяснил, что это такое – вдруг очутиться в танке, когда ты уверен, что тебе крышка.

В этот миг в зал вошел барон Альварито. Он искал их; взглядом охотника он их сразу приметил.

Подойдя к столику, он поцеловал у Ренаты руку и сказал:

– Ciao, Рената.

Альварито был довольно высок, костюм отлично сидел на его складном теле, однако это был самый застенчивый человек, какого полковник знал в своей жизни. Он был застенчив не от невежества, неловкости или какого-нибудь физического недостатка. Он был застенчив по природе, как некоторые звери, ну, хотя бы антилопа-бонго – ее никогда не увидишь в джунглях, и на нее охотятся с собаками.

– Здравствуйте, полковник, – сказал он и улыбнулся, как может улыбаться только очень застенчивый человек.

Это не было ни спокойной усмешкой человека, уве-

ренного в себе, ни кривой, язвительной улыбкой пройдохи или подлеца, ни деланной, расчетливой улыбочкой придворного или политика. Это была удивительная, редкая улыбка, которая поднимается из самых сокровенных глубин, более глубоких, чем колодец или глубочайшая шахта, из самого нутра.

– Я зашел на минутку. Я хотел вам сказать, что виды на охоту прекрасные. Утки летят с севера тучами. И крупных много. Таких, как вы любите, – улыбнулся он снова.

– Садитесь, Альварито. Прошу вас.

– Нет, – сказал Альварито. – Встретимся в гараже в два тридцать, хорошо? Вы на своей машине?

– Да.

– Вот и отлично. Если выедем вовремя, увидим уток еще до темноты.

– Великолепно, – сказал полковник.

– Сiao, Рената. До свидания, полковник. Значит, завтра, в два тридцать.

– Мы знаем друг друга с детства, – сказала девушка. – Он старше меня года на три. Но он уже родился стариком.

– Да. Знаю. Мы с ним большие приятели.

– Как ты думаешь, твой земляк нашел его в своем путеводителе?

– Кто его знает, – сказал полковник. – Gran

Maestro, – спросил он, – вы не видели, мой прославленный соотечественник искал барона в Бедекере?

– По правде говоря, полковник, я не заметил, чтобы он вынимал Бедекер во время еды.

– Поставьте ему за поведение пятерку, – сказал полковник. – А знаете, это вино лучше, когда оно не слишком выдержанное. Вальполичелла не grand vin⁴⁴; когда его разливают в бутылки и держат годами, оно дает только осадок. Согласны?

– Согласен.

– Как же нам тогда быть?

– Сами знаете, полковник, в большой гостинице вино должно стоить денег. И в «Ритце» вы дешевого вина не получите. Я бы вам посоветовал купить несколько fiasco хорошего вина; вы можете сказать, что оно из имения графини Ренаты и прислано вам в подарок. Потом я перелью его в графины. Таким образом, и вино у нас будет получше, и мы еще на этом порядочно сэкономим. Если хотите, я объясню управляющему. Он человек славный.

– Объясните. Он ведь тоже не из тех, кто выбирает вино по этикеткам.

– Правильно. А пока пейте это. Оно тоже хорошее.

– Да, – сказал полковник. – Но ему далеко до шамбертена.

⁴⁴ Коллекционное вино (фр.).

– А что мы пили когда-то?

– Что попало, – сказал полковник. – Но теперь я ищу совершенства. Или, вернее, не совершенства вообще, а того, какое могу купить за свои деньги.

– Я ищу его тоже, – сказал Gran Maestro. – Но тщетно. Что вы хотите на десерт?

– Сыр, – сказал полковник. – А ты, дочка?

Увидев Альварито, девушка притихла и теперь казалась рассеянной. Она о чем-то раздумывала, а голова у нее была светлая.

– Пожалуйста, сыру, – сказала она. В эту минуту она была далеко от них.

– А какого вам сыру?

– Принесите что есть, а мы выберем, – сказал полковник. Когда Gran Maestro ушел, полковник спросил ее: – Что с тобой, дочка?

– Ничего. Ровно ничего. Как всегда, ничего.

– Тогда не витай в облаках. У нас для такой роскоши нету времени.

– Да. Ты прав. Давай займемся сыром.

– Тебе не нравится, что я сказал?

– Да нет, – сказала она. – Положи правую руку в карман.

– Хорошо, – сказал полковник. – Сейчас.

Он положил правую руку в карман и нащупал то, что там лежало, сперва кончиками пальцев, потом всеми

пятью пальцами и, наконец, ладонью, искалеченной ладонью.

– Прости, – сказала она. – А теперь давай опять веселиться. И займемся сыром.

– Отлично, – сказал полковник. – Интересно, какой сыр он нам принесет?

– Расскажи о последней войне. А потом мы поедем кататься на холодном ветру в гондоле.

– Да это не так уж интересно, – сказал полковник. – Правда, для нас, военных, такие вещи всегда интересны. Но в этой войне было всего три, самое большее четыре этапа, которые интересовали меня.

– Почему?

– Мы сражались с уже разбитым противником, у которого были прерваны коммуникации. На бумаге мы уничтожили целую уйму дивизий, но все это были призрачные дивизии. Не настоящие. Их уничтожала наша тактическая авиация, прежде чем они успевали сосредоточиться. Трудно было только в Нормандии из-за рельефа, да еще когда мы прорвали фронт и должны были держать брешь, чтобы могли пройти танки Джорджи Паттона.

– А как это делают прорыв для танков? Расскажи, пожалуйста.

– Сперва дерутся, чтобы захватить город на скрещении главных дорог. Назовем этот город хотя бы

Сен-Ло. Потом надо оседлать дороги, взяв соседние города и деревни. Противник удерживает главную линию обороны, но не может стянуть дивизии для контр-удара, так как штурмовая авиация перехватывает их на дорогах. Тебе не скучно? Мне все это надоело до чертиков.

– А мне нет. Я еще никогда не слышала, чтобы объясняли так понятно.

– Спасибо, – сказал полковник. – Ты уверена, что тебе хочется обучиться этой страшной науке?

– Да, – сказала она. – Ведь я тебя люблю и хочу, чтобы ты разделил ее со мной.

– Никто не может разделить мое ремесло с кем бы то ни было, – сказал полковник. – Я только рассказываю тебе, как это делается. И могу добавить несколько анекдотов, чтобы тебе было интереснее.

– Пожалуйста.

– Взять Париж ничего не стоило, – сказал полковник. – Пустая жестикуляция, войны тут никакой не было. Мы застрелили несколько писарей – сняли заслон, который, как всегда, оставили немцы, чтобы прикрыть свой отход. Наверно, они решили, что им уже больше не понадобится столько писарей, и поставили их под ружье.

– Разве взятие Парижа не было большой победой?

– Люди Леклерка – еще один хлюст третьего или

четвертого сорта, чью кончину я отпраздновал бутылкой перье-жуэ сорок второго года, – расстреляли немало патронов, чтобы это выглядело шикарнее, благо патронов они получали от нас вдоволь. Но все это была чепуха.

– Ты там участвовал?

– Да, – сказал полковник. – Смело могу сказать, что участвовал.

– И это не произвело на тебя впечатления? В конце концов, это же был Париж, и не каждому приходилось его брать.

– Сами французы взяли его четыремя днями раньше. Но по великому плану штаба Верховного командования союзных экспедиционных сил, где собрались все тыловые политиканы из военных, – они носили нашивку, изображавшую что-то пламенное, а мы листик клевера как опознавательный знак, но больше на счастье, – так вот, по этому хитроумному плану город надо было окружить. Просто взять его мы не могли. К тому же нам пришлось дожидаться прибытия генерала и даже фельдмаршала Бернарда Лоу Монтомери, который не сумел заткнуть брешь у Фалеза, продвигаться вперед было нелегко, вот он к нам вовремя и не поспел.

– Наверно, вам его очень не хватало, – сказала девушка.

– Еще бы, – откликнулся полковник. – Ужасно не хватало.

– Но разве во всем этом не было ничего благородного, ничего героического?

– А как же, – сказал полковник. – Мы пробивались из Ба-Медона через Пор-де-Сен-Клу по улицам, которые я знал и любил, и у нас не было ни одного убитого, и мы старались причинить городу как можно меньше вреда. На площади Звезды я взял в плен дворецкого Эльзы Максвелл. Это была очень сложная операция. На него донесли, будто он японский снайпер и застрелил несколько парижан. Такого мы еще не слышали! Вот мы и послали трех солдат на крышу, где он прятался, но он оказался безобидным парнишкой из Индокитая.

– Я начинаю понемножку понимать. Но как все это обидно!

– Всегда обидно, еще как обидно! Но в нашем ремесле нельзя ничего принимать близко к сердцу.

– Ты думаешь, что во времена кондотьеров было то же самое?

– Уверен, что еще хуже.

– Но рука у тебя ранена честно?

– Да. В самом что ни на есть честном бою. На каменной, голой, как плешь, высоте.

– Пожалуйста, дай мне ее потрогать, – сказала она.

– Только поосторожнее с ладонью, – сказал полковник. – Она пробита, и рана нет-нет да и открывается.

– Тебе надо писать, – сказала девушка. – Я говорю серьезно. Люди должны обо всем этом знать.

– Нет, – возразил полковник. – У меня нет таланта, и я знаю слишком много. Любой враль почти всегда пишет убедительнее очевидца.

– Но писали же другие военные!

– Да. Мориц Саксонский. Фридрих Великий. Су Цинь.

– А в наше время?

– Ты не задумываясь сказала «в наше». Но мне это нравится.

– Ведь многие из нынешних военных пишут!

– Пишут. Ну а ты их читаешь?

– Нет. Я читаю главным образом классиков и скандальную хронику в иллюстрированных журналах. И твои письма.

– Ты бы их сожгла, – сказал полковник. – Они ни к черту не годятся.

– Пожалуйста, не будь таким грубым.

– Не буду. Что бы тебе рассказать поинтереснее?

– Расскажи, как ты был генералом.

– Ах об этом. – Он сделал Gran Maestro знак принести шампанское. Это был редерер сорок второго года, который он любил. – Если ты занимаешь генераль-

скую должность, ты живешь в прицепном фургоне, и твой начальник штаба живет в таком же фургоне, и у тебя есть выпивка, когда у других ее нет. Твои начальники отделов живут на КП. Я бы мог о них рассказать, но тебе будет скучно. Я бы мог рассказать о начальниках первого, второго, третьего, четвертого и пятого отделов, но у немцев был и шестой. Боюсь только, что тебе будет скучно... Если ты генерал, у тебя есть карта под плексигласом и на ней – три полка из трех батальонов каждый. Все это нанесено на карту цветным карандашом. На карте указаны разграничительные линии, чтобы батальоны не лезли куда попало и не перестреляли друг друга. Каждый батальон состоит из пяти рот. Все батальоны должны быть хорошими, но среди них есть хорошие, а есть и похуже. Кроме того, у тебя есть дивизионная артиллерия, танковый батальон и целая гора запчастей. Вся твоя жизнь сводится к координатам на карте.

Он помолчал, пока Gran Maestro разливал реддерер сорок второго года.

– Из корпуса, из cuerno d'Armata, – перевел он, и в голосе его зазвучала неприязнь, – дают указания, что делать, а ты решаешь, как это сделать. Диктуешь приказы писарю, а чаще отдаешь их по телефону. Вынимаешь душу из людей, которых ты уважаешь, заставляя их делать заведомо невозможное, потому что

приказ есть приказ. Ломаешь себе голову, ложишься бог знает когда, а встаешь чуть свет.

– И ты об этом не напишешь? Даже чтобы доставить мне удовольствие?

– Нет, – сказал полковник. – Книги о войне обычно пишут нервные юноши, они чуть-чуть свихнулись и сохранили свежесть воспоминаний о первом дне боев или о первых трех или четырех таких днях. Это неплохие книги, но тому, кто там был, они кажутся скучными. Другие пишут, чтобы поживиться на войне, которой они и не нюхали, – те, что удирали в тыл, чтобы поскорее сообщить новости с фронта. И не такие уж это были новости. Профессиональные писатели пристроились на службе в тылу и писали о боях, в которых ничего не смыслили, так, словно видели их своими глазами. Не знаю, как назвать такой грех! Вот и какой-то лощеный моряк в звании капитана, который даже шлюпкой не смог бы командовать, написал про тайную подоплеку поистине Великой войны. Рано или поздно каждый выпустит свою книгу. Может, нам когда-нибудь перепадет и хорошая. Но я, дочка, книг не пишу.

Он сделал Gran Maestro знак налить в бокалы.

– Gran Maestro, – спросил он, – вы любите воевать?

– Нет.

– Но мы ведь воевали?

– Да. Слишком много.

– А как у вас со здоровьем?

– Великолепно, если не считать язвы, ну и сердце чуть-чуть пошаливает.

– Не может быть, – сказал полковник и почувствовал, как забилося его сердце, у него даже перехватило дыхание. – Вы мне говорили только про язву.

– Ну вот, а теперь вы знаете. – Gran Maestro не закончил фразы и улыбнулся широкой, ясной улыбкой, озарившей его лицо, как луч солнца.

– Сколько у вас было приступов?

Gran Maestro поднял два пальца, как человек, который сигнализирует на скачках своему букмекеру и ждет ответного кивка, скрепляющего сделку.

– Я вас обскакал, – сказал полковник. – Но довольно ныть! Подлейте лучше донне Ренате этого превосходного вина.

– Ты не говорил мне, что у тебя они были опять, – сказала девушка. – Ты от меня это скрыл.

– С тех пор как мы в последний раз виделись, ничего больше не было.

– А ты не думаешь, что это из-за меня? Не то я приеду к тебе, и останусь с тобой, и буду о тебе заботиться.

– Это всего-навсего мышца, – сказал полковник. – Но видишь ли, это главная мышца. Она работает, как

хорошо налаженная машина. И беда в том, что, когда она сдает, ее не пошлешь в гарантийный ремонт. А когда она остановится, ты этого даже не узнаешь. Умрешь – и все.

– Пожалуйста, не надо об этом.

– Ты сама меня спросила, – сказал полковник.

– А у этого рябого с потешным лицом, у него таких вещей не бывает?

– Конечно, нет, – сказал полковник. – Если он посредственный писатель, он будет жить вечно.

– Почему ты знаешь? Ты ведь не писатель.

– Бог миловал, я не писатель. Но кое-что читал. У нас, пока мы не женаты, на чтение остается уйма времени. Может, и не столько, сколько у моряков торгового флота. Но все же достаточно. Я могу отличить одного писателя от другого, и уж ты мне поверь: посредственному писателю суждена долгая жизнь. Им всем надо назначить пенсию по старости.

– Давай не будем об этом говорить – слишком мне это горько, расскажи лучше какую-нибудь историю.

– Я могу рассказать тебе сотню всяких историй. Ничего не выдумывая.

– Расскажи хотя бы одну. Потом мы допьем вино и поедем кататься.

– А тебе не будет холодно? – спросил полковник.

– Конечно, нет.

– Что бы тебе рассказать? Тем, кто не воевал, скучно слушать про войну. Разве что какие-нибудь небылицы.

– Я бы хотела знать, как вы брали Париж.

– Почему? Ты вспомнила, что я тебе говорил, будто ты похожа на Марию Антуанетту по дороге на казнь?

– Нет. Я правда была польщена и знаю, что в профиль мы немножко похожи. Но меня никогда не везли в тележке на казнь, и я хочу, чтобы ты мне рассказал о Париже. Когда любишь и он для тебя герой, всегда интересно слушать, где он был и что делал.

– Пожалуйста, повернись в профиль, – сказал полковник, – и я все тебе расскажу. Gran Maestro, в этой несчастной бутылке еще что-нибудь осталось?

– Нет, – ответил Gran Maestro.

– Тогда дайте другую.

– Я ее уже заморозил.

– Отлично. Несите ее сюда. Итак, дочка, мы отделились от колонны генерала Леклерка в Кламаре. Они пошли на Монруж и Пор-д'Орлеан, а мы двинулись прямо на Ба-Медон и захватили мост в Пор-де-Сен-Клу. Это не слишком подробно, тебе не скучно?

– Ничуть.

– Жаль, что нету карты.

– Дальше.

– Мы захватили мост и предмостные укрепления на

той стороне реки, сбросив в Сену немцев, оборонявших мост, – и живых, и мертвых. – Он помолчал. – Да, мост они нам просто подарили. Его надо было взорвать. Немцев сбросили в Сену. Но кажется, там были одни писари.

– Дальше.

– На следующее утро нам сообщили, что немцы укрепились в ряде мест, стянули на Мон-Валерьен артиллерию, а по улицам шныряют танки. Кое-что тут было правдой. К тому же нам приказали не торопиться, так как город полагалось взять генералу Леклерку. Я послушался приказа и стал продвигаться как можно медленнее.

– А как это делается?

– Откладываешь атаку часика на два и потягиваешь шампанское, кто бы тебе его ни подносил – патриоты, коллаборационисты или просто болельщики.

– Но неужели там не было ничего потрясающего или величественного, как пишут в книгах?

– Конечно, было. Сам город. Народ был вне себя от счастья. Старые генералы расхаживали по улицам в изъеденных молью мундирах. Да мы и сами радовались, что нам не пришлось драться.

– Неужели вам совсем не пришлось драться?

– Всего три раза. Да и то не по-настоящему.

– Всего три раза, чтобы взять такой город?

– Дочка, мы двенадцать раз вступали в бой от Рамбуйе до Парижа. Но настоящих боев было только два. В Туссю-ле-Нобль и в Лебюке. Остальное было просто приправой. Мне, в общем, и не надо было драться, если не считать этих двух стычек.

– Расскажи, как дерутся.

– Скажи, что ты меня любишь.

– Я люблю тебя, – сказала девушка. – Если хочешь, можешь напечатать об этом в «Gazzetino». Я люблю твое жесткое, сухое тело и твои странные глаза – я их боюсь, когда они злеют. Я люблю твою руку и все твои раны.

– Теперь и я должен сказать тебе что-нибудь очень хорошее. Во-первых, я люблю тебя.

– А почему бы тебе не купить хорошего стекла? – спросила вдруг девушка. – Мы можем вместе съездить в Мурано.

– Я ничего не понимаю в стекле.

– Я могу тебя научить. Вот было бы весело!

– В нашей бродячей жизни не обзаводятся венецианским стеклом.

– Ну а когда ты выйдешь в отставку и поселишься здесь?

– Тогда и купим.

– Я бы хотела, чтобы это было сегодня.

– Я тоже, но сегодня это сегодня, а завтра я поеду

на охоту за утками.

– А мне можно поехать с тобой на охоту?

– Если Альварито тебя пригласит.

– Я могу заставить его меня пригласить.

– Сомневаюсь.

– Невежливо сомневаться в том, что говорит твоя дочка, она уже слишком взрослая, чтобы лгать.

– Ладно, дочка. Беру свои слова обратно.

– Спасибо. За это я не поеду и не буду вам мешать.

Я останусь в Венеции и пойду к мессе с мамой, и ее теткой, и с моей теткой, а потом навещу своих бедняков. Я ведь единственная дочь, и у меня много обязанностей.

– Меня всегда интересовало: что делаешь ты целый день?

– Вот это я и делаю. А потом попрошу горничную помыть мне голову и сделать маникюр.

– Но ведь будет воскресенье.

– Тогда я займусь этим в понедельник. А в воскресенье прочту все иллюстрированные журналы, и самые неприличные тоже.

– Может, там будет фотография мисс Бергман. Ты все еще хочешь быть на нее похожа?

– Уже нет, – сказала девушка. – Я хочу быть похожа на самое себя, только много, много лучше, и я хочу, чтобы ты меня любил. И еще, – добавила она вдруг,

глядя на него прямо и не таясь, – я хочу быть такой, как ты. Можно мне сегодня быть такой, как ты?

– Конечно. И спасибо, что ты больше не просишь рассказывать про войну.

– Ну, ты должен мне потом рассказать!

– Должен? – переспросил полковник, и в его странных глазах сверкнула такая жестокая решимость, словно неприятельский танк навел на него жерло своей пушки. – Ты, дочка, кажется, сказала «должен»?

– Да. Но не в том смысле. А если я не так сказала, прости. Я хотела сказать – пожалуйста, расскажи мне попозже еще какую-нибудь настоящую историю про войну. И объясни мне, пожалуйста, то, чего я не понимаю.

– Можешь говорить «должен», дочка. Черт с ним!

Он улыбнулся, и глаза его опять подобрали, хотя – он это знал и сам – они никогда не бывали совсем добрыми. Но тут уж ничего не поделаешь, он и так старался быть поласковее со своей последней, настоящей и единственной любовью.

– Честное слово, дочка, я не возражаю. Право же, нет. Я знаю, что такое отдавать приказы, и в твои годы сам это любил.

– Но я вовсе не хочу приказывать, – сказала девушка. Хоть она и приняла решение не плакать, в глазах у нее стояли слезы. – Я хочу тебе подчиняться.

– Знаю. Но и приказывать тебе тоже хочется. В этом нет ничего дурного. Такие, как мы, без этого не могут.

– Спасибо за «такие, как мы».

– Мне это было совсем нетрудно... – сказал полковник. И добавил: – Дочка.

В эту минуту к их столику подошел портье.

– Извините, – обратился он к полковнику. – Там пришел какой-то человек – кажется, ваш слуга, сударыня, – с довольно большим пакетом для полковника. Оставить пакет в камере хранения или послать наверх, к вам в номер?

– Ко мне в номер, – сказал полковник.

– Пожалуйста, давай посмотрим здесь, – попросила девушка. – Нам ведь все равно, что скажут другие?

– Разверните его и принесите сюда.

– Слушаюсь.

– А потом отнесите поосторожней ко мне и запакуйте как следует к двенадцати часам завтрашнего дня. Я возьму его с собой.

– Слушаюсь, полковник.

– Тебе хочется на него посмотреть? – спросила девушка.

– Очень, – ответил полковник. – Gran Maestro, пожалуйста, еще бутылку редерера и, прошу вас, поставьте стул так, чтобы мы могли поглядеть на портрет. Мы страстные поклонники живописи.

– Больше редерера не заморожено, – сказал Gran Maestro. – Но если хотите, есть перье-жуэ.

– Несите его сюда, – сказал полковник и добавил: – Пожалуйста. – Он обратился к девушке: – Я не привык говорить с людьми, как Джорджи Паттон. Не вижу в этом нужды. К тому же Джорджи Паттон умер.

– Бедняга.

– Да, и был беднягой всю жизнь. Хотя денег у него куры не клевали, да и танков была уйма...

– Тебе не нравятся танки?

– Да. Не столько танки, сколько те, кто в них сидит. Броня превращает людей в наглецов, а это первый шаг к трусости, к настоящей трусости. Может, тут виновата еще боязнь пространства.

Он взглянул на нее, улыбнулся и пожалел, что заговорил о вещах, которые ей непонятны. У нее был вид неопытного пловца, который привык плавать на мелком месте, у отлогого берега, и вдруг не чувствует больше дна под ногами; он постарался ее ободрить:

– Прости меня, дочка. Я часто бываю несправедлив. И все же в том, что я говорю, больше правды, чем в генеральских мемуарах. После того как человек получит генеральскую звезду или несколько звезд, правда становится для него такой же недостижимой, как Святой Грааль для наших предков.

– Но ведь ты и сам занимал генеральскую долж-

НОСТЬ.

– Не бог весть как долго, – сказал полковник. – Капитаны – вот кто знает настоящую правду и может ее рассказать. А кто не может, тех надо разжаловать.

– А меня ты разжалуешь, если я солгу?

– Смотря по тому, о чем ты будешь лгать.

– А я не собираюсь лгать о чем бы то ни было. Я не хочу, чтобы меня разжаловали. Это звучит так страшно.

– Еще бы, – сказал полковник. – Тебя отошлют в тыл вместе с рапортом в одиннадцати экземплярах – и все одиннадцать я подпишу собственноручно.

– А ты многих разжаловал?

– Порядочно.

В бар вошел портье; он нес портрет в большой раме, лавируя между столиками, как яхта, поднявшая слишком много парусов.

– Возьмите два стула и поставьте их вон туда, – сказал полковник младшему официанту. – Смотрите не заденьте холст. И придерживайте портрет, не то он упадет. – Повернувшись к девушке, он заметил: – Раму надо будет сменить.

– Знаю, – сказала она. – Не я ее выбирала. Увези его без рамы, а на будущей неделе мы купим другую, получше. А теперь смотри на портрет. Не на раму. Смотри. Говорит он что-нибудь обо мне или нет?

Портрет был хорош – не ремесленный, не холуйский, не манерный и не архисовременный. Вот так бы, наверное, писали наших возлюбленных Тинторетто или, на худой конец, Веласкес, если бы жили среди нас. Однако это не было подражанием ни тому, ни другому. Просто великолепный портрет, – они еще падают в наше время.

– Поразительно, – сказал полковник. – Вот молодец!

Портье и младший официант держали портрет, заглядывая сбоку. Gran Maestro не скрывал своего восхищения. Двумя столиками дальше сидел американец и пытался определить своим журналистским глазом, кто написал этот портрет. Ко всем остальным портрет был повернут тыльной стороной.

– Поразительно, – сказал полковник. – Но ты не можешь делать мне таких подарков.

– Я его уже тебе подарила, – сказала девушка. – Хотя я знаю, что волосы у меня никогда не доставали до плеч.

– А мне кажется, что доставали.

– Если хочешь, я попробую их отрастить.

– Попробуй, – сказал полковник. – Ах ты, чудо мое. Я так тебя люблю. Тебя и ту, что там, на холсте.

– Можешь сказать это громко. Я уверена, что официантов ты не удивишь.

– Отнесите холст наверх, в мой номер, – сказал полковник портье. – Большое спасибо, что вы его нам показали. Если цена будет сходная, я его куплю.

– Цена сходная, – заметила девушка. – А может, сказать им, чтобы они пододвинули стулья вместе с портретом к твоему земляку? Давай устроим для него специальный просмотр. Gran Maestro сообщит ему адрес художника, и твой земляк посетит его мастерскую.

– Это очень красивый портрет, – сказал Gran Maestro. – Но его надо отнести в номер. Не следует давать воли шампанскому.

– Отнесите его в мой номер.

– Ты забыл сказать: «пожалуйста».

– Спасибо, что ты это заметила. Портрет меня так взволновал, что я не отвечаю за свои слова.

– Давай не будем ни за что отвечать.

– Идет, – сказал полковник. – Пусть за все отвечает Gran Maestro. Он всегда за все отвечал.

– Нет, – сказала девушка. – Он сказал это не только из чувства ответственности, но и со зла. Знаешь, в каждом из нас в этом городе сидит что-то злое. Может, он не хотел, чтобы тот человек даже краешком глаза заглянул в чужое счастье.

– Каким бы оно ни было.

– Я научилась этому выражению у тебя, а теперь

ты перенял его у меня.

– Так обычно и бывает, – сказал полковник. – Что наживешь в Бостоне, потеряешь в Чикаго.

– Не понимаю.

– Этого, пожалуй, не объяснишь, – сказал полковник. – Хотя нет, – добавил он, – почему же? Объяснять – это главное в моем ремесле. Кто сказал, что нельзя объяснить? Знаешь, это как в футболе. Те, что выигрывают в Милане, проигрывают в Турине.

– Я не люблю футбола.

– Я тоже, – сказал полковник. – Особенно матчи между командами армии и флота. И когда футбольные термины упоребляют наши военные шишки. Правда, им тогда самим легче понять, о чем они говорят.

– Сегодня нам с тобой будет хорошо. Как бы там ни было.

– Давай захватим с собой эту бутылку.

– Давай, – сказала девушка. – И бокалы побольше. Я скажу Gran Maestro. Возьмем пальто и пойдем.

– Хорошо. Я только приму лекарство, распишусь на счете, и мы пойдем.

– Жалко, что я не могу принимать за тебя лекарство.

– Нет уж, черт возьми, лучше не надо, – сказал полковник. – Мы сами выберем гондолу или скажем, что-

бы наняли какую попало?

– Давай рискнем. Пускай выбирают они. Что мы теряем?

– Терять нам, пожалуй, нечего. Совсем, пожалуй, нечего.

Глава тринадцатая

Они вышли через боковой подъезд на imbarcadero, и в лицо им сразу ударил ветер. Свет из окон отеля падал на черную гондолу, и вода казалась зеленой. «Она красива, как хорошая лошадь или как летящий снаряд, – подумал полковник. – Почему я раньше не замечал, до чего гондолы красивые? Какие нужны были руки и глаз, чтобы создать такую соразмерность линий!»

– Куда мы поедем? – спросила девушка.

Ее тоже освещали лучи, падавшие из подъезда и окон отеля; она стояла у причала, возле черной гондолы, волосы ее развевал ветер, и она была похожа на статую на носу галеры. «И не только лицом», – думал полковник.

– Давай прокатимся по парку, – сказал полковник. – Или через Булонский лес. Пускай он сvezет нас в Эрменонвиль.

– А мы с тобой поедем в Париж?

– Конечно! – сказал полковник. – Попроси его, чтобы он часок покатал нас там, где полегче грести. Мне не хочется мучить его на таком ветру.

– От этого ветра вода очень поднялась, – сказала девушка. – Кое-где в наших любимых местах нельзя

будет проехать под мостами. Можно, я скажу ему, куда нас везти?

– Конечно, дочка. Поставьте ведро со льдом в лодку, – сказал полковник младшему официанту, который вышел их проводить.

– Gran Maestro просил передать, что эта бутылка – вам в подарок.

– Поблагодарите его хорошенько и скажите, что это невозможно.

– Пусть сначала выгребет против ветра, а потом я знаю, куда мы поедem, – сказала девушка.

– Gran Maestro послал вам еще это, – сказал официант.

Он подал старое армейское одеяло. Рената разговаривала с гондольером – волосы ее трепал ветер. На гондольере был толстый синий морской свитер; голова у него тоже была не покрыта.

– Передайте ему от меня большое спасибо, – сказал полковник.

Он сунул официанту в руку бумажку. Тот вернул деньги.

– Вы мне уже подписали чаевые на счете. Ни вы, ни я, ни Gran Maestro еще с голоду не помираем.

– А как насчет жены и bambini?

– У меня их нету. Ваши средние бомбардировщики разбили наш дом в Гревизо.

– Обидно.

– Вы тут ни при чем, – сказал официант. – Вы были такой же пехтурой, как и я.

– И все равно обидно. Разрешите мне вам это сказать?

– Пожалуйста, – сказал официант. – Но разве это поможет? Счастливо, полковник. Счастливо, сударыня.

Они спустились в гондолу, и сразу же началось всегдашнее волшебство: послушная лодка вдруг качнулась у них под ногами, потом они стали усаживаться в темноте, потом пересели, когда гондольер принялся горланить и чуть накренил лодку, чтобы легче было править.

– Ну вот, – сказала девушка, – теперь мы дома, и я тебя люблю. Поцелуй меня, пожалуйста, чтобы я знала, как ты меня любишь.

Полковник прижал ее к себе, она закинула голову, и он целовал ее, пока от поцелуя не осталось ничего, кроме горечи.

– Я люблю тебя.

– Что бы это ни значило, – прервала она его.

– Я люблю тебя и знаю, что это значит. Портрет красивый. Но что же тогда ты сама?

– Дикарка? – спросила она. – Растрепана? Неряха?

– Нет.

– Неряха – одно из первых слов, которому я выучилась от гувернантки. Так говорят, когда плохо причешешься. А лентяйка – это когда на ночь проведешь по волосам щеткой меньше ста раз.

– Я сейчас проведу рукой, и они растреплются еще больше.

– Раненой рукой?

– Да.

– Но мы не так сидим. А ну-ка, поменяемся местами!

– Ладно. Вот это разумный приказ, ясный и понятный.

Они очень веселились, пересаживаясь и стараясь не нарушить равновесия гондолы.

– Ну вот, – сказала она. – Но обними меня крепко другой рукой.

– Ты всегда знаешь, чего тебе хочется?

– Всегда. По-твоему, это нескромно? Слову «нескромно» меня тоже научила гувернантка.

– Нет, это хорошо. Подтяни повыше одеяло – чувствуешь, какой ветер?

– Он дует с гор.

– Да. И откуда-то еще дальше.

Полковник слышал, как бьет волна по доскам гондолы, ощущал резкие порывы ветра и знакомую издавна шершавость одеяла, а потом почувствовал

прохладное тепло и прелесть ее тела и упругость груди, которой легко касалась его левая рука. Тогда он провел искалеченной рукой по ее волосам раз, другой и третий, а потом поцеловал ее, чувствуя, как из души его уходит даже горечь.

– Пожалуйста, – попросила она, совсем спрятавшись под одеяло, – теперь я тебя поцелую.

– Нет, – сказал он. – Я тебя.

Ветер был ледяной и резал лицо, но под одеялом ветра не было, там не было ничего, кроме его искалеченной руки.

– Пожалуйста, милый, – сказала девушка, – пожалуйста, не надо.

– А ты ни о чем не думай. Ни о чем на свете.

– Я не думаю.

– Ни о чем.

– Молчи.

– Тебе хорошо?

– Сам знаешь.

– Ты уверена?

– Молчи. Пожалуйста.

Она молчала. Молчал и он, когда большая птица, сорвавшись, пропала вдали, за закрытым окошком гондолы, оба не сказали ни слова. Он легонько придерживал ее голову здоровой рукой.

– Выпей вина, – сказал полковник, ловко достав ве-

дерко со льдом и открывая бутылку, которую уже откупорил для них Gran Maestro, а потом заткнул обыкновенной винной пробкой, – тебе это полезно, дочка. Это помогает от всех наших недугов, от всех печалей и страхов.

– У меня ничего этого нет, – сказала она, старательно выговаривая слова, как учила ее гувернантка. – Я просто женщина или девушка, не знаю, как лучше сказать, которая делает то, что ей не следует делать. Ну что ж, обними меня опять.

– Хорошо, – сказал полковник. – Хорошо, если хочешь.

– Пожалуйста, обними меня. Я ведь тебя прошу.

«Голос у нее ласковый, как у котенка, – думал полковник, – даром что бедные котята не умеют разговаривать». Но потом он перестал думать о чем бы то ни было и очень долго не думал ни о чем.

Гондола шла сейчас по одному из поперечных каналов. Когда они выходили из Большого канала, ветер так ее накренил, что гондольеру пришлось всем телом налечь на противоположный борт, а полковник и девушка тоже были вынуждены передвинуться под своим одеялом, и туда, под одеяло, с ожесточением ворвался ветер.

Они долго не произносили ни слова, и полковник заметил, что, когда гондола проходила под последним

мостом, между ее верхом и пролетом моста оставалось всего несколько дюймов.

– Ну как, дочка?

– Хорошо.

– Ты меня любишь?

– Пожалуйста, не задавай глупых вопросов.

– Вода очень высокая, мы едва прошли под последним мостом.

– Ну, я знаю, как ехать. Я здесь родилась.

– Я, бывало, совершал ошибки и в родном городе, – сказал полковник. – Родиться – это еще не все.

– Нет, это ужасно много, – сказала девушка. – И ты это сам знаешь. Пожалуйста, обними меня крепко-крепко, так, чтобы нас хоть минутку нельзя было оторвать друг от друга.

– Попробуем, – сказал полковник.

– И я смогу быть тобой?

– Это очень трудно. Но мы постараемся.

– Вот теперь я – это ты, – сказала она. – Я только что взяла город Париж.

– Господи, дочка, – сказал он. – У тебя же теперь хлопот полон рот! Берегись! Сейчас выведут на парад Двадцать восьмую дивизию!

– А мне наплевать!

– Ну а мне нет.

– Разве она такая плохая?

– Отнюдь. И командиры хорошие. Это были национальные гвардейцы, но такие невезучие! Тридцать три несчастья, да и только! Хоть патент на невезенье получай.

– Я в этих вещах ничего не понимаю.

– Да их и объяснять не стоит, – сказал полковник.

– А ты мне правда можешь рассказать про Париж? Я так его люблю, и когда я думаю, что ты его брал, мне кажется, будто я еду в гондоле с самим маршалом Неем.

– Вот уж совсем не интересно, – сказал полковник. – Особенно после того, как он выдержал столько арьергардных боев, отступая от какого-то русского города. Он дрался по десять, двенадцать, пятнадцать раз в день, иногда еще чаще. И потом даже людей не узнавал. Нет, и не думай кататься с ним в гондоле!

– Он всегда был одним из моих самых любимых героев.

– Еще бы. И моим тоже. До Катр-Бра. А может, это было не у Катр-Бра, а где-нибудь еще. Память у меня сдает. Давай назовем это просто Ватерлоо.

– У него там ничего не вышло?

– Ни черта, – сказал ей полковник. – Нет, ты его брось. У него было слишком много арьергардных боев на обратном пути из Москвы.

– Но его же звали храбрейшим из храбрых.

– Ну и что? Из этого каши не сварить. Храбрым тебе полагается быть всю жизнь. И еще – умнейшим из умников. А ко всему этому нужно хорошее снабжение.

– Пожалуйста, расскажи мне о Париже. Я вижу, что целоваться нам больше нельзя.

– А я не вижу. Кто тебе сказал, что нельзя?

– Я сама, потому что я тебя люблю.

– Ладно. Ты сама, и ты меня любишь. Ну, нельзя так нельзя, будь оно трижды проклято.

– А ты думаешь, можно еще немножко, если тебе это не вредно?

– Мне вредно? – спросил полковник. – К черту! Разве мне что-нибудь бывает вредно?

Глава четырнадцатая

– Пожалуйста, не злись, – сказала она, натягивая одеяло повыше. – Пожалуйста, выпей со мной вина. Ты сам знаешь, что тебе вредно злиться.

– Верно. И давай об этом не вспоминать.

– Слушаюсь, – сказала она. – Это я у тебя научилась так говорить. Видишь, мы уже больше не вспоминаем.

– Почему тебе так нравится эта рука? – спросил полковник, положив свою руку туда, где ей хотелось лежать.

– Пожалуйста, не прикидывайся, что ты глупый, и не смей, пожалуйста, ни о чем думать, ни о чем, ни о чем на свете!

– А я и на самом деле глупый, – сказал полковник. – Но я ни о чем не буду думать, ни о чем, даже о том, что на свете есть ничто и брат его – завтра.

– Пожалуйста, будь хорошим. Будь добрым.

– Буду. А сейчас я открою тебе военную тайну. Совершенно секретно: я тебя люблю.

– Вот это мило, – сказала она. – И ты это очень мило сказал.

– А я вообще милый, – сказал полковник, быстро прикинул в уме высоту моста, к которому они прибли-

жались, и рассчитал, что гондола пройдет свободно. – Это сразу бросается людям в глаза.

– Я вечно путаю слова, – сказала девушка. – Ты меня все равно люби. Я бы очень хотела, чтобы это я любила тебя.

– А ты разве меня не любишь?

– Люблю, – сказала она. – Всей душой.

Теперь они шли по ветру. Оба устали.

– Как ты думаешь...

– А я совсем не думаю, – сказала девушка.

– А ты попробуй подумать.

– Хорошо.

– Выпей вина.

– С удовольствием. Оно очень вкусное.

Вино было вкусное. Лед в ведерке еще не растаял, вино было холодное и прозрачное.

– Можно мне остаться в «Гритти»?

– Нет.

– Почему?

– Нехорошо. Из-за них. И из-за тебя. На меня-то наплевать.

– Значит, мне идти домой?

– Да, – сказал полковник. – По логике вещей получается, что да.

– Разве можно так говорить, когда нам грустно? Ну ужели нельзя ничего придумать?

– Нет. Я провожу тебя домой, ты хорошенько выспишься, а завтра мы с тобой встретимся, где и когда ты захочешь.

– Можно позвонить тебе в «Гритти»?

– Конечно. Я не буду спать, когда бы ты ни позвонила. Ты позвонишь, как только проснешься?

– Да. Но почему ты всегда встаешь так рано?

– Профессиональная привычка.

– Ах, как бы я хотела, чтобы у тебя была другая профессия и чтобы ты не умирал!

– Я тоже. Но я бросаю свою профессию.

– Ну да, – сказала она сонно, с довольной улыбкой. – И тогда мы поедem в Рим и закажем тебе костюм.

– И будем жить счастливо до самой смерти.

– Пожалуйста, не надо, – сказала она. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, не надо! Ты же знаешь, что я приняла решение не плакать.

– А все равно плачешь! Какого же черта было принимать это решение?

– Проводи меня, пожалуйста, домой.

– Я и сам собирался это сделать, – сказал полковник.

– Нет, сначала докажи, что ты добрый.

– Сейчас, – сказал полковник.

После того как они или, вернее, полковник, распла-

тились с гондольером, – этот коренастый, крепкий, надежный и знающий свое место гондольер делал вид, будто ничего не замечает, а на самом деле все замечал, – они вышли на Пьяцетту и пересекли огромную, холодную площадь, где гулял ветер, а древние камни под ногами казались такими твердыми. Грустные, но счастливые, они шли, тесно прижавшись друг к другу.

– Вот место, где немец стрелял в голубей, – сказала девушка.

– Мы его, наверно, убили, – сказал полковник. – Или его брата. А может, повесили. Почему я знаю? Я ведь не сыщик.

– А ты меня еще любишь на этих старых, изъеденных морем, холодных камнях?

– Да. Если б я мог, я расстелил бы здесь мое солдатское одеяло и это доказал.

– Тогда ты был бы еще большим варваром, чем тот стрелок по голубям.

– А я и так варвар, – сказал полковник.

– Не всегда.

– Спасибо и за это.

– Тут нам надо свернуть.

– Кажется, я уже запомнил. Когда они наконец снесут проклятый кинотеатр и построят здесь настоящий собор? На этом настаивает даже рядовой первого взвода Джексон.

– Когда кто-нибудь опять привезет из Александрии святого Марка, спрятав его под свиными тушами.

– Ну, для этого нужен парень из Торчелло.

– Ты ведь сам парень из Торчелло.

– Да. Я парень из Бассо-Пьяве, и с Граппы, и даже из Пертики. Я парень из Пасубио, а это не шутка: там было страшнее, чем в любом другом месте, даже когда не было боев. В нашем взводе делили гонокки – их привозили из Скио в спичечной коробке. Делили, чтобы хоть как-нибудь сбежать, до того там было нестерпимо.

– Но ты же не сбежал?

– Конечно, нет, – сказал полковник. – Я всегда ухожу последний – из гостей, конечно, а не с собраний. Таких, как я, зовут каменный гость!

– Пойдем?

– Но ты же, по-моему, приняла решение?

– Да. Но когда ты сказал, что ты – нежеланный гость, я перерешила.

– Нет. Раз уж решила, значит, решила.

– Я умею выдерживать характер.

– Знаю. Чего только ты не умеешь выдерживать! Но есть такие вещи, дочка, за которые держаться не стоит. Это занятие для дураков. Иногда надо быстро перестроиться.

– Если хочешь, я перестроюсь.

– Нет. Решение, по-моему, было здоровое.

– Но ведь до завтрашнего утра так долго ждать!

– Это как повезет.

– Я-то, наверно, буду спать крепко.

– Еще бы, – сказал полковник. – Если ты, в твои годы, не будешь спать, тебя просто надо повесить!

– Как тебе не стыдно!

– Извини, – сказал он, – я хотел сказать: расстрелять.

– Мы почти дошли до дому, и ты мог бы разговаривать со мной поласковее.

– Я такой ласковый, что просто тошнит. Пусть уж кто-нибудь другой будет ласковее.

Они подошли к дворцу; вот он, дворец, перед ними.

Оставалось только дернуть ручку звонка или отпереть дверь ключом. «Я как-то раз даже заблудился у них здесь, – подумал полковник, – а со мной этого никогда не случалось».

– Пожалуйста, поцелуй меня на прощание. Но только ласково.

Полковник послушался; он любил ее так, что казалось, уже не мог этого больше вынести.

Она отперла дверь ключом, который лежал у нее в сумочке.

А потом она ушла, и полковник остался один, с ним были только истертые камни мостовой, ветер, все

еще дувший с севера, да тень, упавшая оттуда, где зажгли свет. Он отправился домой пешком.

«Только туристы и влюбленные нанимают гондолы, – думал полковник. – И те, кому надо переехать через канал там, где нет моста. Пожалуй, стоило бы зайти к «Гарри» или в какой-нибудь другой кабак. Но пойду-ка я лучше домой».

Глава пятнадцатая

«Гритти» и в самом деле был для него домом, если только можно так называть номер в гостинице. Пижамы были разложены на кровати. Возле настольной лампы стояла бутылка вальполичеллы, а на ночном столике – минеральная вода во льду и бокал на серебряном подносе. Портрет вынули из рамы и поставили на два стула, так чтобы полковник мог видеть его лежа.

На постели, рядом с тремя подушками горкой, лежало парижское издание «Нью-Йорк геральд трибюн». Арнальдо знал, что он кладет себе под голову три подушки, а запасная бутылочка с лекарством – не та, что он всегда носил в кармане, – стояла под рукой, рядом с лампой. Дверцы шкафа с зеркалами внутри были распахнуты, и он мог видеть в них портрет сбоку. Старые шлепанцы стояли возле кровати.

– Порядок! – сказал полковник, обращаясь к самому себе, потому что, кроме портрета, тут никого не было.

Он открыл бутылку, которая уже была откупорена, а потом старательно, любовно и аккуратно заткнута снова, и налил себе в бокал вина – таких дорогих бокалов обычно не подают в отеле, где стекло часто

бьют.

– За твое здоровье, дочка, – сказал он. – За твою красоту, чудо ты мое! А ты знаешь, что, кроме всего, ты еще и хорошо пахнешь? Ты замечательно пахнешь и тогда, когда дует сильный ветер, и когда лежишь под одеялом, и когда целуешь меня на прощание. Ведь это так редко бывает, а ты к тому же совсем не любишь духов.

Она поглядела на него с портрета, но ничего не сказала.

– К черту! – сказал он. – Не желаю я разговаривать с портретом!

«Почему сегодня все вышло так нескладно? – думал он. – Это я виноват. Ну что ж, завтра постараюсь вести себя хорошо; начну с самого рассвета».

– Дочка, – сказал он, обращаясь уже к ней самой, а не к ее портрету, – пойми, я ведь тебя очень люблю, и мне правда хочется быть чутким и ласковым. И больше никогда от меня не уходи, пожалуйста.

Но портрет на это не откликнулся.

Полковник вынул из кармана изумруды и поглядел, как они льются из его раненой руки в здоровую, прохладные и в то же время теплые, потому что они вбирают тепло и, как всякие хорошие камни, хранят его.

«Надо положить их в конверт и запереть, – думал он. – Но какая сволочь сохранит их лучше, чем я? Нет,

надо поскорее вернуть их тебе, дочка!

Держать их в руке приятно. Да и стоят они не больше четверти миллиона. Столько, сколько я могу заработать за четыреста лет. Надо будет высчитать это точнее».

Он положил камни в карман пижамы и прикрыл их сверху носовым платком. Потом застегнул карман. «Первая предосторожность, к которой себя приучаешь, – думал он, – это чтобы на всех твоих карманах были клапаны и пуговицы. Я, кажется, приучился к этому даже слишком рано. Приятно, когда эти твердые и теплые камни прикасаются к твоей сухой, жилистой, старой и теплой груди». Он поглядел, как сильно дует ветер, еще раз взглянул на портрет, налил себе второй бокал вальполичеллы и стал читать парижское издание «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Надо бы принять таблетки, – подумал он. – А ну их к дьяволу, эти таблетки».

Но он все-таки принял лекарство и стал читать газету дальше. Он читал Реда Смита, как всегда, с большим удовольствием.

Глава шестнадцатая

Полковник проснулся перед рассветом и сразу же почувствовал, что в постели он один.

Ветер дул с прежней силой; полковник подошел к открытому окну, чтобы проверить, какая сегодня погода. На востоке по ту сторону Большого канала еще не начинало светать, но он все же мог разглядеть, как ветер вздымает волну. «Ну и прилив будет сегодня, – думал он. – Наверно, зальет площадь. Вот здорово. Только не для голубей».

Он пошел в ванную, захватив с собой «Геральд трибюн» со статьей Реда Смита и стакан вальполичеллы. «Эх, хорошо, если Gran Maestro достанет большие fiasco, – подумал он. – Это вино всегда дает такой осадок».

Он сидел с газетой в руках и раздумывал, что его сегодня ждет.

Сначала телефонный звонок. Правда, это может случиться поздно, ведь она будет спать долго. Молодые рано не просыпаются, а красивые и подавно. Рано она, во всяком случае, не позвонит, да и магазины открываются только в девять или еще позже.

«Ах ты черт, – подумал он, – ведь эти проклятые камни все еще у меня в кармане! Как можно делать

такие глупости!

Ты-то знаешь как, – сказал он себе, просматривая объявления на последней странице газеты. – Достаточно их наделал на своем веку. У нее это не сумасбродство и не прихоть. Просто ей этого хотелось. Хорошо еще, что она напала на меня.

Вот и все, в чем ей со мной повезло, – раздумывал он. – А впрочем, я – это я, и ничего тут не попишешь. И кто его знает, к лучшему оно или к худшему. А как бы вам понравилось сидеть с такими драгоценностями в солдатском сортире, как я сидел чуть не каждое утро своей распроклятой жизни?»

Вопрос его не был обращен ни к кому персонально, разве что к потомкам вкупе.

«Сколько же раз ты сидел орлом по утрам бок о бок со всеми остальными? Это было самое неприятное. Это да еще бриться на людях. А если отойдешь в сторонку, чтобы побыть в одиночестве, или о чем-нибудь подумать, или ни о чем не думать, найдешь надежное укрытие – глядь, там уже развалились двое пехотинцев или дрыхнет какой-нибудь малый.

В армии ты можешь рассчитывать на уединение не больше, чем в публичном доме. Никогда не бывал в публичных домах, но, вероятно, там так же, как в воинской части. Я бы мог научиться командовать публичным домом», – думал он.

«Главных завсегда тае я бы возвел в ранг послов, а те, кто со своим делом не справляется, могли бы в мирное время командовать армейским корпусом или военным округом. Только не злись, дружище, – одернул он себя. – Да еще в такую рань и когда ты не кончил всех своих дел.

А что бы ты сделал с женщинами? – спросил он себя. – Купил бы им по шляпке или поставил к стенке. Какая разница?»

Он посмотрел на себя в зеркало, вправленное в полуоткрытую дверь ванной комнаты. Отражение было чуть-чуть смещено, словно снаряд, который отклонился от цели. И промазал. «Эх ты, потасканная, старая кляча, – сказал он себе. – Теперь изволь побриться – ничего, полюбуйся на эту физиономию, не помрешь. Да и постричься пора. Здесь, в городе, это несложно. Ты же полковник. Полковник пехоты США. Тебе нельзя разгуливать с длинными патлами, как Жанна д'Арк или как тот красавчик кавалерист, генерал Джордж Армстронг Кэстер. А ведь неплохо быть таким красавчиком, иметь любящую жену и труху вместо мозгов. Но он небось усомнился, правильно ли выбрал профессию, когда дело дошло до развязки, на той высоте у Литл-Биг-Хорн, когда вокруг в тучах пыли, уминая копытами степной шалфей, кружили вражеские кони, а от жизни только и осталось что зна-

комый, любимый запах черного пороха да солдаты, стреляющие в себя или друг в друга, чтобы не попасть в руки индианок.

Труп его был изуродован до неузнаваемости, как любили писать тогда в газете, которая сейчас тут лежит. Да, на той высоте он, должно быть, понял, что совершил большую ошибку – окончательную и непоправимую. Бедный кавалерист. Все его надежды рухнули сразу. Что и говорить, пехота имеет свои преимущества. В пехоте никогда ни на что не надеешься.

Ладно, – сказал он себе, – вот мы и кончили все наши дела, а скоро будет светло, и я как следует увижу портрет. Будь я проклят, если я его отдам. Нет, его я оставлю себе».

– Господи, – сказал он, – хоть бы посмотреть, как она выглядит сейчас, во сне. Но я знаю как, – сказал он себе. – Ах ты, чудо мое. Даже и не заметно, что спит. Будто прилегла отдохнуть. Дай-то Бог, чтобы она отдохнула. Отдохнула получше. Господи, как я ее люблю и как боюсь причинить ей хоть малейшую боль.

Глава семнадцатая

Едва только начало светать, полковник увидел портрет. Он увидел его сразу – всякий цивилизованный человек, привыкший просматривать и подписывать бумажки, в которые он не верит, схватывает все с первого взгляда. «Да, – сказал он себе, – глаза у меня еще есть и зоркость прежняя, а когда-то было и честолюбие. Недаром я тогда повел моих чертей в бой, где им так здорово всыпали. Из двухсот пятидесяти в живых осталось только трое, да и тем суждено просить милостыню где-нибудь на окраине до конца своих дней».

– Это Шекспир, – объяснил он портрету. – Победитель и по сей день неоспоримый чемпион.

Кто-нибудь, может, и одолеет его в случайной схватке. Но лично я могу преклоняться только перед ним. Ты когда-нибудь читала «Короля Лира», дочка? Мистер Джин Тэнней прочел и стал чемпионом мира по боксу. Я эту пьесу тоже читал. Военные, как ни странно, любят мистера Шекспира.

Что ты можешь сказать в свое оправдание? Ну, закинь хотя бы голову назад! – сказал он портрету. – Хочешь, я тебе еще расскажу про Шекспира?

Глупости, оправдываться тебе не в чем. Отдыхай,

а там будь что будет. Все равно дело наше дрянь. Сколько бы мы с тобой ни оправдывались, ни черта у нас не выйдет. Но кто же заставлял тебя совать голову в петлю, как мы с тобой это делаем?

– Никто, – ответил он себе и портрету. – И уж во всяком случае, не я.

Он протянул здоровую руку и обнаружил, что коридорный поставил рядом с бутылкой вальполичеллы еще одну, запасную.

«Если ты любишь какую-нибудь страну, – думал полковник, – не бойся в этом признаться! Признавайся.

Я любил три страны и трижды их терял. Ну зачем же так? Это несправедливо. Две из них мы взяли назад.

И возьмем третью, слышишь, ты, толстозадый генерал Франко? Ты сидишь на охотничьем стульчике и с разрешения придворного врача постреливаешь в домашних уток под прикрытием мавританской кавалерии».

– Да, – тихонько повторил он девушке; ее ясные глаза глядели на него в раннем свете дня.

Мы возьмем ее снова и повесим вас всех вниз головой возле заправочных станций. Имейте в виду, мы вас честно предупредили, – добавил он.

– Портрет, – сказал он, – ну почему бы тебе не лечь

рядом со мной, вместо того чтобы прятаться за восемнадцать кварталов отсюда? А может, и еще дальше. Я ведь теперь не так быстро считаю.

– Портрет, – сказал он и самой девушке, и портрету; но девушки не было, а портрет оставался таким, каким его нарисовали.

– Эй, портрет, а ну-ка подними повыше подбородок, чтобы совсем меня погубить!

«И все-таки это прекрасный подарок», – думал полковник.

– А маневрировать ты умеешь? – спросил он у портрета. – Быстро, не мешкая?

Портрет молчал, и полковник ответил:

– Сам знаешь, что умеет. Какого же черта спрашивать? Она обойдет тебя запросто в твой самый удачливый день, займет рубеж и будет драться, а ты только слюни распустишь.

– Портрет, – сказал он, – дочка, сынок, или моя единственная и настоящая любовь, или кто бы ты ни был. Ты ведь сам знаешь, кто ты.

Но портрет опять ничего не ответил. А полковник теперь снова был генералом и ранним утром, да еще с помощью вальполичеллы, знал все насквозь, он знал, словно трижды проверил по Вассерману, что в портрете нет никакой подлости, и стыдился, что нагрубил ему.

– Слышишь, портрет, я сегодня постараюсь быть таким хорошим, каких ты, черт побери, еще не видел. Можешь сообщить об этом своей хозяйке.

Но портрет, по своему обыкновению, молчал. «Небось с кавалеристом она держалась бы иначе», – думал генерал. Теперь у него уже было две звезды, они давили ему на плечи и белели на мутно-красной потертой дощечке, прибитой к капоту его «виллиса». Он никогда не пользовался ни штабными машинами, ни бронированными автомобилями, обложенными изнутри мешками с песком.

– Ну тебя к черту, портрет! И пусть тебе отпустит грехи вселенский поп, мастер по всем религиям сразу.

– Поди к черту сам, – сказал ему портрет, не разжимая губ. – Солдатское отребье!

– Что правда, то правда, – сказал полковник, который снова стал полковником, отказавшись от былых чинов и званий. – Я очень тебя люблю за твою красоту. Но девушку я люблю больше, в миллион раз больше.

Девушка на полотне не откликнулась, и эта игра ему надоела.

– Ты скован по рукам и по ногам, портрет. Даже если бы тебя вынули из рамы. А я еще буду маневрировать.

Портрет молчал так же, как и тогда, когда его принес портье и, с помощью второго официанта, показывал полковнику и девушке. Полковник посмотрел на

него и теперь, когда в комнате стало совсем или почти совсем светло, увидел, как он беззащитен.

Он увидел, что это портрет его единственной настоящей любви, и сказал:

– Прости меня за все глупости, которые я тебе говорил. Мне ведь и самому не хочется быть хамом. Давай попробуем немножко поспать, вдруг нам это удастся, а там, глядишь, и твоя хозяйка позвонит нам по телефону.

«Может, она наконец позвонит», – думал он.

Глава восемнадцатая

Посыльный просунул под дверь «Gazzetino», и полковник бесшумно поднял ее, как только она проскользнула в щель.

Он взял газету чуть ли не из рук посыльного. Он не выносил этого посыльного с тех пор, как, случайно вернувшись в номер, застал его за обыском своего чемодана. Полковник забыл бутылочку с лекарством и возвратился с полпути, а посыльный шарил у него в чемодане.

– В такой гостинице как-то неловко говорить: «Руки вверх!» – сказал полковник. – Но вы, ей-богу, позорите свой город!

Человек в полосатом жилете, с мордой фашиста только отмалчивался, и полковник его подзадорил:

– Валяй, уж досматривай до конца. Но военных тайн я в мыльнице не вожу.

С тех пор они друг друга недолюбливали, и полковнику нравилось выхватывать утреннюю газету чуть ли не из рук человека в полосатом жилете – бесшумно, как только он замечал, что газета появляется под дверью.

– Ладно, сегодня твоя взяла, хлюст ты этакий, – произнес он на отличном венецианском диалекте, что

было ему совсем не легко в столь ранний час. – Чтоб тебе удавиться!

«Но такие не давятся. Они знай себе суют под дверь газеты людям, которые уже не чувствуют к ним ненависти. Да, бывший фашист – это нелегкое ремесло. А может, он и не бывший, а настоящий? Почему ты знаешь?»

«Мне нельзя ненавидеть фашистов, – думал он. – И фрицев тоже, потому что, к несчастью, я военный».

– Послушай, портрет, – сказал он, – разве я должен ненавидеть фрицев за то, что мы их убиваем? Разве я должен их ненавидеть и как полковник, и как человек? По-моему, это уж больно простое решение вопроса.

– Ладно, портрет. Не думай об этом. Брось! Ты еще слишком молод, чтобы в этом разбираться. Ты на два года моложе той девушки, с которой тебя писали, а она и моложе и древнее самой преисподней – хотя у этого местечка большое прошлое.

– Послушай, портрет, – сказал он и, говоря это, знал, что теперь у него до самой смерти будет с кем поговорить по утрам, когда проснешься. – Слушай, что я тебе говорю, портрет. К черту, ты ведь до этого еще не дорос. Такие мысли нельзя произносить вслух, как бы верны они ни были. Многого я так и не смогу тебе сказать, и, может, для меня это к лучшему. Пора, чтобы и мне хоть немножко было лучше. А как

ты думаешь, портрет, для меня ведь так будет лучше?

– Чего же ты приумолк, портрет? – спросил он. – Проголодался? Я-то, кажется, проголодался.

И он позвонил коридорному, который приносил ему завтрак.

Он знал, что, хотя уже светло и на Большом канале видна каждая свинцовая и выпуклая от ветра волна, а прилив нагнал много воды к причалу Дворца прямо против окон его комнаты, – телефонного звонка он еще долго не услышит.

«Молодые спят крепко, – думал он. – Им так и полагается».

– Почему мы стареем? – спросил он коридорного со стеклянным глазом, который подал ему меню.

– Откуда я знаю, полковник? Наверно, это закон природы.

– Да. И я так подозреваю. Глазунью, чай и поджаренный хлеб.

– А из американских блюд ничего не хотите?

– К чертовой матери все американское, кроме меня самого. А Gran Maestro уже пришел?

– Он достал для вас вальполичеллу в больших оплетенных флягах по два литра; вот я принес вам графин.

– Ну и человек, – сказал полковник. – Господи Иисусе, как бы я хотел дать ему полк.

– Вряд ли он возьмет.

– Да, – сказал полковник. – Мне и самому он совсем ни к чему.

Глава девятнадцатая

Полковник позавтракал неторопливо, как боксер, который после зверского удара слышит счет «четыре» и умеет за оставшиеся пять секунд дать отдых мышцам.

– Портрет, – сказал он, – тебе бы тоже не мешало дать отдых мышцам. Боюсь только, что вот как раз это тебе и не удастся. Мы тут ограничены тем, что зовут статическим началом в живописи. Понимаешь, портрет, почти ни в одной картине – я говорю о живописи – нет движения; только некоторые художники это умеют. Очень немногие.

Я бы очень хотел, чтобы твоя хозяйка была здесь и принесла с собой движение. Откуда девушки, вроде тебя или нее, так много знают с самых ранних лет и почему вы такие красивые?

У нас в Америке, если девушка хороша, она наверняка из Техаса и, если тебе повезет, знает, какой нынче месяц. Но вот считают они все хорошо.

Их учат считать, держать коленки вместе и накручивать локоны на бигуди. За свои грехи, если у тебя есть грехи, – попробуй как-нибудь, портрет, поспать в одной постели с девушкой, которая закрутила волосы на бигуди, чтобы завтра быть покрасивее! Не сегодня,

а именно завтра. Сегодня они никогда не стараются быть красивыми. А вот завтра – другое дело. Завтра надо выдержать конкуренцию.

А Рената – то есть ты сама – спишь, не думая о своих волосах. Они разметались по подушке, эти темные шелковистые волосы для нее всего-навсего надоедливая обуза – их вечно забываешь расчесать, несмотря на причитания гувернантки.

Я так и вижу, как она идет по улице легким, размашистым шагом, ветер треплет ее волосы, как хочет, а грудь приподнимает свитер, и потом я вижу ночи в Техасе, тягостные, словно натянутые на металлические бигуди.

– Не коли меня этими железками, любимая, – сказал он портрету, – а я уж тебе отплачу круглыми, полновесными серебряными долларами или чем-нибудь еще.

«Опять грубишь», – подумал он.

И вдруг сказал уже совсем по-свойски:

– Ты так чертовски красива, что даже тошно. И к тому же с тобой непременно угодишь в тюрьму за растление малолетних. Рената все же старше тебя на два года. А тебе нет и семнадцати.

Почему она не может быть моей, почему я не могу любить ее и тешить, быть всегда добрым и ласковым, родить с ней пятерых сыновей, а потом разослать их

во все пять концов света, где бы эти концы ни были? Не понимаю. Такая уж, видно, мне выпала карта. А ты не пересдашь ли мне, банкомет?

Нет. Карты сдают только раз, а ты их берешь и начинаешь играть. И я бы мог выиграть, если бы вытянул хоть что-нибудь подходящее, – сказал он портрету, но тот не выказал никакого сочувствия.

– Портрет, – сказал он, – отвернись-ка лучше, будь поскромнее. Я сейчас приму душ и побреюсь, – тебе-то никогда не приходится бриться, – а потом надеву военную форму и пойду пройду по городу, хотя сейчас еще очень рано.

И он вылез из кровати, осторожно ступив на раненую ногу, которая всегда у него болела. Он выключил раненой рукой настольную лампу. В комнате было достаточно светло, и он уже целый час зря жег электричество.

Он пожалел об этом – полковник всегда жалел о своих промахах. Он обошел портрет, мельком взглянул на него и стал рассматривать себя в зеркало. Скинув пижаму, он стал разглядывать себя критически и непредвзято.

– Ах ты, искореженный старый хрыч, – сказал он зеркалу. – Портрет – прошлое. Настоящее – сегодняшний день.

«Брюхо не торчит, – сказал он мысленно. – Грудь

тоже в порядке, если не считать больной мышцы внутри. Ну что ж, кого на казнь ведут, того и повесят, а уж на радость это или на горе – там видно будет.

Тебе уже полста лет, старый хрыч! Ступай-ка прими душ, хорошенько потрись мочалкой, а потом надень свою военную форму. Тебе ведь отпущен еще денек».

Глава двадцатая

Полковник подошел к конторке в вестибюле, но портье еще не было на месте. Дежурил ночной швейцар.

– Вы можете запереть одну мою вещь в сейф?

– Не могу, полковник. Никто не имеет права открывать сейф, пока не придет помощник управляющего или портье. Но у себя спрячу все, что хотите.

– Спасибо. Не стоит, – сказал тот и положил адресованный на свое имя конверт со штампом «Гритти», где лежали камни, во внутренний левый карман мундира.

– У нас тут настоящего воровства теперь не бывает, – сказал ночной швейцар. Ночь была долгая, и он был рад случаю перекинуться словом. – Да никогда и не было. Вот только убеждения бывают разные, и политика тоже.

– А как у вас насчет политики? – спросил полковник; он тоже устал от одиночества.

– Да сами знаете – ни шатко ни валко.

– Понятно. А ваши дела как идут?

– По-моему, хорошо. Может, не так хорошо, как в прошлом году. Но все же вполне прилично. Нас побили на выборах, и теперь надо немножко выждать.

– Но вы-то сами что-нибудь делаете?

– Как вам сказать. Политика ведь у меня скорее для души. То есть умом я тоже в нее верю, да вот больно плохо развит.

– А ведь слишком большое развитие тоже вредно – души не останется.

– Может, и так. А у вас в армии политикой занимаются?

– Еще как, – сказал полковник. – Но не в том смысле, в каком вы думаете.

– Ну, тогда нам лучше этого не касаться. Я вас выспрашивать не хотел.

– Да ведь это я у вас первый спросил, я сам начал разговор. Мы просто болтаем. Никто друг у друга ничего не выспрашивает.

– Конечно. Вы, полковник, на инквизитора не похожи. Я знаю про ваш Орден, хоть в нем и не состою.

– Вы можете стать членом-соревнователем. Я поговорю с Gran Maestro.

– Мы с ним из одного города, но из разных районов.

– Город у вас хороший.

– Понимаете, полковник, я политически так плохо развит, что считаю всех порядочных людей порядочными.

– Ну, это у вас пройдет, – заверил его полковник. – Не беспокойтесь. Партия ваша молодая. Неудивительно, что вы впадаете в ошибки.

– Прошу вас, не надо так говорить.

– Рано утром можно и пошутить.

– Скажите откровенно, полковник, что вы думаете о Тито?

– Разное. Но он мой ближайший сосед. А я не привык сплетничать о соседях.

– А мне хотелось бы знать...

– Узнаете на собственной шкуре. Разве вы не понимаете, что на такие вопросы не отвечают?

– А я надеялся, что отвечают.

– Зря, – сказал полковник. – Во всяком случае, в моем положении. Могу вам только сказать: забот у мистера Тито немало.

– Ну, это я уже понял, – сказал ночной швейцар. Он и в самом деле был еще мальчишка.

– Еще бы, – сказал полковник. – Мудрости тут особой не нужно. Ну, пока, мне надо пройтись – для пищеварения и вообще.

– До свидания, полковник. *Fa brutto tempo*⁴⁵.

– *Bruttissimo*⁴⁶, – сказал полковник; затянув потуже пояс плаща, расправив плечи и обдернув полы, он переступил порог и вышел на улицу, где гулял ветер.

⁴⁵ Погода сегодня мерзкая (*ит.*).

⁴⁶ Премерзкая (*ит.*).

Глава двадцать первая

Полковник спустился в гондолу, которая за десять чентезимо перевозила пассажиров через канал, заплатил грязной ассигнацией сколько положено и встал в толпу людей, осужденных всю жизнь подниматься чуть свет.

Он оглянулся на гостиницу «Гритти» и увидел окна своей комнаты; они все еще были открыты настежь. Дождем не пахло, но дул тот же резкий, порывистый, холодный ветер с гор. Люди в гондоле посинели, и полковник подумал: «Вот бы выдать всем по такому ветронепроницаемому дождевику, как у меня. Господи, любой офицер, носивший такой дождевик, знает, что от дождя он не спасает; любопытно, кто на этом наживается?»

Настоящий дождевик вода не проймает. А наши протекают вовсю, зато какой-нибудь ловкач, наверно, пристроил сынишку в Гротон, а может, в Кентербери, где учатся отпрыски крупных военных поставщиков.

Кому из моих братьев-офицеров он сунул в лапу? Кто у нас в армии берет взятки? Наверно, – подумал полковник, – не один. Наверно, их очень много. Ты, кажется, еще не проснулся как следует, уж больно ты разоткровенничался. Но от ветра они все-таки защи-

щают. Дождевики! Дождевики, держи карман шире!»
Гондола подошла к причалу на другой стороне канала, и полковник стал наблюдать, как одетые в черное люди выбираются из черной плавучей колымаги. «Какая же это колымага? – подумал он. – У колымаги должны быть колеса или, на худой конец, гусеницы.

Какая ерунда лезет в голову, – думал он. – Особенно сегодня утром. Но помню, и у меня бывали здравые мысли, когда игра шла ва-банк».

Он попал в дальнюю часть города, которая прилежала к Адриатике, – эти кварталы он любил больше всего. Шагая по узенькой улочке, он решил не считать, сколько пересек переулков и мостов, а потом сориентироваться и выйти прямо к рынку, не попав ни разу в тупик.

Это была такая же игра, как для других людей пасьянс. Но она имела то преимущество, что, играя в нее, вы двигаетесь и любуетесь домами, городским пейзажем, лавками, тракториями и старыми дворцами Венеции. Если любишь Венецию, это отличная игра.

Да, это своего рода *solitaire ambulante*⁴⁷, а выигрываешь радость для глаз и для сердца. Если доберешься в этой части города до рынка, ни разу не сбившись с пути, игра твоя. Но нельзя облегчать себе за-

⁴⁷ Бродячий пасьянс (фр.).

дачу и вести счет переулкам и мостам.

По другую сторону канала игра заключалась в том, чтобы, выйдя из дверей «Гритти», попасть, не заблудившись, прямо на Риальто через Fondamente Nuove.

Оттуда можно было подняться на мост, перейти через него и спуститься к другому рынку. Рынки полковник любил больше всего. В каждом городе он первым делом осматривал рынки.

Тут он услышал, как двое юнцов прохаживаются на его счет у него за спиной. Он определил их возраст по голосу и не оглянулся, но старался на слух сохранить дистанцию, ожидая поворота, чтобы обернуться и посмотреть, что это за птицы.

«Они идут на работу, – решил он. – Может, это бывшие фашисты, а может, кто-нибудь еще, а может, просто любители почесать язык. Но они говорят обо мне обидно. И дело вовсе не в том, что я американец, – им не нравлюсь я сам, моя седина, то, что я прихрамываю, мои походные сапоги. (Молодчикам такого сорта удобные походные сапоги не нравились. Они любили сапоги с подковками, которые гулко стучали по плитам мостовой и блестели как зеркало.)

Вот и мой плащ, на их взгляд, мешковат. А теперь они толкуют о том, почему это я вышел в такую рань, и готовы голову прозакладывать, что я уже не мужчина».

Дойдя до угла, он круто свернул налево, посмотрел, с кем ему предстоит иметь дело, смерил разделявшее их расстояние, и когда юнцы обогнули угол, образуемый апсидой церкви Фрари, полковника не было и в помине. Он стоял в мертвом пространстве за апсидой старинной церкви, а услышав, что они подошли вплотную, выступил вперед, засунув кулаки в карманы дождевика, и повернулся к ним – он сам, и дождевик, и два кулака в карманах.

Они остановились, и он поглядел им обоим в глаза, и его улыбка была похожа на оскал мертвеца, – старый, испытанный прием. Потом он посмотрел им на ноги – таким типам всегда смотришь на ноги, ведь они носят слишком узкие ботинки, и если их снять, увидишь одни мозоли. Не говоря ни слова, полковник сплюнул.

Оба молодчика – да они и в самом деле были фашисты – смотрели на него с ненавистью и еще с каким-то чувством. Затем они снялись с места, как болотные птицы, вскидывая ноги, будто цапли, и в то же время напоминая чем-то ибисов в полете; они то и дело злобно оглядывались, надеясь оставить за собой последнее слово, когда отойдут достаточно далеко.

«Жаль, что их не было десять на одного, – подумал полковник. – Тогда они, пожалуй, и решились бы на драку. Впрочем, что их винить, ведь они побежден-

ные.

Но вели они себя совсем неподобающе с человеком моего звания и возраста. И потом, глупо думать, что ни один полковник пятидесяти лет от роду не поймет их языка. И еще глупее думать, что старый пехотинец не захочет драться рано поутру при таком небольшом перевесе у противника, как два к одному.

Мне было бы неприятно драться в этом городе, ведь я так люблю здешний народ. Я бы этого не хотел. Но разве не могли эти дурно воспитанные юнцы сообразить, на кого они нарвались? Разве они не знают, откуда у человека берется такая хромота? Разве они не могли разглядеть признаки, по которым узнаешь старых фронтовиков так же безошибочно, как рыбака – по шрамам на ладонях, которые прорезала бечева с большой рыбой?

Правда, они видели только мою спину, мою задницу, ноги и сапоги. Но они могли узнать меня по походке. Или, может, походка у меня изменилась? Впрочем, когда я посмотрел на них и подумал – конец вам обоим! – они меня как будто поняли. Поняли как нельзя лучше.

Чего стоит человеческая жизнь? У нас в армии – десять тысяч долларов, если ты застрахован. К чему это я? Ах да, я как раз думал об этом, когда появились эти хлюсты; я думал о том, сколько денег сберег на

своем веку моему правительству, пока всякое жулье опустошало казенную кормушку.

Да, – сказал он себе, – а сколько ты пустил по ветру в тот раз у Шато, считая по десять косых за голову? Ну, никто этого, кажется, так и не понял, кроме меня самого. А сейчас незачем им и объяснять. Начальство любит все сваливать на военную удачу. В армии знают, что на войне бывает всякое. Поступай, как приказано, не считаясь с потерями, – вот ты и герой.

Господи, – подумал он, – посылать людей на убой мне совсем не по нутру. Но когда получаешь приказ, приходится его выполнять. Ошибки – вот что не дает тебе потом покоя. Но какого черта о них вспоминать! От этого никому еще не было легче. Да только иной раз мысли к тебе как привяжутся... Привяжутся так, что не отвяжешься.

Гляди веселей! – подумал он. – Не забудь, какой при тебе капитал, а ты чуть было не впутался в драку. Если бы тебе попало, они бы непременно обшарили твои карманы. Ты уже не можешь бить наповал этими руками, а оружия при тебе нету.

Вот и нечего напускать на себя меланхолию, малый. Малый, или старый, или полковник, или неудавшийся генерал. Мы уже почти дошли до рынка, а ты и не заметил.

Плохо не замечать, что вокруг тебя делается», – до-

бавил он про себя.

Глава двадцать вторая

Он любил этот рынок. Здесь негде было яблоку упасть, люди теснились в соседних улочках, а давка стояла такая, что трудно было не толкнуть кого-нибудь ненароком, и всякий раз, как ты останавливался поглазеть, купить или просто прицениться, ты создавал *ilot de resistance*⁴⁸ перед фронтом утренней атаки покупателей.

Полковник любил разглядывать огромные, высокие груды сыра и больших колбас. «У нас в Америке воображают, будто *mortadella* – это сосиски», – подумал он.

Он сказал женщине в палатке:

– Дайте мне, пожалуйста, попробовать кусочек этой колбасы. Совсем маленький.

Она сердито и вместе с тем любовно отрезала ему тонкий, как бумага, ломтик, и когда полковник его попробовал, он почувствовал отдающий дымком вкус проперченной свинины; этих кабанов откармливали в горных лесах желудями.

– Я возьму двести пятьдесят граммов.

Завтраки, которыми барон кормил охотников, были

⁴⁸ Очаг сопротивления (*фр.*).

спартанскими, и полковник уважал этот обычай, зная, что на охоте наедаться не следует. Но он решил, что все же может добавить к завтраку эту колбасу и поделиться ею с лодочником и егерем. Гончая Бобби тоже получит свой ломтик – зря, что ли, ей мокнуть до костей, ведь, даже дрожа от холода, она работает на совесть.

– А лучше колбасы у вас нет? – спросил он у женщины. – Какой-нибудь еще, из тех, что держите под прилавком для постоянных покупателей?

– Лучше этой не бывает. Другая есть, сами видите. Но эта лучше всех.

– Дайте мне еще полтора грамма пожирнее и без перца.

– Это можно, – сказала она. – Еще не вылежалась как следует, но как раз то, что вам нужно.

Эта колбаса предназначалась для Бобби.

В Италии, где худшее преступление – прослыть дураком и где столько людей недоедает, лучше и не заикаться, что вы покупаете колбасу для собаки. Можно скормить ей кусок дорогой колбасы на глазах у рабочего человека, который знает, почем фунт лиха и каково собаке в воде зимой. Но никто не объявляет во всеуслышание, для чего покупается эта колбаса. Кроме дураков или миллионеров, нажившихся на войне и послевоенных трудностях.

Полковник расплатился и продолжал свой путь через рынок, вдыхая аромат жареного кофе и разглядывая залитые жиром туши в мясном ряду, словно наслаждался полотнами фламандских мастеров – их имен никто не помнит, но они с непревзойденной точностью изобразили в красках все, что можно застрелить или съесть.

«Рынок сродни хорошему музею, вроде Прадо или Академии», – подумал полковник.

Переулком он вышел в рыбные ряды.

Здесь прямо на осклизлых каменных плитах или в корзинах и ящиках с веревочными ручками лежали тяжелые зеленовато-серые омары с темно-кирпичным отливом, предвещавшим близкую смерть в кипятке. «Всех их изловили предательским образом, – подумал полковник, – вот и клешни им даже связали».

Были здесь небольшие камбалы, несколько тунцов и пелаамиды. Эти большеглазые рыбы морских глубин сохраняют достоинство даже в смерти; они похожи на торпеды, подумал полковник.

Их бы никогда не поймали, не будь они такими прожорливыми. Несчастные камбалы для того и живут на мелководье, чтобы кормить человека. Но эти блуждающие торпеды держатся в глубине синих вод и большими стаями странствуют по морям и океанам.

«Чего только не приходит тебе в голову, – подумал

он. – Но посмотрим, что тут есть еще».

Было здесь великое множество угрей, еще живых, хоть они и потеряли всякую веру в свое первородство. Были здесь и сочные рачки, из которых готовят scamprì brochetto (они с шипением жарятся на остром вертеле вроде рапиры, который в Бруклине пригодился бы для колки льда). Были тут небольшие креветки, серые, с молочным отливом, – они тоже ждали своей очереди, чтобы попасть в кипяток и обрести бессмертие; их легкую скорлупу понесет отлив по Большому каналу.

«Проворная креветка, чьи щупальца длиннее усов того старого японского адмирала, приходит сюда, чтобы отдать нам свою жизнь, – подумал полковник. – О христианнейшая креветка, мастер отступления, у тебя ведь такая прекрасная разведка – эти две тоненькие антенны впереди, почему же они не донесли тебе, как опасны огни и сети?

Наверно, по недосмотру», – ответил он себе.

Он глядел на горы маленьких моллюсков с острыми, как бритва, створками раковин, – их непременно надо есть сырыми, если у вас еще действует прививка против брюшного тифа.

Он обошел весь ряд, остановился возле одного из продавцов и спросил, где поймали его моллюсков. Их поймали в хорошем месте, куда не спускают сточные воды, и полковник попросил вскрыть ему полдюжи-

ны. Выпив сок, он вырезал мякоть, соскоблив ее кривым ножом, который вручил ему продавец. Тот передал ему нож, зная по опыту, что полковник вырежет мякоть лучше, чем он сам.

Полковник заплатил продавцу какие-то гроши – но куда больше, чем те гроши, которые достались рыбакам, выловившим моллюсков, – а затем подумал: «Взгляну-ка я еще на речных рыб, и пора возвращаться в гостиницу».

Глава двадцать третья

Полковник вернулся в «Гритти-палас». Он расплатился с гондольерами и вошел в вестибюль; тут ветра не было.

Провести гондолу от рынка вверх по Большому каналу можно было только вдвоем. Оба гондольера потрудились вовсю, и полковник заплатил им как положено и даже несколько больше.

– Мне никто не звонил? – спросил он дежурного портье.

Портье – умный, подвижной блондин с острым лицом – был неизменно вежлив, но без всякой угодливости. Он скромно носил на лацканах синей ливреи эмблему своей должности – скрещенные ключи. Хотя и был портье. «По званию – вроде капитана, – думал полковник. – Офицер, но не из благородных. В прежние времена был бы старшим сержантом; правда, дело ему приходится иметь только с высоким начальством».

– Сударыня уже звонила два раза, – сказал портье по-английски.

«Так принято называть язык, на котором мы все говорим, – подумал полковник. – Ну что ж, давайте звать его английским. Это, пожалуй, все, что у нас от них

осталось. Можно сделать им любезность и сохранить старое название. Хотя Стаффорд Криппс, наверно, и язык скоро будет выдавать по карточкам».

– Будьте добры, соедините меня с ней поскорее, – сказал он портье.

Портье принялся набирать номер.

– Вы можете поговорить отсюда, полковник, – сказал он. – Я вас уже соединил.

– Быстро!

– Пройдите в кабину, – сказал портье.

Войдя в кабину, полковник снял трубку и по привычке сказал:

– Полковник Кантуэлл слушает.

– Ричард, я звонила два раза. Но мне сказали, что ты ушел. Где ты был?

– На рынке. Ну, как ты, прелесть моя?

– Все еще спят, и нас никто не слышит. Поэтому – да, я твоя прелесть. Что бы это ни значило.

– Хорошо спала?

– Мне снилось, что я скольжу в темноте, как на лыжах. Может, и не на лыжах, но в темноте.

– Правильно, это и должно было тебе присниться. Почему ты так рано проснулась? Ты даже перепугала нашего портье.

– Наверно, это нескромно, но скоро я тебя увижу? И где?

– Когда и где хочешь.

– Камни еще у тебя? Приятно ты провел время с мисс Портрет?

– Да. И снова да. Камни у меня в верхнем левом кармане, а карман застегнут. С мисс Портрет мы болтали поздно ночью и рано утром, она мне очень скрасила жизнь.

– Ты ее теперь любишь больше, чем меня?

– По-моему, я пока еще человек нормальный. А может, это одно хвастовство. Она очень красивая.

– Где мы встретимся?

– Давай позавтракаем в кафе «Флориан», на правой стороне площади. Площадь, наверно, залило водой, интересно будет поглядеть.

– Хочешь, я приду туда через двадцать минут?

– Хочу, – сказал полковник и повесил трубку.

Он вышел из будки, и вдруг ему стало плохо, а потом показалось, будто дьявол загнал его в железную клетку – в Железную Деву, а может, в Железное Легкое; лицо у него посерело, он еле доплелся до конторки портье и сказал ему по-итальянски:

– Доменико, будьте добры, дайте воды.

Портье ушел, а он привалился к конторке, с трудом переводя дух. Он стоял неподвижно, не теша себя никакими иллюзиями. Портье принес стакан воды, и полковник принял четыре таблетки вместо положен-

ных двух, по-прежнему не шевелясь, как усталый ястреб.

– Доменико, – позвал он.

– Да?

– У меня тут в конверте одна вещь, прошу вас, положите ее в сейф. Ее могу потребовать у вас либо я сам, лично или письменно, либо та особа, с которой вы меня только что соединяли по телефону. Дать вам письменное распоряжение?

– Нет. Это ни к чему.

– Ну а если с вами что-нибудь приключится? Вы ведь тоже не бессмертны, а?

– Да, наверно, – сказал портье. – Но я все это запишу, а кроме меня, есть еще управляющий и его помощник.

– И оба люди хорошие, – признал полковник.

– Вы бы присели, полковник.

– Не хочу. Кто же позволяет себе расслаживаться, кроме никчемных стариков и старух в дешевых мебелирашках? Вы разве сидите?

– Нет.

– Я могу передохнуть стоя или приткнувшись к любому вонючему дереву. Мои соотечественники вечно присаживаются или просто валяются. И чтобы заглушить свое нытье, жуют укрепляющие галеты.

Он говорил без умолку, стараясь поскорее прийти

в себя.

– Неужели у вас продают такие галеты?

– Факт. В них кладут какое-то снадобье, чтобы вы не волновались. Вроде атомной бомбы обратного действия.

– Что-то не верится!

– Ну, у нас есть такие военные тайны, что о них только генеральские жены друг другу рассказывают! Укрепляющие галеты – это еще самая безвредная! Следующий раз мы засыплем всю Венецию бактериями с высоты в пятьдесят шесть тысяч футов. И ничего против этого не поделаешь, – сказал полковник. – Они тебе сибирскую язву, а ты им другую заразу!

– Но это ужасно!

– Просто кошмар, – заверил его полковник. – Невиданный и неслыханный. Об этом сообщали в печати. Но зато вы в это время сможете поймать по радио принцессу Маргарет, она вам споет американский гимн. Думаю, что это мы устроим. Голос у нее я бы не сказал, что большой. В свое время и не такие слышали. Но теперь ведь кругом жульничество. Радио само делает голоса. А гимн «Звездное знамя» – он вас подержит почти до самого конца.

– Вы думаете, они в самом деле на нас что-нибудь сбросят?

– Что вы! Когда они это делали?

От гнева, от боли, от чувства беспомощности полковник вел себя так, будто он генерал армии, но, приняв таблетки, почувствовал облегчение и сказал:

– Ciao, Доменико!

Выйдя из отеля, он подсчитал, что ему нужно двенадцать с половиной минут, чтобы добраться до кафе, где он встретится с Ренатой; впрочем, она, наверно, чуть опоздает. Он шел осторожно, не ускоряя шага. Но мосты ему все равно давались с трудом.

Глава двадцать четвертая

Точно в назначенное время Рената сидела за столиком. В резком утреннем свете, который падал на залитую водой площадь, она была все такой же красивой. Она сказала:

– Ричард, сядь. Тебе нехорошо? А?

– Ну что ты! – сказал полковник. – Чудо ты мое!

– Ты обошел все наши любимые места на рынке?

– Не все. Я не ходил туда, где продают диких уток.

– Спасибо.

– Не за что, – сказал полковник. – Я никогда не хожу туда без тебя.

– Ты думаешь, мне не надо ехать на охоту?

– Нет. Безусловно, нет. Если бы Альварито хотел, он бы тебя пригласил.

– Он мог меня не пригласить именно потому, что этого хотел.

– Верно, – сказал полковник, обдумывая эту догадку. – Что будешь есть?

– Тут очень невкусно кормят утром, и потом, я не люблю площадь, когда она затоплена. У нее такой унылый вид, и голубям некуда сесть. Весело бывает попозже, когда дети прибегают играть. Пойдем завтракать в «Гритти»?

– Тебе туда хочется?

– Да.

– Ладно. Позавтракаем там. Я, правда, уже поел.

– Да ну?

– Я выпью кофе с горячими слойками, а если есть не захочется, хотя бы в руках подержу. Ты очень голодна?

– Ужасно, – призналась она простодушно.

– Тогда мы сделаем всю процедуру как следует. Тебе от одного слова «завтрак» станет противно.

Когда они шли, ветер дул им в спину и развеивал ее волосы веселее, чем знамя; держа его крепко за руку, она спросила:

– А ты меня еще любишь при резком холодном свете венецианского утра? Он ведь правда такой резкий и холодный, да?

– Я люблю тебя, хотя он и резкий, и холодный.

– Я любила тебя всю ночь, когда бежала в темноте на лыжах.

– Как же тебе это удавалось?

– Лыжня была такая, как всегда, но только кругом темно и снег не светлый, а темный. А идешь на лыжах обыкновенно: не торопясь, легко.

– И ты бежала на лыжах всю ночь? Сколько же ты прошла?

– Нет, не всю. Потом я крепко спала, а когда просну-

лась, мне было хорошо. Ты лежал рядом и спал, как ребенок.

– Я не был рядом с тобой, и я не спал.

– Но сейчас ты со мной, – сказала она и прижалась к нему еще крепче.

– И мы почти дошли.

– Да.

– А я тебе уже говорил, что я тебя люблю?

– Говорил, но скажи еще раз.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Говорю тебе это прямо и официально.

– Говори как хочешь, если только это правда.

– Молодец, – сказал он. – Ты добрая, славная и красивая девушка. Повернись-ка на мосту в профиль, и пусть ветер треплет твои волосы.

– Ну, это легко, – сказала девушка. – Вот так?

Он посмотрел, увидел ее профиль, утреннюю свежесть кожи, грудь, приподнимающую черный свитер, глаза, прищуренные от ветра, и сказал:

– Да, так.

– Ну и слава Богу, – сказала она.

Глава двадцать пятая

Gran Maestro посадил их за столик у окна, выходявшего на Большой канал. В ресторане, кроме них, никого не было.

Вид у Gran Maestro с утра был здоровый и праздничный. По утрам он забывал о своей язве, да и о сердце также. Когда у него ничего не болело, он старался не думать о боли.

– Мой товарищ рассказывает, что ваш рябой соотечественник завтракает в постели, – поведал он полковнику. – Сюда, правда, могут прийти несколько бельгийцев. «Храбрейшие из них были бельги», – процитировал он. – Есть у нас тут и парочка pescesani; сами знаете, откуда их принесло. Но они переутомились и, по-видимому, будут есть, как свиньи, у себя в номере.

– Отлично доложили обстановку, – сказал полковник. – Проблема, которую нам надо решить, Gran Maestro, состоит в том, что я уже поел у себя в номере, как тот щербатый и ваши pescesani. А вот эта дама...

– Молодая девушка, – поправил его Gran Maestro, улыбаясь во весь рот. Настроение у него было хорошее, ибо день еще только начинался.

– Эта молодая девушка хочет так позавтракать, что-

бы никогда уже больше к этому не возвращаться.

– Понятно, – сказал Gran Maestro; он поглядел на Ренату, и сердце у него в груди перекувырнулось, как морская черепаха в океане. Редкостное ощущение, мало кому на этом свете удастся его пережить.

– Что ты будешь есть, дочка? – спросил полковник, любясь ее утренней, ничем не прикрашенной красотой.

– Все подряд.

– Может, ты все-таки уточнишь?

– Чай вместо кофе и все, что Gran Maestro удалось для меня припасти.

– Старыми запасами, дочка, я вас кормить не буду.

– Дочкой зову ее только я.

– Я это сказал от души. Мы можем fabricar⁴⁹ rognons⁵⁰, зажаренные с шампиньонами. Грибы собрали люди, которых я хорошо знаю. Или вырастили у себя в сыром погребе. Могу подать омлет с трюфелями – их вырыли очень благородные свиньи. И канадскую грудинку, полученную по случаю из самой Канады.

– Все равно откуда, – сказала девушка, улыбаясь и не теша себя пустыми иллюзиями.

– Все равно откуда, – серьезно повторил полков-

⁴⁹ Приготовить (*исп.*).

⁵⁰ Почки (*фр.*).

ник. – Я-то уж знаю откуда. Ну ладно, пошутили, и хватит. Давайте теперь поедим.

– Если это не очень нескромно, я бы и сама была за это.

– А мне принесите флягу вальполичеллы.

– И больше ничего?

– Порцию грудинки, если она и правда из Канады.

Он поглядел на девушку, потому что теперь они остались одни, и сказал:

– Ну, как ты, прелесть моя?

– Наверно, я очень хочу есть. Но спасибо тебе за то, что ты сегодня добрый так долго.

– Мне это было нетрудно, – объяснил полковник по-итальянски.

Глава двадцать шестая

Они сидели за столиком и любовались, как утренний беспокойный свет золотит воду канала. Теперь, на солнце, вода была уже не серая, а желто-серая, и волны шли навстречу отливу.

– Мама уверяет, будто не может подолгу жить в Венеции, потому что тут нет деревьев, – сказала девушка. – Она то и дело уезжает за город.

– Все ездят за город, – сказал полковник. – Мы могли бы посадить деревья и здесь, если бы нашли дом с мало-мальски приличным участком.

– Я больше всего люблю ломбардские тополя и платаны, но я в этом плохо разбираюсь.

– Я тоже их люблю, однако мне нравятся и кипарисы, и каштаны. Обыкновенные каштаны и конские. Но настоящих деревьев, дочка, ты не увидишь, пока мы не поедем в Америку. Вот тогда ты согласишься, что такое белая сосна или желтая сосна!

– А мы их увидим, когда поедем путешествовать и будем останавливаться на всех заправочных и общественных станциях, или как там они у вас называются?

– Туристские лагеря, – сказал полковник. – Мы будем там останавливаться, только не на ночь.

– Мне ужасно хочется подкатить к общественной станции, шваркнуть об стол деньги и крикнуть: «А ну-ка, Мак, заправь машину и проверь масло!» – как это делают во всех американских романах и фильмах.

– Их называют заправочные станции.

– А что же тогда общественная станция?

– Общественные бывают не станции, а уборные.

Куда ты заходишь, когда...

– А-а... – сказала девушка и покраснела. – Извини, пожалуйста. Я ужасно хочу научиться правильно говорить по-американски. Но наверно, еще долго буду путать, как ты по-итальянски.

– Язык у нас очень простой. И чем дальше на Запад, тем он проще и яснее.

Gran Maestro подал завтрак, и хотя блюда были покрыты серебряными крышками, они почувствовали аромат жареной грудинки и почек, отдающий темным, приглушенным духом тушеных грибов.

– Выглядит все это просто чудно, – сказала девушка. – Большое спасибо, Gran Maestro. Хочешь, я буду разговаривать по-американски? – спросила она полковника. – А ну-ка, приятель, вали сюда! – произнесла она коротко, ткнув рукой, как рапирой. – Жратва мировая!

Gran Maestro ответил:

– Благодарю вас, сударыня.

– Как правильнее сказать: шамовка или жратва? – спросила девушка.

– Одинаково.

– А на Западе так разговаривали, когда ты был маленький? Что там говорят за завтраком?

– Завтрак подавал сам повар. Он бы сказал: «А ну-ка навались, сучьи дети, не то я вышвырну все на помойку».

– Мне это надо выучить и сказать у нас в имении. Как-нибудь, когда к нам приедет в гости английский посол со своей очень скучной женой, я подучу лакея сказать: «А ну-ка навались, сучьи дети, не то я вышвырну все на помойку».

– Гость мигом вылетит как пуля, – сказал полковник. – Но опыт будет интересный.

– Научи, что мне сказать по-настоящему, по-американски этому рябому, если он, конечно, появится. Я тихонько шепну ему на ухо, будто назначаю свидание, как когда-то делали дамы.

– Это зависит от того, какой у него будет вид. Если очень кислый, ты ему шепни: «Что ж ты, Мак, ты же грозился набить мне рыло!»

– Какая прелесть! – воскликнула она и повторила эту фразу, подражая Иде Люпино. – А можно мне это сказать Gran Maestro?

– Почему же нет? Gran Maestro!

Gran Maestro подошел и заботливо к ним наклонился.

– Эй, Мак! Ты ж грозился набить мне рыло! – резко выкрикнула девушка.

– Не отрицаю, – ответил Gran Maestro. – Благодарю, что вы мне так недвусмысленно об этом напомнили.

– Если тот тип придет и ты захочешь поговорить с ним, когда он позавтракает, шепни ему на ухо: «Утри бороду, Джек, она вся в яичнице, оправься и катись отсюда».

– Я запомню и поупражняюсь дома.

– А что мы будем делать после завтрака?

– Давай поднимемся наверх и поглядим на портрет при дневном свете, а вдруг он ничего не стоит, я хочу сказать – никуда не годится?

– Идем, – сказал полковник.

Глава двадцать седьмая

Полковник боялся застать наверху обычный для гостиницы утренний ералаш, но номер уже прибрали.

– Стань с ним рядом, – сказал он. А потом спохватился и прибавил: – Пожалуйста!

Она встала рядом с портретом, и он поглядел на них оттуда, откуда смотрел ночью.

– Никакого сравнения, – сказал он. – Я говорю не о сходстве. Сходство схвачено отлично.

– А разве ты хотел нас сравнивать? – спросила девушка, закинув голову: на ней был тот же черный свитер, что на портрете.

– Конечно, нет. Но прошлой ночью и на рассвете я разговаривал с портретом, словно это была ты.

– Вот это мило. Значит, от портрета была какая-то польза.

Они лежали на кровати, и девушка его спросила:

– Ты никогда не закрываешь окон?

– Нет. А ты?

– Только когда идет дождь. По-твоему, мы похожи друг на друга?

– Не знаю. Нам с тобой так и не удалось это проверить.

– Нам с тобой вообще не очень-то везет. Но мне все

же повезло, раз я тебя знаю.

– Ну а что это тебе дало? – спросил полковник.

– Понятия не имею. Наверно, что-то дало, и мне лучше, чем другим.

– Верно! Этого и будем добиваться. Я, правда, не люблю ограничиваться малым, но иногда приходится с этим мириться.

– Что тебя огорчает больше всего на свете?

– Когда мне приказывают, – сказал он. – А тебя?

– Ты.

– Я не хочу тебя огорчать. Я не раз бывал последним сукиным сыном. Но еще никогда никому не причинял горя.

– Кроме меня, горе ты мое.

– Ладно, – сказал он. – Допустим.

– Спасибо, что ты это допускаешь. Ты сегодня добрый. Мне стыдно, что у нас так получается... Обними меня, пожалуйста, покрепче, и давай не будем говорить или думать о том, что все могло быть совсем иначе.

– А знаешь, дочка, это как раз одна из тех немногих вещей, которые я умею.

– Ты умеешь очень, очень много разных вещей. Не смей так о себе говорить.

– Ну да, – сказал полковник, – я умею наступать, я умею отступать, а еще?

- Ты все понимаешь в картинах, в книгах и в жизни.
- Ну, это наука нехитрая! Смотри на картины непредвзято, читай книги честно и живи как живется.
- Не снимай, пожалуйста, мундира.
- Ладно.
- Ты всегда меня слушаешься, если я говорю «пожалуйста».
- Бывало, я слушался и без этого.
- Не очень часто.
- Не очень, – признался полковник. – Пожалуйста
- очень приятное слово.
- Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!
- Per piacere – это значит: сделай милость. Жаль, что мы не можем всегда говорить по-итальянски.
- Можем, но только в темноте. Хотя есть такие вещи, которые лучше звучат по-английски. «Я люблю тебя, моя последняя, настоящая и единственная любовь», – процитировала она. – «Когда сирень в последний раз цвела у нас в саду». «Из колыбели, вечно баюкавшей». «А ну-ка навались, сучьи дети, не то я вышвырну все на помойку». Тебе это больше нравится на другом языке, Ричард?
- Нет.
- Поцелуй меня еще раз, пожалуйста.
- В этом случае «пожалуйста» лишнее.
- Я, того и гляди, сама стану лишняя. Если ты

умрешь, ты по крайней мере не сможешь меня бросить.

– Ну, знаешь, это уже грубо, – сказал полковник. – Последи-ка за своим язычком.

– Я становлюсь грубой, когда ты грубишь, – сказала она. – Ты ведь сам хочешь, чтобы я была хоть немножко на тебя похожа.

– Я не хочу, чтобы ты хоть в чем-нибудь была не такая, какая ты есть. Я люблю тебя всей душой, окончательно и бесповоротно.

– Иногда ты умеешь говорить приятные вещи очень понятно. А что, если не секрет, вышло у тебя с женой?

– Она была женщина честолюбивая, а я слишком часто бывал в отъезде.

– Ты хочешь сказать, что она ушла от тебя из честолюбия, а тебя никогда не бывало дома из-за твоего ремесла?

– Вот именно, – сказал полковник, вспоминая прошлое почти без горечи. – Честолюбия у нее было больше, чем у Наполеона, а таланта – как у первого зубрилы в школе.

– Что бы это ни значило, – сказала девушка, – но не будем о ней говорить. Жаль, что я тебя о ней спросила. Ей, должно быть, очень обидно, что она с тобой не живет.

– Ничуть. С таким самомнением, как у нее, не оби-

жаются, а замуж она вышла, чтобы примазаться к военной верхушке и приобрести связи, полезные для ее профессии или, может, для ее искусства. Она была журналисткой.

– Но это ужасные люди! – воскликнула девушка.

– Верно.

– Как ты мог жениться на журналистке и позволить ей этим заниматься?

– Я ж говорил, что у меня в жизни бывали ошибки, – сказал полковник.

– Давай поговорим о чем-нибудь приятном.

– Давай.

– Нет, это ужасно! Как ты на это решился?

– Не знаю. Я бы мог тебе рассказать подробно, но давай лучше обойдем этот вопрос.

– Давай обойдем. Все-таки я не думала, что это так ужасно. А ты больше такой глупости не сделаешь?

– Клянусь тебе, нет!

– И ты с ней не переписываешься?

– Конечно, нет.

– Ты не расскажешь ей о нас с тобой, она не сможет об этом написать в газетах?

– Нет. Я этой стерве кое-что рассказал, и она об этом написала. Но дело было совсем в другой стране. И к тому же она умерла.

– Правда, умерла?

– Начисто и бесповоротно. Как Феб Финикийский. Но она сама еще об этом не знает.

– А что, если бы мы с тобой гуляли по Пьяцце и ты бы ее встретил?

– Я бы посмотрел на нее в упор и не заметил. Пусть знает, что умерла.

– Большое спасибо, – сказала девушка. – Ты ведь понимаешь, как трудно неопытной девушке справиться с другой женщиной или с памятью о другой женщине.

– У меня нет другой женщины, – сказал полковник, и глаза у него от невеселых воспоминаний стали злые. – И нет памяти о другой женщине.

– Большое спасибо, – повторила девушка. – Сейчас я тебе верю. Но пожалуйста, никогда не смотри на меня так и никогда обо мне так не думай!

– Давай поймаем ее и вздернем на высоком дереве! – запальчиво сказал полковник.

– Нет. Давай о ней лучше забудем.

– Я ее и так забыл, – сказал полковник.

И, как ни странно, это была правда. Странно потому, что на миг она появилась в комнате и чуть было не нагнала на него панику; это уж совсем странно, подумал полковник. Он-то знал, как люди впадают в панику.

Но теперь она ушла, ушла безвозвратно; она вы-

жжена, изгнана, разжалована по рапорту в одиннадцати экземплярах, к которому приложено официальное, заверенное у нотариуса свидетельство о разводе.

– Я ее забыл, – сказал полковник. Это была чистая правда.

– Я очень рада, – сказала девушка. – Не понимаю, как ее вообще пустили сюда, в гостиницу.

– Да, мы с тобой здорово похожи, – сказал полковник. – Нельзя этим так чертовски злоупотреблять!

– Ладно, можешь ее повесить, ведь это из-за нее нам нельзя пожениться.

– Я ее забыл, – сказал полковник. – Пусть получше разглядит себя в зеркале и повесится сама.

– Теперь, когда ее здесь больше нет, не будем желать ей всяких бед. Но, как настоящая венецианка, я бы хотела, чтобы она умерла.

– И я тоже, – сказал полковник. – Но раз она не умерла, давай забудем ее навсегда.

– Навсегда и на веки вечные, – сказала девушка. – Правильно я выговариваю? По-испански это будет para sempre.

– Para sempre и все такое прочее, – добавил полковник.

Глава двадцать восьмая

Они молча лежали рядом, и полковник чувствовал, как бьется ее сердце. Приятно чувствовать, как бьется сердце под черным свитером, который связала ей тетка, и ощущать тяжесть длинных темных волос на здоровой руке. «Но разве это тяжесть, – думал полковник, – они же легче легкого». Она лежала тихая и ласковая, и все, что им обоим было дано пережить, неразрывно связывало их друг с другом. Он нежно и требовательно поцеловал ее рот, и все вдруг замерло, осталось только ощущение нерасторжимой связи.

– Ричард, – сказала она, – как обидно, что у нас все так получается...

– А ты никогда ни о чем не жалеешь, – сказал полковник. – Никогда не считай потерь, дочка.

– Повтори.

– Дочка...

– Расскажи мне что-нибудь хорошее, чтобы я могла думать об этом всю будущую неделю, и еще про войну.

– Давай не будем говорить о войне.

– Нет. Я должна о ней больше знать.

– Я тоже должен, – сказал полковник. – Но не о военных хитростях. Один наш офицер в должности ге-

нерала как-то словчил и раздобыл план передвижения войск противника. Он заранее знал о каждом их шаге и провел такую блестящую операцию, что его повысили в чине и отдали ему под начало людей, куда более достойных. Вот почему нас одно время били. Да еще потому, что отдых в субботу и воскресенье у нас такая святыня.

– Сегодня у нас суббота.

– Я знаю, – сказал полковник. – Считать до семи я еще не разучился.

– Но почему ты на всех сердисься?

– Неправда. Мне просто пошел шестой десяток, и я знаю, что к чему.

– Расскажи мне еще что-нибудь о Париже, я люблю всю неделю думать о тебе и о Париже.

– Дочка, почему ты все время пристаешь ко мне с Парижем?

– Но я же была в Париже и непременно поеду туда опять. Это самый чудесный город на свете, не считая нашего, и мне хочется побольше о нем узнать.

– Мы поедем вместе, и я там все тебе расскажу.

– Спасибо. Но ты расскажи мне хоть немножко сейчас, чтобы хватило на будущую неделю.

– Я тебе, кажется, объяснял, что Леклерк был хлюст из благородных. Человек очень смелый, очень заносчивый и на редкость честолюбивый. Я уже тебе ска-

зал – он умер.

– Да, это ты мне сказал.

– О мертвых не принято дурно говорить. Но по-моему, именно о мертвых нужно говорить правду. Я никогда не говорю о мертвых того, чего не сказал бы им при жизни. Напрямик, в лицо, – добавил он.

– Давай не будем о нем говорить. В душе я его уже разжаловала.

– Но что же тебе рассказать? Что-нибудь романтическое?

– Да, пожалуйста. У меня очень дурной вкус, я ведь читаю иллюстрированные журналы. Но когда ты уедешь, я всю неделю буду читать Данте. И каждое утро ходить к мессе. Это, наверно, поможет.

– А перед обедом заходи к «Гарри».

– Хорошо, – сказала она. – Расскажи мне что-нибудь романтическое.

– А не лучше ли нам просто заснуть?

– Разве можно сейчас спать, ведь у нас осталось так мало времени! Хочешь, полежим вот так, – сказала она и уткнулась головой ему в шею, под подбородок, заставив его откинуться назад.

– Ладно, сейчас расскажу.

– Сначала дай мне твою руку. Я буду чувствовать ее в своей, когда стану читать Данте и делать все остальное.

– Данте был отвратный тип. Еще заносчивее Леклерка.

– Говорят. Но писал он совсем не отвратно.

– Да. А Леклерк умел здорово воевать.

– Ну, расскажи!

Теперь ее голова лежала у него на груди. Полковник сказал:

– Почему ты не хотела, чтобы я снял мундир?

– Мне приятно чувствовать твои пуговицы. Это нехорошо?

– Почему? Я был бы самым последним сукиным сыном, если б это подумал. В вашем роду многие воевали?

– Все, – сказала она. – Всегда. Были у нас и купцы, и дожи, ты ведь знаешь.

– И все воевали?

– Все, – сказала она. – По-моему, все.

– Ладно, – сказал полковник. – Тогда я тебе расскажу.

– Что-нибудь романтическое. Такое, о чем пишут в иллюстрированных журналах, или даже хуже.

– В «Доменика дель коррьере» или «Трибуна иллюстрата»?

– Еще хуже.

– Сначала ты меня поцелуй.

Она поцеловала его нежно, крепко, с отчаянием,

и полковнику стало трудно думать о боях. Он думал только о ней, о том, что она сейчас чувствует, и о том, как близко граничит жизнь со смертью в минуту высокого блаженства. Но что же такое, черт побери, это блаженство, каково его звание и к какой оно приписано части? И не раздражает ли ей кожу черный свитер? И откуда взялись вся эта мягкость, и прелесть, и удивительное достоинство, и жертвенность, и ребячья мудрость? Да, ты мог узнать блаженство, а вместо этого вытянул пиковую даму.

«Но смерть – дерьмо, – думал он. – Смерть приходит к тебе мелкими осколками снаряда, снаружи даже не видно, где она вошла. Иногда она ужасна. Она может прийти с некипяченой водой, с плохо натянутым противомоскитным сапогом или с грохотом добела раскаленного железа, который никогда не смолкал. Она приходит с негромким потрескиванием, предвещающим очередь из автомата. Она приходит с дымящейся параболой летящей гранаты и с резким ударом мины.

Я видел, как она падает, оторвавшись от бомбодержателя, и описывает в воздухе причудливую дугу. Она приходит с оглушительным скрежетом металла, когда ломается машина или когда просто отказывает управление на скользкой дороге.

Но я знаю, что ко многим она приходит в постели

как обратная сторона любви. Я прожил с ней по соседству почти всю жизнь и отмеривал ее другим – в этом было мое ремесло. Но что же мне рассказать моей девушке в это холодное ветренное утро, здесь, в «Гритти-палас»?»

– О чем бы тебе рассказать, дочка? – спросил он ее.

– Обо всем.

– Ладно, – сказал полковник. – Тогда слушай.

Глава двадцать девятая

Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, на приятной, жестковатой, только что постеленной кровати; она положила ему голову на грудь, и волосы ее рассыпались по его старой, жилистой шее. Он начал рассказывать:

– Мы высадились, но не встретили серьезного сопротивления. Настоящую встречу нам готовили в другом месте. Затем мы соединились с воздушным десантом, заняли и закрепили за собой несколько городов и наконец захватили Шербур. Это было нелегко, операцию пришлось провести очень быстро; командовал ею генерал по прозвищу Молниеносный Джо, о котором ты, верно, никогда и не слыхала. Хороший генерал.

– Пожалуйста, дальше. Про Молниеносного Джо ты мне уже говорил.

– После Шербура у нас всего было вдоволь. Себе я не взял ничего, кроме адмиральского компаса, – у меня тогда была моторка на Чизапикском заливе. Нам достался весь коньяк германского интендантства, а кое-кто из офицеров прикарманил миллионы по шести французских франков, которые печатали фрицы. Их принимали до прошлого года; за доллар давали

пятьдесят франков, и те, кто ухитрился переслать франки домой – через любовниц или адъютантов, – неплохо на этом нажились.

Я-то ничего не украл, кроме компаса, – мне казалось, что зря красть на войне не стоит: это приносит несчастье. Но коньяк я пил и в свободные минуты учился читать этот сложный компас. Компас был моим единственным другом, а телефон поглощал всю жизнь. Проводов у нас было больше, чем б... в Техасе.

– Пожалуйста, рассказывай, но, если можешь, говори поменьше грубых слов. Этого слова я не понимаю и не желаю его понимать.

– Техас – большой штат, – сказал полковник. – Вот почему я привел в пример его женское население. Я же не мог привести в пример Вайоминг – народу там не больше тридцати, ну от силы пятидесяти тысяч, а проводов была уйма, их то и дело приходилось тянуть, свертывать, а потом тянуть снова.

– Дальше.

– Перейдем сразу к прорыву, – сказал полковник. – Но скажи, тебе не скучно?

– Нет.

– Так вот, об этом сволочном прорыве, – сказал полковник, повернув к ней голову. Теперь он уже не рассказывал, а скорее, исповедовался. – В первый же

день появилась их авиация и сбросила такие игрушки, которые сбивают с толку радар, и наше наступление отменили. Мы были готовы, но его отменили. Начальству, конечно, виднее. Ох, до чего ж я люблю начальство, прямо как горькую редьку.

– Рассказывай и не злись.

– Условия, видите ли, не благоприятствовали, – сказал полковник. – Ну, на другой день мы все-таки бросили вызов врагу, как говорят наши двоюродные братья англичане, которые не в состоянии прорвать даже мокрое полотенце; вот тут над нами и стали парить наши короли воздуха. Когда мы увидели первые самолеты, остальные еще только поднимались с насиженных мест на поросшем зеленой травкой авианосце, который зовется Англией. Они так и сияли, светлые, красивые, – к тому времени защитную окраску первых дней вторжения уже соскоблили, а может, ее и раньше не было. Точно не помню.

Так или иначе, дочка, вереница самолетов тянулась на восток, насколько хватало глаз. Похоже было на бесконечно длинный поезд. Они летели высоко в небе, красота, да и только! Я еще сказал своему начальнику разведки, что этот поезд можно окрестить «Валгалла». Тебе не надоело слушать?

– Нет. Я так и вижу тот экспресс «Валгалла». У нас тут никогда не бывало столько самолетов. Но вообще

самолеты мы видели. Даже часто.

– Мы находились в двух тысячах ярдов от исходного рубежа. А ты знаешь, дочка, что такое две тысячи ярдов перед атакой?

– Нет. Откуда мне знать.

– Тут головная часть экспресса «Валгалла» сбросила дымовые бомбы, развернулась и пошла домой. Бомбы были сброшены точно, они ясно указали цель – позиции фрицев. Хорошие у них были позиции, ничего не скажешь: пожалуй, мы бы их оттуда не выбили, если бы не весь тот пышный аттракцион, который мы тогда наблюдали.

Ну а потом чего только не сбросил экспресс «Валгалла» на фрицев – туда, где они засели и где пытались нас задержать!

Позднее там все выглядело как после землетрясения, а пленные, которых мы брали, дрожали, словно в лихорадке. Это были храбрые парни из Шестой парашютной дивизии, но их трясло, и они никак не могли взять себя в руки.

Сама видишь, бомбежка была что надо. Как раз то, о чем можно мечтать, если хочешь повергнуть противника в страх и трепет.

Короче говоря, дочка, ветер подул с востока, и дым стало относить назад, прямо на нас. Тяжелые бомбардировщики бомбили линию дымовой завесы, а она

висела теперь над нами. Вот авиация и принялась нас бомбить так же усердно, как раньше фрицев. Сперва это были тяжелые бомбардировщики, и тому, кто там побывал, уже нечего бояться ада. Потом, чтобы подготавливать прорыв получше и оставить как можно меньше людей с обеих сторон, налетели средние бомбардировщики и принялись за тех, кто был еще жив. Ну а потом, как только экспресс «Валгалла» повернул домой, растянувшись во всей своей красе и величии от французского побережья через всю Англию, мы пошли на прорыв.

«Если у человека есть совесть, – сказал себе полковник, – ему иногда не мешает подумать, что такое военная авиация».

– Дай-ка мне бокал вальполичеллы, – сказал полковник и чуть не забыл добавить «пожалуйста». – Извини, – сказал он. – Пожалуйста, ляг поудобней, киса. Ты ведь сама просила, чтобы я тебе рассказал.

– Я не киса. Ты меня, наверно, с кем-нибудь спутал.

– Правильно. Ты моя последняя, настоящая и единственная любовь. Так? Но ты сама просила меня рассказывать.

– Пожалуйста, рассказывай, – сказала девушка. – Я бы хотела быть твоей кисой, но не знаю, что для этого нужно. Я ведь всего-навсего девушка из Венеции и люблю тебя.

– Так и запишем, – сказал полковник. – И я тебя люблю; а это словечко я, кажется, подцепил на Филиппинах.

– Может быть. Но мне бы хотелось быть просто твоей девушкой.

– Ты и есть моя девушка, – сказал полковник. – Вся, целиком, со всеми потрохами.

– Пожалуйста, не говори грубостей, – сказала она. – Пожалуйста, люби меня и расскажи все, как было, но только не расстраивайся.

– Я расскажу тебе все, как было, – сказал он. – Во всяком случае, постараюсь, и будь что будет. Если уж ты этим интересуешься, лучше тебе все узнать от меня, чем прочесть в какой-нибудь дерьмовой книжке.

– Пожалуйста, не надо быть грубым. Ты просто расскажи мне все, как было, и обними меня покрепче, но рассказывай по порядку, чтобы у тебя на душе стало легче. Если тебе это удастся.

– Мне не от чего облегчать душу, – сказал он. – разве что от воспоминаний о том, как тяжелые бомбардировщики действуют в тактических целях. Я ничего против них не имею, если они действуют правильно, – пусть даже тебе грозит смерть. Но для поддержки наземных сил мне подавай кого-нибудь вроде Кесады. Вот кто влепит им пинка в задницу.

– Пожалуйста, не надо...

– Если ты захочешь бросить такую старую клячу, как я, этот парень всегда окажет тебе поддержку.

– Ты вовсе не старая кляча, что бы это ни значило, и я тебя люблю.

– Пожалуйста, дай мне две таблетки вон из той бутылочки и налей бокал вальполичеллы, который ты так и не налила, а я расскажу тебе еще кое-что.

– Не надо. Не надо рассказывать, я теперь знаю, что тебе это вредно. Особенно – про тот день, когда появился экспресс «Валгалла». Я не инквизиторша, или как там называют инквизиторов женского рода. Давай полежим тихо и поглядим в окно, что творится у нас на Большом канале.

– Пожалуй, это и в самом деле лучше. Да и кому какое дело до этой проклятой войны?

– Разве что нам с тобой, – сказала она и погладила его по голове. – Вот тебе две таблетки из квадратной бутылочки. Вот бокал вина. Надо мне в самом деле прислать тебе вина из нашего имения. Давай немножко поспим. Только будь хорошим, и давай просто полежим. Положи, пожалуйста, сюда свою руку.

– Здоровую или раненую?

– Раненую, – сказала девушка. – Ту, которую я люблю и не могу забыть всю неделю. Я же не могу взять ее на память, как ты взял камни.

– Они лежат в сейфе, – сказал полковник. – Поло-

жены на твое имя, – добавил он.

– Давай просто поспим и не будем больше говорить ни о камнях, ни о грустном.

– К черту грусть, – сказал полковник, лежа с закрытыми глазами и положив голову на черный свитер, который был ему дороже родины.

«Надо же иметь настоящую родину, – подумал он. – Моя – вот она».

– Жаль, что ты не президент, – сказала девушка. – Ты был бы замечательным президентом.

– Президентом? Когда мне было шестнадцать, я записался в национальную гвардию штата Монтана. Но я никогда в жизни не носил галстука бабочкой и никогда не был прогоревшим галантерейщиком. Нет у меня данных, чтобы стать президентом. Я даже оппозиции не мог бы возглавить, ведь мне не приходится подкладывать под зад телефонные справочники, когда меня фотографируют. И я не из тех генералов, которые пороха не нюхали. Какого черта, меня даже к Верховному союзному командованию не прикомандировали! И убеленным сединами сенатором мне тоже не быть. Для этого я недостаточно стар. Теперь ведь нами правят подонки. Муть вроде той, что остается на дне пивной кружки, куда проститутки накидали окурков. А помещение еще не проветрено, и на разбитом рояле бренчит тапер-любитель.

– Я не все поняла, ведь я так плохо понимаю по-американски. Но это звучит ужасно. А ты все равно не сердись. Лучше я буду сердиться.

– Ты знаешь, что такое прогоревший галантерейщик?

– Нет.

– Само по себе это еще не позор. У нас в Америке их видимо-невидимо. По крайней мере по одному на каждый город. Но я-то, дочка, всего лишь старый солдат, самый последний человек на свете. Кандидат в Арлингтон, если тело будет возвращено семье. Выбор кладбища остается за семьей.

– Арлингтон – красивое место?

– Не знаю, – сказал полковник. – Меня там пока не хоронили.

– А где бы ты хотел, чтобы тебя похоронили?

– Высоко в горах, – сказал он, мгновенно приняв решение. – На любой высоте, где мы били противника.

– Тогда тебя надо похоронить на Граппе.

– В каком-нибудь уголке, на любом изрытом снарядами склоне, лишь бы летом надо мной пасли скот.

– А там пасут скот?

– Конечно. Скот пасут летом повсюду, где трава густая. А девушки из горных поселков, крепко сбитые девушки из крепко сбитых домов, которым не страшны снежные вьюги, загнав осенью скот, ставят капка-

ны на лис.

– И тебе не нравится Арлингтон, или Пер-Лашез, или то, что здесь у нас?

– Эта ваша гнусная свалка?

– Да, хуже, чем это кладбище, у нас в городе нет ничего. Но я постараюсь, чтобы ты лежал там, где тебе нравится, а если хочешь, сама лягу рядом.

– Нет. Это делают всегда в одиночку. Ведь не ходят же вдвоем в сортир!

– Не говори грубых слов, пожалуйста.

– Я хотел сказать, что мне было бы хорошо рядом с тобой. Но смерть – дело сугубо личное и довольно противное. – Он остановился, подумал и неожиданно сказал: – Нет. Выходи замуж, роди пятерых сыновей и всех назови Ричардами.

– Львиное Сердце, – без запинки сказала девушка, вступив в игру и положив карты на стол.

– Паршивое сердце, – сказал полковник. – Сердце несправедливого, желчного придиры, который хулит все на свете.

– Пожалуйста, не смей так себя называть, – сказала девушка. – Ты ведь хуже всего говоришь о себе самом. Обними меня покрепче, и давай ни о чем не думать.

Он обнял ее крепко, как только мог, и попытался ни о чем не думать.

Глава тридцатая

Полковник и девушка лежали молча, и полковник старался ни о чем не думать, как это часто с ним бывало в разное время и в разных местах. Но сейчас у него ничего не выходило. Не выходило потому, что времени осталось так мало.

Слава Богу, они не Отелло и Дездемона, хотя дело происходит в том же городе и девушка куда красивее, чем та, у Шекспира, а полковник повоевал ничуть не меньше, а то и больше, чем болтливый мавр.

«Они отличные солдаты, – подумал он, – эти проклятые мавры. Но сколько же мы их истребили на моем веку! Кажется, больше целого поколения, если считать последнюю марокканскую кампанию против Абд-эль Керима. А ведь каждого из них приходилось убивать отдельно. Никто никогда не истреблял их скопом, как мы истребляли фрицев, пока они не получили свое *Einheit*⁵¹».

– Дочка, – спросил он, – ты в самом деле хочешь, чтобы я все тебе рассказал, лишь бы не рассказывал слишком грубо?

– Хочу больше всего на свете. Тогда мы сможем де-

⁵¹ Единство (нем.).

литься хоть воспоминаниями.

– Стоит ли ими делиться, – сказал полковник. – Беру себе все, дочка. Но это будут только самые яркие эпизоды. Тебе не понять всех военных тонкостей кампании, да и мало кто их понимал. Может быть, Роммель. Правда, во Франции он не вылезал из котлов, да к тому же мы уничтожили его коммуникации. Это сделали военно-воздушные силы – наши и английские. Но с ним я бы не прочь кое-что обсудить. С ним и с Эрнстом Удетом.

– Рассказывай все, что хочешь, и выпей бокал валь-поличеллы; но если тебе будет тяжело, замолчи. Или вообще ничего не рассказывай.

– Вначале я был полковником резерва. Их держат, чтобы затыкать дыры: командиры дивизий заменяют ими тех, кого убили или разжаловали, – добросовестно принялся объяснять полковник. – Убивают редко, а разжалуют многих. Хорошие получают повышение. И довольно быстро, когда все кругом горит.

– Говори, говори. А тебе не пора принять лекарство?

– А будь оно проклято, это лекарство! И Верховное командование союзными экспедиционными силами.

– Это ты мне уже объяснял, – сказала девушка.

– Жаль, черт возьми, что ты не солдат: ты так здорово соображаешь, и память у тебя прекрасная.

– Я бы хотела быть солдатом, если бы ты был моим командиром.

– Только не вздумай воевать под моим началом, – сказал полковник. – Я свое дело знаю. Но мне не везет. Наполеон подбирал командиров, которым везло, и он был прав.

– Но нам ведь с тобой везло.

– Да, – сказал полковник. – Как когда.

– Все равно это было везение.

– Ну да, – сказал полковник. – Но на войне теперь одного везения мало. Хотя и без него не обойтись. Те, кто выезжал на одном везении, пали на поле брани, как наполеоновская кавалерия.

– Отчего ты так ненавидишь кавалерию? Почти все мои знакомые молодые люди из хороших семей служили в трех хороших кавалерийских полках или на флоте.

– Никого я не ненавижу, дочка, – сказал полковник и отпил глоток легкого сухого красного вина, душевного, как дом брата, если вы с братом живете душа в душу. – Просто у меня своя точка зрения, я долго размышлял и понял, на что она годится, эта кавалерия.

– И она действительно так уж плоха?

– Никуда не годится, – сказал полковник. Потом, вспомнив о своем намерении быть добрым, добавил: – В наше время.

– Каждый день теряешь какую-нибудь иллюзию.

– Нет. Каждый день – это новая, прекрасная иллюзия. Но все, что в ней есть фальшивого, надо отрезать, как бритвой.

– Пожалуйста, только не отрезай меня.

– Тебя не возьмет никакая бритва.

– Поцелуй меня и обними крепче, и давай смотреть на Большой канал, – он сейчас так красиво освещен, – и рассказывай дальше.

Они посмотрели на Большой канал, который и в самом деле был красиво освещен, и полковник продолжал:

– Я получил полк потому, что командующий сместил одного паренька, которого я знал еще тогда, когда ему было восемнадцать. Понятно, пареньком он уже не был. Полк оказался ему не по плечу, но для меня этот полк был пределом мечтаний, пока я его не потерял. – Он добавил: – Разумеется, по приказу начальства.

– А как люди теряют полк?

– Ты бьешься, чтобы занять выгодные позиции, и вот тебе остается только послать парламентаря, чтобы противник обдумал свое положение и, если ты прав, сдался. Профессиональные военные – люди разумные, а эти фрицы были профессионалы, а не фанатики. Но тут трещит телефон, говорит кто-нибудь

из штаба корпуса и передает приказ из штаба армии или, может, армейской группы, а то и приказ самого Верховного командования; дело в том, что там вычитали в какой-то газетной заметке, присланной, скажем, из Сна, название этого города и отдали приказ взять город штурмом. Город, видите ли, очень важный – не зря ведь попал в газету. И ты должен штурмовать.

Вот и кладешь целый батальон на мосту. Один батальон теряешь целиком, да и от трех других мало что остается. Танки выходят из строя, едва они успели двинуться с места, а двигаются они быстро и вперед, и назад.

Подбит первый танк, за ним второй, третий, четвертый, пятый.

Из пяти человек, сидящих в танке, обычно вылезают трое: они пускаются наутек, как участники кросса, отстаивающие честь Миннесоты в соревновании с городом Белуа, штат Висконсин. Я тебе еще не надоел?

– Нет. Я не поняла, что ты сказал про эти американские города. Но ты сможешь мне потом объяснить, когда захочешь. Пожалуйста, продолжай.

– Ты врываешься в город, и тут какой-то штабной ферт бросает на тебя авиацию. Может быть, налет был назначен заранее, и его просто забыли отменить. Не будем никого судить слишком строго. Я рассказываю в общих чертах. Уточнять ни к чему, да штатский

все равно и не поймет. Даже ты. От этого воздушного налета не бог весть какая польза, дочка. В городе, пожалуй, тебе все равно не удержаться – слишком мало у тебя осталось людей, а теперь еще надо кого-то выкапывать из-под развалин. Или, наоборот, там и бросить – на этот счет существуют две разные теории. А тебе приказывают штурмовать. Приказывают снова.

Приказ категорически подтвердил некий политик в мундире, который за всю свою жизнь ни разу не был ранен и никого никогда не убил, разве что по телефону или на бумаге. Если хочешь, вообрази его нашим будущим президентом. Или кем угодно. Но все-таки вообрази и его, и весь его штат, вообрази себе эту огромную контору, расположенную так далеко в тылу, что с нею было бы проще всего сноситься голубиной почтой.

Только вот при тех мерах предосторожности, которые они соблюдали для защиты своей персоны, зенитки наверняка сбили бы голубей. Если бы смогли в них попасть.

Вот ты и пошел опять на штурм. Теперь я расскажу тебе, на что это похоже.

Полковник вглядывался в игру света на потолке. Там отражалась поверхность канала. Что-то причудливо дрожало и переливалось, как ручей, где ловят форель, двигалось вместе с солнцем, и все лилось

куда-то, но никуда не уходило.

Потом он посмотрел на девушку, на ее прекрасное смуглое лицо взрослого ребенка, всякий раз, как он глядел на это лицо, у него сжималось сердце; ему надо с ней расстаться в тринадцать тридцать пять, и тут уж ничего не поделаешь. Он сказал:

– Давай не будем больше говорить о войне, дочка.

– Нет, – сказала она. – Поговорим еще. Тогда мне хватит этого на всю неделю.

– Неделя – короткий срок. Если речь идет о тюремном заключении.

– Ты не знаешь, какая неделя длинная, когда тебе девятнадцать.

– Мне не раз приходилось чувствовать, каким длинным бывает час, – сказал полковник. – Я бы мог тебе рассказать, как бесконечно тянутся две с половиной минуты.

– Пожалуйста, расскажи.

– Я проводил двухдневный отпуск в Париже после боев у Шнее-Эйфель и по знакомству удостоился чести попасть на совещание, куда были допущены только избранные и где генерал Уолтер Беделл Смит объяснил нам, какой легкой будет операция, получившая позднее название «операции Хертгенского леса». Название, собственно, неточное. Хертгенский лес был только небольшим участком фронта. Вся местность

называлась Штадтсвальд; там немецкое верховное командование и решило дать нам сражение, после того как мы взяли Аахен и проложили себе дорогу в Германию. Я тебе еще не надоел?

– Ты не можешь мне надоест. И о войне ничего не может мне надоест, кроме лжи.

– Странная ты девушка.

– Да, – сказала она. – Это я и сама давно знаю.

– Ты действительно хотела бы пойти на войну?

– Не знаю, смогла бы я или нет. Но я бы попробовала, если бы ты меня научил.

– Ни за что не буду тебя учить. Я только рассказываю тебе забавные истории.

– Предания о смерти королей.

– Нет. У нас их называли Джи-Ай. Господи, как я ненавижу эту кличку и как ее затрепали! Особенно любители комиксов. Те, кого так звали, пришли из самых разных мест. Большинство поневоле. Не все. Но все читали газету «Старс энд страйпс», и непременно нужно было, чтобы там упомянули часть, которой ты командуешь, иначе тебя считали неудачником. Обычно я и был неудачником. Я пытался дружить с корреспондентами, и на том совещании, о котором я говорю, было несколько очень хороших. Не стану называть их фамилий, не то еще пропущу кого-нибудь, а это было бы несправедливо. Всех хороших корре-

спондентов я не запомнил. Но были среди них и такие, которые увивали от военной службы; были жулики, которые вопили, что ранены, когда их задевал рикошетом осколок железа, и носили нашивки за ранение, если попадали в автомобильную аварию; были пролазы, трусы, вруны, мародеры и карьеристы. На совещании не присутствовали только убитые. Среди них тоже были свои убитые. Немалый процент. Но убитые, как я уже сказал, не пришли. Зато там были женщины в потрясающих мундирах.

– Как же ты все-таки женился на одной из них?

– Я ведь объяснял – по ошибке.

– Рассказывай дальше.

– В комнате висело больше карт, чем сам Господь Бог мог бы изучить за рабочий день, даже если бы он был в ударе, – продолжал полковник. – Большие карты, средние карты и гигант-ские карты. Все эти люди прикидывались, будто запросто в них разбираются, как, впрочем, и штабисты с указками в руках, – указка – это нечто вроде бильярдного кия с куцым задом.

– Не говори грубых слов. Я не знаю, что такое куцый зад.

– Обрубленный или укороченный на скорую руку, – объяснил полковник. – Никчемный инструмент или никчемная личность. Это старинное выражение. Его, наверно, можно найти даже в санскрите.

– Ладно, рассказывай.

– А зачем? Разве позор заклеямишь словами?

– Если хочешь, я все запишу. Я умею точно записывать все, что слышу и о чем думаю. Конечно, иногда я делаю ошибки.

– Ну, ты просто счастливица, если умеешь точно записывать все, что слышишь или о чем думаешь. Но не смей ничего записывать из того, что я рассказываю. – Он продолжал: – Комната была набита корреспонденциями, одетыми как бог на душу положит. Одни скалят зубы, другие полны рвения. Чтобы пасти это стадо, тут же толпится, размахивая указками, кучка пистолетных фертиков. Так мы зовем тыловых крыс, выряженных в мундиры, как на маскараде; пистолетный фертик возбуждается всякий раз, когда кобура бьет его по ляжкам. Между прочим, дочка, наш пистолет, в отличие от доброго старого револьвера, дает промах в бою чаще всякого другого оружия. Не бери в подарок пистолета, разве что захочешь стукнуть им кого-нибудь по голове у «Гарри».

– Мне никогда никого не хотелось стукнуть, кроме, пожалуй, Андреа.

– Если вздумаешь когда-нибудь стукнуть Андреа, бей его дулом, а не рукояткой. Рукояткой бить неудобно и легко промазать, а если попадешь, у тебя все руки в крови, когда прячешь пистолет. А вообще бить Ан-

дреа не надо – он мой друг. И не думаю, что ударить его будет так просто.

– Да, я тоже не думаю. Пожалуйста, рассказывай дальше об этом совещании. Мне кажется, я бы теперь могла узнать пистолетного фертика сразу. Но конечно, лучше сначала потренироваться.

– Так вот, пистолетные фертики, гордые собой и своими пистолетами, ожидали появления великого полководца, который должен был объяснить предстоящую операцию. Корреспонденты ворчали, хихикали, а те, кто был поумнее, либо сидели насупившись, либо на все плевали. У каждого был складной стульчик, как летом в университете в Чаутокве. Прости, что я употребляю американские словечки, но без этого у нас, американцев, не обойдешься.

И вот вошел генерал. Это тебе не пистолетный фертик, он крупный делец, знает толк в политике, привык ворочать большими делами. А сейчас армия – самое большое предприятие в мире. Он берет в руки указку с куцым задом и уверенно, не чуя беды, объясняет, как пойдет наступление, зачем мы его затеяли и как все это легко. Проще простого.

– Дальше, – сказала девушка. – Дай я долю тебе вина, и, пожалуйста, посмотри, как играет свет на потолке.

– Долей, а я посмотрю на свет и буду рассказывать

дальше.

Затем этот ловкий делега – я говорю без всякой на­смешки, отдавая должное его талантам, – сообщил, что у нас будет все необходимое. Всего будет вдо­воль. Организация, которую именовали Верховным командованием союзными экспедиционными силами, размещалась тогда в городе Версале, возле Парижа. Нам предстояло наступать к востоку от Аахена, при­мерно в трехстах восьмидесяти километрах от этой резиденции. Как бы армия ни была велика, штабу все же можно подтянуться поближе к фронту. В конце концов они перебрались в Реймс, который находился всего в двухстах сорока километрах от передовой. Но только много месяцев спустя. Я понимаю, что дирек­тору крупной фирмы лучше не общаться со своими рабочими. Я понимаю, что армия большая и это со­здаст свои трудности. Я даже кое-что понимаю в орга­низации передвижения войск, что вовсе не так слож­но. Но во всей мировой истории ни один командую­щий не сидел так далеко в тылу.

– Расскажи, как вы взяли город.

– Хорошо. Но я бы не хотел тебя огорчать.

– Ты меня никогда не огорчаешь. У нас старинный город, и наши люди всегда воевали. Мы уважаем во­енных больше других людей и, по-моему, немножко их понимаем. Мы знаем, что характер у них нелегкий.

Женщинам они надоедают быстро.

– А я тебе надоел?

– А как ты думаешь? – спросила девушка.

– Я даже себе надоел, дочка.

– Вряд ли, Ричард; вряд ли бы ты занимался чем-нибудь всю жизнь, если бы тебе это надоело. Пожалуйста, милый, не лги, ведь у нас осталось так мало времени.

– Хорошо, не буду.

– Видишь, ты должен мне все рассказать, чтобы избавиться от горечи.

– Я тебе все расскажу.

– Понимаешь, я хочу, чтобы ты умер с легким сердцем. Ах, я совсем не то говорю! Не давай мне говорить чепуху!

– Не дам, дочка.

– Пожалуйста, рассказывай дальше и говори все, что у тебя на душе.

Глава тридцать первая

– Слушай, дочка, – сказал полковник. – Хватит говорить о великих мира сего, о больших шишках, которых у нас в одном Канзасе больше, чем на всех ваших кипарисах. В пищу они не годятся – это чисто канзасский продукт. Но мы на фронте их получали большими порциями. Каждый божий день. Они входили в паек. А пайки у нас были разные, одни получше, другие похуже.

Так мы и воевали. Скучная это материя, хоть и поучительная. Вот как бывает на войне – не знаю только, кому это интересно.

Вот как это бывает. В тринадцать ноль-ноль Красные передают, что двинутся вслед за Белыми. В тринадцать ноль пять (запомни, если можешь, дочка, это пять минут второго) Синие запрашивают (надеюсь, ты знаешь, кто такие Синие!): «Сообщите, когда выступаете». Красные сообщают, что двинутся вслед за Белыми.

Видишь, как просто. Каждый может поупражняться в этом перед завтраком.

– Но не могут же все служить в пехоте, – вполголоса сказала девушка. – Пехотинцев я уважаю больше всего на свете, кроме разве что хороших, честных

летчиков. Пожалуйста, рассказывай; а я тебя обниму.

– Хорошие летчики – молодцы, их и надо уважать, – сказал полковник.

Он поднял глаза, посмотрел, как мерцает свет на потолке, и с отчаянием вспомнил о потерянных батальонах и загубленных людях. Никогда больше не будет у него такого полка, никогда! Правда, не он его сколачивал. Он получил его в наследство. Но какое-то время полк доставлял ему огромную радость. Теперь половина его убита, а остальные покалечены. Кто был ранен в живот, кто в голову, в руки или в ноги, в шею, в спину, кому повезло – в ягодицы, кому нет – в грудь. В лесу людей ранило в такие места, куда ни за что не попало бы в открытом поле. И раненые становились инвалидами на всю жизнь.

– Это был хороший полк, – сказал он. – Можно даже сказать, прекрасный полк, пока я не уничтожил его по приказу начальства.

– Но зачем слушаться чужих приказов, если ты знаешь, что они неправильные?

– В нашей армии ты должен слушаться, как собака, – пояснил полковник. – Одна надежда, что тебе попадетсЯ хороший хозяин.

– А какие тебе попадались на самом деле?

– Хорошие мне попадались только два раза. После того как я сам стал командовать, мне часто попада-

лись славные люди, но хорошие хозяева – только два раза.

– И поэтому ты сейчас не генерал? Мне бы так хотелось, чтобы ты был генералом.

– Мне тоже, – сказал полковник. – Хотя, может быть, и не так, как тебе.

– А ты не попробуешь заснуть? Засни, я тебя прошу.

– Хорошо, – сказал полковник.

– Я подумала, что, если ты заснешь, ты хотя бы во сне избавишься от дурных воспоминаний.

– Хорошо, – сказал полковник. – Большое тебе спасибо. Что поделаешь, господа! Повиноваться – удел мужчины.

Глава тридцать вторая

– Ты хорошо поспал, – нежно и ласково сказала ему девушка. – Тебе ничего не нужно?

– Ничего, – сказал полковник. – Спасибо. – Тут он вдруг ощетинился и добавил: – Дочка, я бы мог заснуть, сидя на электрическом стуле с разрезанными штанинами и остриженной головой. Я сплю, когда нужно и сколько нужно.

– Я так не могу, – ответила сонным голосом девушка. – Я сплю, только когда меня клонит ко сну.

– Ты мое чудо, – сказал полковник. – Ты и спишь лучше всех.

– Вот уж нечем хвастать, – сквозь сон сказала девушка. – Мне просто хорошо спится.

– Вот и поспи, пожалуйста.

– Нет. Рассказывай мне тихо-тихо и положи свою больную руку в мою.

– А ну ее к черту, мою руку! – сказал полковник. – И с каких это пор она такая больная?

– Она больная, – сказала девушка. – Больнее, чем ты даже можешь себе представить. Ну, рассказывай, пожалуйста, о войне, но не будь таким кровожадным.

– Что ж, это не трудно, – сказал полковник. – Не будем уточнять время. Погода облачная, а место дей-

ствия – отметка 986 342. Обстановка? Выкуриваем противника огнем артиллерии и минометов. Начальник оперотдела передает приказ начальника штаба – привести Красных в боевую готовность к семнадцати ноль-ноль. Начальник штаба приказывает тебе привести себя в боевую готовность и пустить в ход побольше артиллерии. Белые сообщают, что дела идут недурно. Начальник штаба передает, что рота «А» перебрасывается на усиление роты «Б». Рота «Б» остановлена огнем противника и, не выполнив задания, застряла. Начальник штаба недоволен оборотом дела. Но это совершенно секретно. Он приказывает усилить артподготовку, а в резерве артиллерии не осталось...

И на что тебе сдалась эта война, дочка? Не понимаю. А может, и понимаю. Кому нужна правда о войне? Ну да ладно, вот тебе настоящая война, война по телефону, а потом, если хочешь, я опишу звуки, запахи и распишу, кто, когда и где был убит.

– Я хочу, чтобы ты рассказывал только то, что сам хочешь.

– Я расскажу тебе все, как было, – сказал полковник. – А генерал Уолтер Беделл Смит и по сей день этого не знает. Но может, я и ошибаюсь, как ошибался не раз.

– Хорошо, что нам не нужно встречаться ни с ним,

ни с тем салонным шаркуном, – сказала девушка.

– На этом свете нам они не встретятся, – сказал полковник. – А к воротам ада я приставлю караул, чтобы туда таких типов не впускали.

– Ты говоришь, как Данте, – сказала она спросонок.

– Я и есть мистер Данте, – сказал он. – В данный момент.

Так оно теперь и было, и он описал все круги ада. Он был так же пристрастен, как когда-то Данте, но он их все-таки описал.

Глава тридцать третья

– Я опущу подробности, тебе ведь хочется спать, и в этом нет ничего удивительного, – сказал полковник.

Он снова стал наблюдать за причудливой игрой света на потолке. Потом посмотрел на девушку – она была красивее всех девушек на свете.

Он видел, как красота приходит и уходит, а уж когда уходит, то летит быстрее, чем на крыльях. Красавицы так быстро превращаются в старую рухлядь! Но эта, пожалуй, долго не сойдет с круга. «Темноволосые женщины сохраняются лучше, – подумал он и потом посмотрел, какое у нее тонкое лицо. – У нее хорошая порода, она может держаться вечно. В Америке большинство знаменитых красавиц вышли из-за прилавка, торговали газированной водой и не помнят фамилии деда, разве что он был из немцев и звался Шульц. Или Шлиц.

Ну, это уж нехорошо, – сказал он себе, – не смей говорить такие вещи этой девушке, они ей не понравятся, а она крепко спит, свернувшись калачиком, как кошка».

– Спи спокойно, дорогая, любовь моя, а я, так и быть, расскажу тебе, как было дальше.

Девушка спала, она все еще держала его искале-

ченную руку, которая ему так опротивела, и он чувствовал ее дыхание – так дышат только в молодости, когда заснуть легко.

Полковник рассказывал ей, не произнося ни слова.

«Итак, после того, как я имел честь услышать от генерала Уолтера Беделла Смита, как легко будет наступать, мы перешли в наступление. Тут была и знаменитая Красная дивизия, она свято верила во всю ту шумиху, которую сама вокруг себя подняла. И Девятая – та была лучше, чем наша. Наконец, были мы – когда нам говорили «вперед», мы поднимались и шли.

На чтение комиксов времени у нас не хватало, да, впрочем, и ни на что другое: еще не рассвело, а мы уже на марше. Это не так-то легко, тут уж не до Великого Плана, думаешь о своей дивизии, и только.

Мы носили четырехлистник клевера – это ничего не означало, но нам нравилось. И стоит мне теперь увидеть такую нашивку, как внутри у меня все переворачивается. Люди принимали это за плющ. Но ничего подобного, это был клевер с четырьмя листиками, делавший вид, будто он плющ.

Согласно приказу, мы должны были наступать вместе со знаменитой Красной дивизией – Первой пехотной дивизией американской армии, а эта дивизия и ее офицер по связи с печатью, вечно напевавший модную песенку, не давали нам забыть, с кем мы имеем

дело. Сам он был славный малый, да такая уж у него была должность.

Втирать очки – дерьмовое дело, и оно легко может осточертеть, если только вы не любите запаха или вкуса дерьма. Я никогда не любил ни того, ни другого. Правда, когда я был мальчишкой, я любил ходить босиком по коровьему навозу. Но теперь я не люблю дерьма и слышу его вонь за добрую тысячу ярдов.

Итак, мы двинулись в наступление, растянувшись всеми тремя дивизиями в одну линию, как раз там, где этого хотели немцы. Не будем поминать лихом генерала Уолтера Беделла Смита. Он не злодей. Он только наобещал с три короба и расписал, как пойдет дело. В нашем демократическом обществе злодеев как будто быть не должно. Генерал Уолтер Беделл Смит всего-навсего дьявольски просчитался. Точка, – добавил про себя полковник.

Вплоть до второго эшелона у всех снимали нашивки – фрицы не должны были знать, что наступаем именно мы, хорошо знакомые им три дивизии. А мы наступали, растянувшись в линию, без всяких резервов. Не берусь тебе объяснять, дочка, что это значит. Во всяком случае, ничего хорошего. Месту, где мы должны были дать бой, – а я к нему как следует присмотрелся, – суждено было стать новым Пашендейлем. Только это был лес, и снаряды обладали двой-

ной убойной силой. Может, я перехватил. Но так уж я думаю.

Злосчастная Двадцать восьмая дивизия, наш сосед справа, торчала здесь уже довольно давно, так что мы знали точно, каково воевать в этих лесах. Думаю, что обстановку, мягко говоря, можно было назвать неблагоприятной.

Нам приказали ввести в бой один полк еще до начала наступления. Значит, противник может захватить по крайней мере одного пленного, и снимать дивизионные нашивки теперь уже глупо. Все равно они нас будут ждать. Будут ждать наших ребят с листиками клевера, и те, как ослы, отправятся прямо в ад, где пробудут ровно сто пять дней. Не будем приводить цифры – штатским они все равно ничего не скажут. Да и типам из штаба Верховного командования тоже – никого из них мы, правда, в тех лесах и не видели. По чистой случайности, – а наверху такие происшествия всегда зовут случайностью, – весь полк был уничтожен. Никто ни сном ни духом не был в этом виноват, и меньше всего тот, кто этим полком командовал. Это был человек, с которым я бы охотно делил свои досуги в аду, и, кто его знает, может, мне это еще удастся.

Вот будет смешно, если вместо того, чтобы отправиться в ад, как мы рассчитывали, мы попадем в одно из этих заведений для фрицев, вроде «Валгаллы»,

и не сумеем там ужиться с местными жителями. Но даст Бог, меня посадят за один столик с Роммелем и Уцетом – тогда это будет точь-в-точь как в горном пансионе для лыжников. Нет, скорее всего мы все-таки попадем в ад, но я вот даже в ад не верю.

Так или иначе, полк получил свежее пополнение, как и всякий американский полк. Не буду объяснять, как это происходит, – ты всегда сможешь прочесть книгу, написанную кем-нибудь из пополнения. В конечном счете дело сводится к тому, что ты остаешься на передовой, пока тебя не убьют, не ранят или пока ты не спишишь и не получишь увольнение вчистую. В общем, система не хуже всякой другой, и ей нельзя отказать в логике, учитывая трудности войсковых перевозок. Но при этом остается несколько недобитых субъектов, которые ведут счет потерям и не больно-то хотят оставаться в этом лесу.

Их настроение можно довольно точно передать словами: «А подите вы все к разэтакой матери».

И поскольку я сам вот уже двадцать восемь лет недобитый субъект, я их отлично понимал. Но они были солдаты, деваться им было некуда, и большинство из них полегло в этих лесах, когда мы брали три городка, которые выглядели так безобидно, а на деле оказались настоящими крепостями. Они были просто ловушкой, а мы об этом и не подозревали. Выражаясь

на глупом языке моего ремесла, не исключено, что тут не сработала разведка.

– Мне ужасно жалко тот полк, – произнесла девушка. Она сказала это со сна.

– Да, – ответил полковник. – Мне тоже. Давай-ка выпьем за него. А потом поспи, пожалуйста, еще, дочка. Война кончилась и уже позабыта.

«Только, пожалуйста, не думай, что я такого высокого о себе мнения, дочка, – сказал он, но не произнес этого вслух. Его последняя любовь заснула опять. Спала она совсем не так, как журналистка. Он не любил вспоминать, как та спит, но помнил. И хотел позабыть. – Та спала не очень-то красиво, – думал он. – Не то что эта девушка, которая будто и не спит, а только веки опустила, хоть и спит. Спи спокойно», – подумал он.

«А кто ты, черт возьми, такой, чтобы ругать ремесло журналисток? Ведь и сам ты выбрал неважное ремесло, да и в нем не очень-то преуспел.

Я хотел дослужиться до генеральской должности в американской армии и своего достиг. Но карьеры так и не сделал и теперь ругаю всех, кто добился успеха».

Его покаянное настроение длилось недолго, и он про себя добавил: «Помолчим о подхалимах, взяточниках и пролазах, которые хоть и командовали, но никогда не дрались».

Правда, под Геттисбергом было убито несколько воспитанников военной академии. Но то было знаменитое побоище, и обе стороны дрались не за страх, а за совесть.

Не злись. В тот день, когда налетел экспресс «Валгалла», по ошибке убили генерала Макнейра. Так что же ты злишься? Значит, убивают и выпускников военной академии, ведь статистика это подтверждает.

А как же я могу вспоминать, если не буду злиться?

Ладно, злись, если иначе не можешь. И расскажи обо всем этой девушке, но только молча, чтобы ее не огорчать, – посмотри, как хорошо она спит».

Глава тридцать четвертая

«Спи спокойно, любовь моя, а когда проснешься, все уже будет досказано, я шуткой отвлеку тебя от расспросов о моем *triste metier*⁵², и мы отправимся покупать маленького негра или мавра из черного дерева с точеным лицом и тюрбаном, усыпанным алмазами. Ты его приколешь к платью, мы пойдем выпить к «Гарри» и повидаемся с друзьями, которые окажутся там в этот час.

Мы пообедаем у «Гарри» или вернемся обедать сюда; в это время мои вещи будут уже уложены. Мы с тобой попрощаемся, и я спущусь с Джексоном в *motoscafo*⁵³, переброшусь веселой шуткой с *Gran Maestro*, помашу рукой всем прочим кавалерам Ордена, и, судя по тому, как я себя чувствую, ставлю один против десяти или два против тридцати, что больше мы с тобой никогда не увидимся.

К дьяволу! – сказал он, ни к кому не обращаясь и, уж во всяком случае, не произнося этого вслух, – сколько раз я чувствовал себя так перед боем, и почти каждую осень, и всегда, когда покидал Париж. Самочувствие,

⁵² Скверное ремесло (*фр.*).

⁵³ Моторная лодка (*ит.*).

верно, ничего еще не значит.

Да и кому до этого дело, кроме меня самого, Gran Maestro и этой девушки? Уж во всяком случае, не начальству!

Мне и самому на это в высшей степени наплевать. Хотя пора бы мне научиться или привыкнуть не плевать на то, что и плевка не стоит. Это так же ясно, как то, что шлюха – всего только шлюха, то есть женщина, которая... и т. д.

Но давай не будем об этом думать, мой лейтенант, капитан, майор, полковник или господин генерал. Брось, и будь ты проклята, уродливая старуха, которую когда-то так здорово написал Иероним Босх. Вложи свою косу в ножны, старушка, если у тебя есть для нее ножны. Или, – подумал он, вспомнив о Хертгенском лесе, – возьми косу и подавись!

Да, это был Пашендейл, настоящий Пашендейл с взлетающими в воздух стволами деревьев», – рассказывал он одним только отсветам на потолке. Он посмотрел, крепко ли спит девушка, боясь огорчить ее даже своими мыслями.

Потом он взглянул на портрет и подумал: «Вот она передо мной сразу в двух положениях: одна лежит, чуть-чуть повернувшись на бок, а другая глядит мне прямо в лицо. Ну и повезло же тебе, старый хрыч, чего же ты ноешь!»

Глава тридцать пятая

«В первый же день мы потеряли там трех батальонных командиров. Одного убили через двадцать минут, двух других – чуть позже. Для какого-нибудь журналиста это холодные цифры потерь. Но хорошие командиры батальонов не растут на елке, даже на рождественских елках, которых не счесть в тех лесах. Не знаю, сколько раз мы теряли командиров роты. Но я мог бы установить и это.

Их тоже не пекут и не выращивают, как картошку. Мы получали кое-какое пополнение, но, помнится, я думал: проще и целесообразнее пристреливать их сразу, на месте, где они высаживаются, приезжая из тыла, чем потом тащить оттуда, где их все равно убьют, и хоронить по всем правилам. Чтобы везти их трупы, нужны люди и горючее; чтобы рыть могилы, опять же нужны люди. А эти люди тоже должны воевать и подставлять грудь под пули.

Все время сыпал снег или какая-то крупа, похожая на снег, был дождь, туман; дороги были заминированы, кое-где лежало чуть не по четырнадцать мин в ряд, машины вязли в грязи, буксовали, мы постоянно теряли машины и, конечно, людей, которые в них ехали.

Противник вел адский минометный огонь и простреливал все просеки из пулеметов и автоматов; он продумал все до тонкостей, и, как ни хитри, ты все равно попадад в ловушку. К тому же он пустил в ход тяжелую артиллерию.

Человеку очень трудно было там выжить, даже если он сидел смирно. А мы еще ходили в атаку – все время, изо дня в день.

Не будем больше об этом думать. Ну его к черту. Вот вспомню еще только два случая, чтобы от них отвязаться. Один произошел на голом пригорке, по дороге в Гроссгау.

Как раз перед тем, как выбраться на открытое место, – а оно просматривалось противником и простреливалось полевыми пушками, – вы попадали в мертвое пространство, где вас могли достать только гаубичным заградительным огнем или из минометов справа. Когда мы выбили противника, оказалось, что его минометчики хорошо просматривали и этот участок.

И все-таки это было довольно безопасное место; ей-богу, не вру, да тут и не соврешь. Попробуй-ка, обмани тех, кто побывал в Хертгенском лесу; соври – и тебя уличат, не успеешь и рта открыть, будь ты хоть трижды полковник.

Вот тут мы и встретили грузовик. Лицо у водителя

было такое же серое, как у всех, и он сказал:

– Господин полковник, там впереди, посреди дороги, лежит убитый солдатик; всякий раз, когда идет машина, приходится по нему ехать, и это, наверно, производит на людей скверное впечатление.

– Мы его уберем.

И мы его убрали с дороги.

Не могу забыть, какой он был на ощупь, когда мы его поднимали, как его сплющило и как странно видеть сплющенного человека.

И еще. Мы сбросили целую кучу белого фосфора на город, прежде чем его, так сказать, захватили. Я первый раз в жизни видел, как немецкая собака жрет поджаренного фрица. Потом я видел, что за него принялась еще и кошка. Голодная кошка, хотя, в общем, и симпатичная с виду. Но ты бы могла себе представить, дочка, чтобы добрая немецкая кошка закусывала добрым немецким солдатом? Или что добрая немецкая собака может слопать окорок доброго немецкого солдата, поджаренный на белом фосфоре?

Сколько можно рассказать таких историй? Уйму, но что проку? Расскажи их хоть тысячу – войне все равно не помешаешь. Люди возразят: мы же теперь не воюем с фрицами, да и кошка ела не меня и не моего брата Гордона, тот был на Тихом океане. Может, Гор-

дона съели крабы. А может, он просто растворился в океане.

В Хертгене убитые превращались в сосульки, а холод стоял такой, что даже мертвые были румяными от мороза. Очень это было странно. Летом все мертвецы были серые и желтые, как восковые куклы. А зимой мертвецы были румяные.

Настоящий солдат не станет рассказывать, как выглядят свои мертвецы, – сказал он, обращаясь к портрету. – Впрочем, с этой темой я покончил. А вот как насчет роты, которая полегла на мосту? Что ты скажешь о ней, старый вояка?

Они мертвы, – сказал он. – Лопни мои глаза.

Так с кем же мне чокнуться бокалом вальполичеллы? Скажи, портрет, когда мне разбудить твой оригинал? Нам еще надо зайти к ювелиру. И я буду шутить и занимать тебя веселым разговором.

А что на свете есть веселого, а, портрет? Тебе ведь и карты в руки. Ты умнее меня, хотя я и больше твоего пошатался по свету.

Ладно, нарисованная девушка, – сказал полковник, не произнося вслух ни слова, – на этом мы кончим рассказ, а ровно через одиннадцать минут я разбужу живую девушку, мы выйдем с ней в город, будем веселиться, а тебя оставим здесь, и тебя здесь запакуют.

Я не хотел тебя обидеть. Это просто неуклюжая

шутка. Я вообще не хочу тебя обижать, ведь отныне мы будем жить с тобой вместе. Надеюсь, что будем жить», – добавил он и выпил бокал вина.

Глава тридцать шестая

День был ветреный, холодный и ясный; они стояли у витрины ювелира и рассматривали фигурки негритят из черного дерева, украшенные драгоценными камнями. «Какой из них лучше?» – думал полковник.

– Какой тебе больше нравится, дочка?

– Пожалуй, тот, что справа. У него лицо симпатичнее, верно?

– Они оба симпатичные. Но живи мы с тобой в прежние времена, я бы все же предпочел, чтобы тебе прислуживал тот.

– Хорошо. Тогда купим его. Давай войдем в магазин и посмотрим на них поближе. А я спрошу, сколько они стоят.

– Я один схожу.

– Нет, цену лучше спрошу я. С меня возьмут меньше. Ты же все-таки богатый американец.

– Et toi⁵⁴, Рембо?

– Верлен из тебя вышел бы очень смешной, – сказала девушка. – Давай будем какими-нибудь другими знаменитостями, ладно?

– Входите, ваше величество, и поскорее купим эту

⁵⁴ И ты (фр.).

проклятую побрякушку.

– Настоящий Людовик Шестнадцатый из тебя тоже не получится.

– Но зато я поеду вместе с тобой на казнь и плюну с эшафота.

– Давай забудем о казнях и обо всех горестях, купим игрушку, а потом пойдем к Чиприани и будем играть в каких-нибудь знаменитостей.

Они вошли в магазин и попросили показать им негрятят. Девушка узнала, сколько они стоят, завязался оживленный разговор, после чего цену порядком снизили. Все же денег потребовалось больше, чем было у полковника.

– Я схожу к Чиприани и возьму у него займы.

– Не надо, – сказала девушка. Она попросила продавца: – Положите это в футляр и отправьте к Чиприани. Скажите, что полковник просит заплатить и спрягать до его прихода.

– Пожалуйста, – сказал продавец. – Все будет сделано.

Они снова вышли на улицу, на солнце, под беспощадные удары ветра.

– Имей в виду, твои камни я оставил в сейфе «Гритти» на твое имя, – сказал полковник.

– Не мои, а твои.

– Нет, – сказал он ей мягко, но так, чтобы она хоро-

шенько поняла. – Есть вещи, которых делать нельзя. Ты это знаешь. Ты вот не выходишь за меня замуж, и я это понимаю, хотя и не могу с этим согласиться.

– Ну что ж, – сказала девушка. – Понятно. Но возьми хоть один камень на счастье.

– Нет. Не могу. Он слишком дорого стоит.

– И портрет стоит денег!

– Это другое дело.

– Да, – признала она. – Верно. Кажется, я начинаю понимать.

– Я бы взял у тебя в подарок лошадь, если бы я был беден, молод и хорошо ездил верхом. Но не мог бы принять автомобиль.

– Да, теперь я наконец поняла. Куда бы нам пойти сейчас, сию минуту, чтобы ты мог меня поцеловать?

– В этот переулок, если ты тут никого не знаешь.

– А мне все равно, кто здесь живет. Я хочу, чтобы ты меня покрепче обнял и поцеловал.

Они свернули в переулок и дошли до тупика, которым он кончался.

– Ох, Ричард, – сказала она. – Дорогой...

– Я тебя люблю.

– Пожалуйста, люби меня.

– Я тебя люблю.

Ветер поднимал ее волосы и закидывал ему за шею, и он поцеловал ее снова, чувствуя, как ветер

треплет по его щекам шелковистые пряди.

Потом она вдруг резко вырвалась, посмотрела на него и сказала:

– Пойдем-ка лучше к «Гарри».

– Пошли. Давай играть в великих людей?

– Да, – сказала она. – Давай играть, будто ты – это ты, а я – это я.

– Давай, – сказал полковник.

Глава тридцать седьмая

У «Гарри» никого не было, кроме редких утренних посетителей, которых полковник не знал, и двоих людей, занимавшихся своим делом за стойкой.

В баре бывали часы, когда он наполнялся знакомыми с такой же неумолимой быстротой, с какой растёт прилив у Мон-Сен-Мишеля. «Вся разница в том, – думал полковник, – что часы прилива меняются каждый день, а часы наплыва у «Гарри» неизменны, как Гринвичский меридиан, метр-эталон в Париже или само-мнение французского командования».

– Ты знаешь кого-нибудь из этих любителей выпить с утра? – спросил он девушку.

– Нет. Сама с утра не пью и никогда их не встречала.

– Их отсюда смоеет, когда начнется наплыв.

– Нет. Как только народу прибавится, они уйдут сами.

– Тебе не обидно, что мы пришли сюда не вовремя?

– Ты думаешь, что я сноб, если наш род такой старый? Как раз мы-то снобами и не бываем. Снобы – это те, кого ты зовешь хлюстами, и богатые выскочки. Ты когда-нибудь видел столько новых богачей?

– Да, – сказал полковник. – В Канзас-Сити, в загородном клубе. Я туда ездил из Форт-Райли играть в

поло.

– И это было так же противно?

– Наоборот, очень мило. Мне там нравилось, а эта часть Канзас-Сити очень красивая.

– Правда? Мне хочется туда с тобой поехать. А у них там тоже есть туристские лагеря? Такие, где мы сможем с тобой остановиться?

– Конечно. Но мы остановимся в гостинице «Мюльбах», – там самые огромные в мире кровати, – и сделаем вид, будто мы нефтяные магнаты.

– А где мы поставим наш «кадиллак»?

– Ага, теперь это «кадиллак»!

– Да. Если не хочешь брать большой «бьюик» с гидравлическим управлением. Я объехала на нем всю Европу. Он снят в том номере «Вог», который ты мне послал.

– Придется, пожалуй, выбрать что-нибудь одно, – сказал полковник. – В общем, ту машину, на которой мы решим поехать, поставим в гараж возле «Мюльбаха».

– А «Мюльбах» очень роскошный отель?

– Необычайно. Тебе понравится. Когда выедем из города, двинем на север до Сент-Джо, чего-нибудь выпьем в баре Рубиду, может, закажем и по второй, переедем через реку и свернем на запад. Сначала будешь вести ты, а потом мы сможем меняться.

– То есть как, меняться?

– Будем вести по очереди.

– Сейчас веду я.

– Давай поскорее проедем через эти скучные места и доберемся до Чимни-Рока и дальше до Скотсблаффа и Торрингтона. Вот когда ты увидишь настоящую природу!

– У меня есть все дорожные карты и книжка с советами, где надо обедать, и путеводитель по туристским лагерям и гостиницам.

– И ты все это изучаешь?

– Да, я это изучаю по вечерам, вместе с книжками, которые ты мне послал. А где мы получим права?

– В Миссури. Машину мы купим в Канзас-Сити. А туда мы летим, разве ты забыла? Можно, конечно, сесть и на хороший поезд.

– Я думала, мы полетим до Альбукерке.

– Это в другой раз.

– Мы будем останавливаться, как только стемнеет, в самых лучших гостиницах, по путеводителю. Я приготовлю тебе твой любимый напиток, ты в это время будешь читать газеты и «Лайф», «Тайм» или «Ньюсуик», а я – свеженький «Вог» и «Харперс базар».

– Да. Но мы непременно вернемся в Венецию.

– Конечно. И машину привезем. Мы поедем на итальянском пароходе, выберем самый лучший. А из Ге-

нуи на машине прямо сюда.

– Ты не хочешь где-нибудь переночевать по дороге?

– Зачем? Нам надо поскорей попасть домой.

– А где будет наш дом?

– Ну, это мы еще решим. В Венеции всегда сколько угодно домов. А тебе не хочется жить иногда за городом?

– Хочется, – сказал полковник. – Конечно, хочется.

– Тогда, проснувшись, мы будем видеть деревья. А какие деревья мы увидим во время путешествия?

– Главным образом сосну и тополь вдоль ручьев и еще осину. Подожди, ты увидишь, как осенью желтеет осина.

– Ладно, подожду. А где мы остановимся в Вайоминге?

– Сначала заедем в Шеридан, а там будет видно.

– Шеридан – красивое место?

– Замечательное. Мы поедем на машине туда, где шел бой с индейцами, – я тебе о нем расскажу. Потом мы отправимся дальше, в сторону Биллинса, где погиб этот дурень Джордж Армстронг Кэстер, ты увидишь мемориальные доски на том месте, где их всех перебили, а я объясню тебе, как шло сражение.

– Ах, как здорово! А на что Шеридан больше похож: на Мантую, на Верону или на Веченцу?

– Ни на один из этих городов. Он стоит высоко в горах, почти как Скио.

– Значит, он похож на Кортину?

– Ничуть. Кортина – это высокое плато, окруженное горами. Шеридан прилепился прямо к склону. Возле Биг-Хорна нет холмов. Горы поднимаются прямо из долины. Оттуда виден Облачный пик.

– А наши машины туда взберутся?

– Еще как взберутся. Но только я бы предпочел машину без гидравлического управления.

– Да и я могу без нее обойтись, – сказала девушка. Потом она выпрямилась, чтобы не заплакать. – Как и без всего остального.

– Что ты будешь пить? – спросил полковник. – Мы еще ничего не заказали.

– Я, пожалуй, ничего не буду пить.

– Два очень сухих мартини и стакан холодной воды, – сказал полковник бармену.

Он сунул руку в карман, отвинтил крышку у бутылочки с лекарством и вытряхнул две большие таблетки на ладонь левой руки. Держа их, он снова завинтил крышку. Это было не так уж трудно для человека, который нередко обходился без помощи правой руки.

– Я ведь сказала, что ничего не буду пить.

– Ладно, дочка. По-моему, тебе не мешает выпить. Пусть пока постоит. А не то я сам выпью. Пожалуйста,

не сердись. Я нечаянно заговорил так резко.

– Мы еще не взяли нашего маленького негритенка, который будет за мной ухаживать.

– Да. Я не хотел его брать, пока не придет Чиприани и я не расплачусь.

– Какие у тебя на все строгие правила!

– Да, строгие, – сказал полковник. – Ты уж меня, дочка, прости.

– Скажи три раза «дочка».

– *Nija, figlia*⁵⁵, дочка.

– Не знаю что и делать, – сказала она. – Давай лучше отсюда уйдем. Я люблю, когда на нас с тобой смотрят, но сегодня мне никого не хочется видеть.

– Футляр с негритенком лежит на кассе, сверху.

– Знаю. Я давно его заметила.

К ним подошел бармен и принес напитки, холодные как лед, судя по запотевшему стеклу бокалов; он подал и стакан воды.

– Принесите тот пакетик, который прислали на мое имя, он лежит сверху на кассе, – сказал полковник. – Скажите Чиприани, что я пришлю ему чек.

Он изменил свое решение.

– Хочешь выпить, дочка?

– Да. Если ты не рассердишься, что я тоже передумала.

⁵⁵ Дочка (*исп., ит.*).

Они чокнулись и выпили. Чокнулись они так легко, что бокалы едва коснулись друг друга.

– Ты был прав, – сказала она, чувствуя, как внутри разливается тепло и мгновенно пропадает грусть.

– Ты тоже была права, – сказал он, сжимая в ладони две таблетки.

Он решил, что принять их сейчас с водой неприлично. Поэтому, когда девушка отвернулась, провожая взглядом одного из утренних посетителей, он запил их мартини.

– Ну как, пойдём, дочка?

– Да. Конечно.

– Бармен! – позвал полковник. – Сколько с меня? Не забудьте сказать Чиприани, что за эту ерунду я пришлю ему чек.

Глава тридцать восьмая

Они пообедали в «Гритти», и, развернув негритенка из черного дерева, девушка приколола его у левого плеча. Фигурка была длиной около трех дюймов и довольно красива, если любишь такие вещи. «А не любят их только дураки», – думал полковник.

«Не смей говорить грубости даже про себя, – сказал он мысленно. – Постарайся получше себя вести, пока вы с ней не распрощались. Что это за слово «прощай», – думал он. – Так и просится в альбомные стишки.

Прощай и *bonne chance*⁵⁶, и *hasta la vista*⁵⁷, а мы говорили просто *merde*⁵⁸. И все тут! Счастливый путь – вот это хорошие слова! Прямо из песни, – думал он. – Счастливый путь, счастливый путь, вот и ступай в дорогу, унося с собой эти слова. И точка», – думал он.

– Дочка, – сказал он, – давно я не говорил, что тебя люблю?

– С тех пор, как мы сели за столик.

– Ну вот, а теперь говорю.

⁵⁶ Всего хорошего (*фр.*).

⁵⁷ До свидания (*исп.*).

⁵⁸ Дерьмо (*фр.*).

Когда они пришли в гостиницу, она сходила в дамскую комнату и терпеливо расчесала волосы. Вообще она не любила дамских комнат.

Она подкрасила губы, чтобы сделать рот таким, какой любит он, и сказала себе, старательно размазывая помаду: «Только ни о чем не думай. Только не думай. И не смей быть грустной, ведь он уезжает».

– Какая ты красивая.

– Спасибо. Мне хочется для тебя быть красивой, если у меня это выйдет и если я вообще могу быть красивой.

– Какой звучный язык итальянский.

– Да. Мистер Данте тоже так думал.

– Gran Maestro, – позвал полковник. – Чем нас покрмят в вашем Wirtschaft⁵⁹?

Gran Maestro искоса наблюдал за ними – ласково и без всякой зависти.

– Вы хотите мясо или рыбу?

– Сегодня не пятница, – сказал полковник. – Рыбу есть не обязательно. Поэтому я буду есть рыбу.

– Значит, камбала, – сказал Gran Maestro. – А вы, сударыня?

– Все, что вы мне дадите. Вы больше меня понимаете в еде, а я люблю все.

– Решай сама, дочка.

⁵⁹ Трактир (нем.).

– Нет. Пусть решает тот, кто больше меня понимает. Я после пансиона все никак досыта не наемся.

– Я вам приготовлю сюрприз, – сказал Gran Maestro.

У него было длинное доброе лицо, седые брови над чуть дряблыми веками и всегда веселая улыбка старого солдата, который радуется тому, что еще жив.

– Что новенького у нас в Ордене? – спросил полковник.

– Я слышал, что у нашего патрона неприятности. Конфисковали все имущество. Или по крайней мере наложили арест.

– Надеюсь, ему не грозит ничего серьезного?

– За патрона можно не беспокоиться. Он пережил бури пострашнее.

– За здоровье нашего патрона! – сказал полковник. Он поднял бокал, наполненный только что откупоренной настоящей вальполичеллой. – Выпей за него, дочка.

– Не буду я пить за такую свинью, – сказала девушка. – И к тому же я не принадлежу к вашему Ордену.

– Нет, вы уже в него приняты, – сказал Gran Maestro. – *Por merito di Guerra*⁶⁰.

– Тогда, видно, придется за него выпить, – сказала она. – Но я в самом деле принята в Орден?

⁶⁰ За военные заслуги (*um.*).

– Да, – ответил Gran Maestro. – Правда, диплома вы еще не получили, но я назначаю вас Верховным Секретарем. Полковник откроет вам тайны Ордена. Откройте ей все, прошу вас, полковник.

– Сию минуту, – сказал полковник. – А рябых поблизости нет?

– Нет. Он ушел со своей возлюбленной. С мисс Бедкер.

– Тогда другое дело, – сказал полковник. – Сейчас открою. Есть только одна великая тайна, которую тебе надо постичь. Поправьте меня, Gran Maestro, если я допущу ошибку.

– Приступайте, – сказал Gran Maestro.

– Приступаю, – сказал полковник. – Слушай внимательно, дочка. Это Высочайшая тайна. Слушай! «Любовь есть любовь, а радость есть радость. Но все замирает, когда золотая рыбка умирает».

– Ты приобщилась к тайне, – возгласил Gran Maestro.

– Я счастлива и очень горжусь, что вступила в Орден, – сказала девушка. – Но, честно говоря, какой-то он грубый, ваш Орден.

– Что верно, то верно, – сказал полковник. – А теперь, Gran Maestro, долой таинственность и скажите, что мы будем есть?

– На первое: жульен из крабов по-венециански, но

холодный. В кокотнице. Потом камбала для вас, а для вас, сударыня, поджарка. Какие прикажете овощи?

– Все, какие есть, – сказал полковник.

Gran Maestro ушел, и полковник сначала посмотрел на девушку, а потом на Большой канал за окном, на волшебные переливы света, которые были видны даже отсюда, из самого дальнего конца бара, ловко переоборудованного в ресторан, и сказал:

– Дочка, я тебе говорил, что я тебя люблю?

– Ты мне давно этого не говорил. Но я тебя люблю.

– А что бывает с людьми, которые любят друг друга?

– У них, наверно, что-то есть – что бы оно ни было, – и они счастливее других людей. А потом одному из них навек суждена пустота.

– Не хочу быть грубым, – сказал полковник. – А то я мог бы тебе ответить. Но пожалуйста, чтобы не было у тебя никакой пустоты!

– Постараюсь, – сказала девушка. – Я сегодня стараюсь с самого утра, с тех пор как проснулась. Я стараюсь с тех пор, как мы узнали друг друга.

– Вот и старайся, дочка.

Потом полковник сказал Gran Maestro, который отдал свои распоряжения и вернулся:

– Бутылку этого *vino secco*⁶¹ со склонов Везувия к

⁶¹ Сухое вино (*um.*).

камбале. Ко всему остальному у нас есть вальполичелла.

– А мне нельзя запивать поджарку вином с Везувия? – спросила девушка.

– Рената, дочка, конечно, можно. Тебе все можно.

– Если уж пить вино, я хочу пить такое, как ты.

– Хорошее белое вино в твоём возрасте идет и к поджарке, – сказал полковник.

– Жалко, что у нас такая разница в возрасте.

– А мне это как раз нравится, – возразил полковник. – Не считая того... – прибавил он и вдруг осекся, а потом сказал: – Давай будем *fraiche et rose comme au jour de bataille*⁶².

– Кто это сказал?

– Понятия не имею. Я это слышал, когда учился в *College des Marechaux*⁶³. Довольно претенциозное название, правда? Коллеж я все-таки кончил. Но лучше всего я знаю то, чему выучился у фрицев, воюя с ними. Самые лучшие солдаты – это они. Вот только силы свои рассчитать никогда не умеют.

– Давай будем такими, как ты сказал, и, пожалуйста, повтори, что ты меня любишь.

– Я тебя люблю, – сказал он. – Можешь не сомневаться. Уж ты мне поверь.

⁶² Свежие и румяные, как в день битвы (*фр.*).

⁶³ Маршальский коллеж (*фр.*).

– Сегодня суббота, – сказала она. – А когда будет следующая суббота?

– Следующая суббота – праздник ненадежный, дочка. Покажи мне человека, который что-нибудь может сказать про следующую субботу.

– Ты бы сам сказал, если бы захотел.

– Спрошу Gran Maestro, может, он знает. Gran Maestro, когда будет следующая суббота?

– A Paques ou a la Trinite⁶⁴, – сказал Gran Maestro.

– Но почему из кухни не доносится никаких ароматов для поднятия нашего духа?

– Потому, что ветер дует не в ту сторону.

«Да, – думал полковник. – Ветер дует не в ту сторону, а как бы я мог быть счастлив, если бы у меня была эта девушка, а не та женщина, которой я плачу алименты, хотя она не смогла даже родить мне ребенка! А ведь грозилась, что родит. Но разве поймешь, кто тут виноват?

Ладно, держись, – сказал он себе. – И люби свою девушку.

Она тут, рядом, и хочет, чтобы ее любили, если у тебя осталась хоть капля любви, которую ты можешь ей дать». На него нахлынула горячая волна, как бывало всегда, когда он видел Ренату, и полковник спросил:

⁶⁴ На Пасху или на Троицу (*фр.*) – поговорка, соответствующая русской: «После дождичка в четверг».

– Ну, как ты, как твои волосы словно вороново крыло и лицо, от которого сжимается сердце?

– Хорошо.

– Gran Maestro, – сказал полковник, – сделайте так, чтобы до нас дошли запахи из вашей закулисной кухни, хотя ветер и дует не в нашу сторону.

Глава тридцать девятая

Портье распорядился, швейцар позвонил по телефону, и им подали ту же лодку, в которой они ехали сюда.

Джексон сел в лодку рядом с чемоданами и портретом, который заботливо упаковали. Ветер дул все так же яростно.

Полковник расплатился по счету и роздал положенные чаевые. Служащие гостиницы уложили чемоданы и портрет в лодку и устроили в ней Джексона удобнее. Потом они ушли.

– Ну вот, дочка, – сказал полковник.

– А мне нельзя доехать с тобой до гаража?

– В гараже будет ничуть не лучше.

– Пожалуйста, разреши мне доехать до гаража.

– Ладно, – сказал полковник. – Дело твое. Садись.

Они не разговаривали: ветер дул в корму, поэтому при той скорости, которую можно было выжать из жалких останков мотора, казалось, будто ветра нет вовсе.

На пристани Джексон отдал чемоданы носильщику, а портрет понес сам. Полковник спросил:

– Хочешь, простимся здесь?

– А разве иначе нельзя?

– Можно.

– Давай я провожу тебя до бара и подожду, пока подадут машину.

– Так будет еще хуже.

– Пусть.

– Отправьте вещи в гараж и попросите присмотреть за ними, пока не выведете машину, – сказал полковник Джексону. – Проверьте, в порядке ли ружья, и уложите вещи так, чтобы на заднем сиденье было как можно свободнее.

– Слушаюсь, господин полковник, – сказал Джексон.

– Значит, я еду? – спросила девушка.

– Нет, – сказал ей полковник.

– Почему мне нельзя с вами поехать?

– Сама знаешь. Тебя никто не приглашал.

– Отчего ты такой злой?

– Господи, дочка, если бы ты знала, как я стараюсь быть добрым! Но человеку легче на душе, когда он злой. Давай-ка расплатимся с нашим приятелем лодочником и посидим вон там на скамейке под деревьями.

Он заплатил хозяину лодки и сказал, что не забудет насчет мотора с «виллиса». Он, правда, посоветовал особенно на это не рассчитывать, хоть дело вполне могло и выгореть.

– Мотор будет подержанный. Но все равно лучше

того кофейника, который стоит у вас сейчас.

Они поднялись по истертым каменным ступеням, прошли по дорожке, усыпанной гравием, и сели на скамейку под деревьями.

Черные деревья раскачивались от ветра, и ветви на них были голые. Листья в этом году опали рано, их давно вымели.

К ним подошел человек и предложил купить почтовые открытки. Но полковник ему сказал:

– Ступай отсюда, сынок. Тебе тут делать нечего.

Девушка наконец расплакалась, несмотря на решение никогда не плакать.

– Слушай, дочка, – сказал полковник. – Ну что я могу тебе сказать? На машине, на которой мы с тобой едем, к сожалению, нет амортизаторов.

– Я больше не плачу, – сказала она. – Я не истеричка.

– Нет, этого я про тебя сказать не могу. Я могу сказать, что ты самая красивая и самая милая девушка на свете. Во все времена. На всей земле. Во всем мире.

– Но какой в этом толк, даже если бы это была правда?

– Вот это верно, – сказал полковник. – Но это правда.

– Ну и что же теперь будет?

– Теперь мы с тобой поцелуемся и скажем друг другу «прощай».

– А что такое «прощай»?

– Не знаю, – сказал полковник. – Но думаю, что это одно из тех слов, которые каждый толкует по-своему.

– Попробую и я.

– Ты не очень расстраивайся, дочка, слышишь?

– Хорошо, – сказала девушка. – Хотя в нашей машине и нет амортизаторов.

– Тележка, в которой возили на эшафот, – самая подходящая для тебя машина. С того дня, как ты меня узнала.

– Неужели ты не можешь быть добрее хоть сейчас?

– Видно, нет. Но я все время старался.

– Постарайся еще. Это все, что нам остается.

– Конечно, постараюсь.

И они тесно прижались друг к другу и поцеловались, а потом полковник повел девушку по дорожке, усыпанной гравием, и вниз по каменным ступеням.

– Возьми лодку получше. Зачем тебе эта рухлядь с испорченным мотором?

– Я поеду на этой рухляди, если ты не рассердишься.

– Рассержусь? – спросил полковник. – Нет, я не сержусь. Я только отдаю приказы и выполняю приказы. Но не сержусь. Прощай, дорогая, прощай, чудо мое.

– Прощай, – сказала она.

Глава сороковая

Он сидел в дубовой бочке, врытой в дно лагуны, – в Венето из таких бочек стреляют охотники. Это укрытие, где стрелок прячется от тех, кого хочет застрелить, в данном случае – от уток.

Ехали они сюда весело: сначала встретились в гараже, а потом приятно провели вечер и вкусно поели, – ужин готовили на открытом очаге в старинной кухне. На заднем сиденье уместилось еще три охотника. Даже те, кто не любил врать, не могли удержаться от преувеличений, а уж вруны превзошли самих себя.

«Самозабвенный враль, – думал полковник, – прекрасен, как цветущая яблоня или вишня. Зачем их обескураживать, – думал он, – разве что они переврут координаты».

Полковник всю жизнь коллекционировал врунов, как другие коллекционируют почтовые марки. Правда, он их не раскладывал по сериям и особенно не берег. Он просто радовался, слушая, как они врут, если только, конечно, это не мешало делу. Вчера вечером, после того как все угостились граппой, вранья было хоть отбавляй, но оно было безвредное, и полковник слушал с удовольствием.

«В комнате было дымно от древесного угля, нет, в очаге, кажется, жгли поленья, – подумал он. – Во всяком случае, враль врет лучше всего, когда в комнате пахнет дымком или после захода солнца».

Он сам два раза чуть было не соврал, но сдержался и только слегка преувеличил. «Будем верить, что только преувеличил», – подумал он.

А вот теперь кругом расстилается замерзшая лагуна, и охота, кажется, пойдет прахом. Но он зря отчаивается.

Вдруг, неизвестно откуда, появились две шилохвосты, одна ринулась наискось вниз так быстро, как не сумел бы спикировать ни один самолет, и полковник, услышав шум крыльев, вскинул ружье и убил селезня. Тот ударился о лед с такой силой, с какой может удариться только птица, но прежде чем он упал, полковник убил его самку, которая быстро уходила вверх, вытянув длинную шею.

Утка упала рядом с селезнем.

«Это же убийство, – думал полковник. – А что в наши дни не убийство? Да, малый, ты еще мастер стрелять! Хорош малый! Ах ты старый калека! Но гляди, вон они летят».

Это были свистухи; сначала они казались прозрачным облачком, которое затвердело, вытянулось и словно растворилось. Потом облачко затвердело сно-

ва, и сидевшая на льду утка-предательница стала его подманивать.

«Дай им повернуть еще разок, – сказал себе полковник. – Пригни пониже голову и даже бровью не смей шевельнуть. Они сейчас прилетят».

И они прилетели – на голос предательства. Они разом сложили крылья для посадки, как опускают закрылки у самолета. Но увидели под ногами лед и взмыли ввысь.

Охотник – уже не полковник, а кто-то другой – поднялся в одной из бочек и подстрелил двух свистух. Они шлепнулись на лед почти так же грузно, как большие утки.

«Хватит нам и двух из одного выводка, – сказал полковник. – А может, у них не выводок, а племя? Как по-твоему?»

Полковник услышал выстрел за спиной, где, как он знал, не было ни одной бочки; повернув голову, он поглядел через замерзшую лагуну на дальний, поросший осокой берег. «Вот и конец охоте», – подумал он.

Низко летевшая стайка взвилась в небо; казалось, утки стоят на хвостах, так круто они поднимались.

Полковник увидел, как одна утка упала, и тут же услышал еще выстрел.

Это сердитый лодочник стрелял по уткам, которые должны были достаться полковнику.

«Да как же он смеет?» – подумал полковник. Ему дано охотничье ружье, чтобы добивать подранков, если собака не может их достать и они пытаются уйти. Стрелять по уткам, летящим на бочку, по законам охоты – преступление.

Лодочник был слишком далеко, чтобы его можно было окликнуть. Поэтому полковник дал по нему два выстрела.

«Дробь до него не долетит, – думал полковник, – а он по крайней мере поймет, что я все знаю. Но какого дьявола ему нужно? Да еще на такой первоклассной охоте? Никогда не видел, чтобы охота на уток шла так гладко и была так превосходно устроена; никогда не стрелял с таким удовольствием, как сегодня. Какая муха укусила этого сукина сына?»

Он знал, как ему вредно злиться. Поэтому он принял две таблетки и запил их глотком джина из фляжки – воды у него не было.

Он знал, что и джин ему вреден, и подумал: «Мне вредно все, кроме покоя и самой легкой гимнастики. Вот именно, брат, покоя и самой легкой гимнастики. По-твоему, это легкая гимнастика?»

Ах ты, чудо мое, – сказал он. – Как бы я хотел, чтобы ты была здесь, мы сидели бы с тобой рядом в бочке на двоих и могли бы касаться друг друга спиной или плечом. Я бы поглядел на тебя и, пуская пыль

в глаза, метко подстрелил высоко летящую утку, так, чтобы она упала прямо в бочку, конечно, не задев тебя. А ну-ка, попытаюсь попасть хотя бы в одну», – сказал он себе, услышав шелест крыльев. Полковник встал, повернулся, заметил одиноко летевшего селезня – красивого, с длинной шеей; быстрые взмахи крыльев уносили его прямо в море. Он вырисовывался в небе четко и ясно на фоне дальних гор. Полковник высоко вскинул мушку, прицелился и выстрелил.

Селезень упал как раз за бочкой и, ударившись, пробил корку льда. Это был тот лед, который они ломали, расставляя чучела, но воду чуть-чуть затянуло снова. Подсадная утка поглядела на лежащего селезня, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты никогда его раньше не видела, – сказал ей полковник. – По-моему, ты даже не видела, как он прилетел. А если и видела, ничего ему не сказала.

Селезень ударился головой, и теперь голова была в воде. Полковник видел красивое зимнее оперение на его грудке и крыльях.

«Я хотел бы подарить ей наряд из птичьих перьев вроде тех, какими в древней Мексике украшали своих богов, – думал он. – Но всех этих уток, наверно, отошлют на рынок, да и кто здесь сумеет содрать с птицы шкурку и выдубить ее? А как бы это было красиво: перья дикого селезня пошли бы на спину, серой утки

– на грудь, с двумя полосами из перьев чирка сверху вниз. Вот был бы наряд! Ей бы, верно, понравилось.

Эх, хоть бы они полетели, – думал полковник. – Несколько глупых уток могло бы залететь и сюда. На всякий случай я должен быть наготове». Но утки не появлялись, и он был наедине со своими мыслями.

Из других бочек тоже не было слышно выстрелов, время от времени доносились выстрелы с моря.

При таком ярком свете птицы видят лед и больше сюда не летят; они уходят в открытое море, собираются там стаями и садятся на воду. «Стало быть, охоты больше не будет», – думал он. Такова уж судьба, хотя ему и хотелось понять, что же все-таки произошло. Он знал, что не заслуживает такого отношения, но вынужден был мириться, как мирился всю жизнь, хотя всегда пытался найти причину.

У девушки все началось после драки с матросами. Как-то ночью они гуляли, два матроса ей свистнули, сначала полковник не придавал этому значения.

Но что-то явно было не так. Полковник это сразу почувствовал. А потом он в этом уверился, нарочно остановившись под фонарем, чтобы те увидели знаки различия у него на погонах и перешли на другую сторону улицы.

На каждом погоне у него было по маленькому орлу с распростертыми крыльями. Они были вышиты на

его мундире серебром. «Орлы не очень заметные, и ношу я их давно, но все же они видны», – думал полковник.

Матросы засвистали снова.

– Встань к стенке, если тебе хочется поглядеть, – сказал полковник девушке. – А если нет, отвернись.

– Смотри, какие они высокие и молодые.

– Сейчас станут пониже, – пообещал ей полковник.

Он подошел к свистунам.

– Где ваш береговой патруль? – спросил он.

– Почему я знаю? – сказал высокий матрос. – Мне ведь что надо? Полюбуюсь на дамочку, и все.

– Как ваши фамилии? У вас есть личные номера?

– Почему я знаю? – ответил тот.

Другой сказал:

– Если бы и были, стану я тебе говорить, тыловая крыса!

«Старый служака, – подумал полковник, прежде чем его ударить. – Дошлый морячок! Все свои права знает».

Но он все-таки ударил его левой рукой, – то ли снизу, то ли сбоку, – ударил еще и еще раз, и матрос стал падать.

Другой, тот, что свистнул первый, яростно с ним сцепился, хотя и был пьян; полковник двинул ему локтем в зубы, а потом при свете фонаря изо всех сил

ударил правой рукой. Затем оглянулся на второго свистуна и понял, что о нем беспокоиться нечего.

Тогда он ударил левой сбоку. А когда матрос попытался выпрямиться, ударил правой. Потом еще раз ударил сбоку левой, повернулся и пошел к девушке, ему не хотелось слышать, как голова стукнется о тротуар.

На ходу он взглянул, как себя чувствует тот, что свалился первый, и увидел, что он мирно спит, уткнувшись в землю подбородком, а изо рта у него течет кровь. Кровь такого цвета, как надо, отметил полковник.

– Плакала моя карьера, – сказал он девушке. – Какова бы она ни была. Но эти типы носят ужасно нелепые штаны!

– Как ты себя чувствуешь? – спросила девушка.

– Прекрасно. Ты все видела?

– Да.

– Утром у меня будут болеть руки, – сказал он рассеянно. – Теперь, по-моему, мы можем спокойно уйти. Давай только пойдем помедленнее.

– Да, пожалуйста, иди медленно.

– Нет, я не то хотел сказать. У нас должен быть такой вид, будто мы не торопимся.

– Мы пойдем как можно медленнее.

– Хочешь сделать опыт?

И они пошли.

– Какой?

– Пойдем так, чтобы на нас жутко было смотреть даже со спины.

– Постараюсь. Но думаю, что у меня ничего не выйдет.

– Ну тогда пойдем просто так.

– Неужели они тебя ни разу не ударили?

– Один раз, и как следует. Второй матрос, когда он на меня кинулся.

– Это и есть настоящая драка?

– Да, если тебе везет.

– А если не везет?

– Тогда и у тебя ноги подкашиваются. И ты падаешь либо вперед, либо назад.

– А ты меня еще любишь, после того как ты подрался?

– Я люблю тебя еще больше, чем раньше, если это возможно.

– А почему невозможно? Вот хорошо! Я тебя теперь люблю больше. Я не слишком быстро иду?

– Ты идешь, как лань по лесу, а иногда ты ходишь, как волчица или как большой старый койот, когда он никуда не торопится.

– Мне не очень хочется быть большим старым койотом.

– Ты же их никогда не видела, – сказал полковник. – Погоди, еще захочешь. Ты ходишь, как все крупные хищники, когда они не спешат. Только ты совсем не хищник.

– В этом можешь не сомневаться.

– Пройди немножко вперед, а я на тебя погляжу.

Она пошла вперед, и полковник сказал:

– Ты ходишь, как чемпион, пока он еще не стал чемпионом. Будь ты лошадью, я бы тебя купил, даже если бы пришлось занимать деньги у ростовщика из двадцати процентов в месяц.

– Тебе не надо меня покупать.

– Знаю. Речь-то идет не об этом. Речь идет о твоей походке.

– Скажи, – сказала она, – что теперь будет с этими людьми? Я мало понимаю в драках. Может, мне надо было остаться и о них позаботиться?

– Ни в коем случае, – сказал полковник. – Запомни: ни в коем случае. Надеюсь, они схлопотали хоть одно сотрясение мозга на двоих. Пусть подышают. Сами виноваты. И никакой уголовной ответственности я не несу. Да и все мы застрахованы. Могу сказать тебе насчет драки только одно...

– Ну, говори!

– Если ты полез в драку, ты должен победить. Вот что важно. Все остальное не стоит и выеденного яйца,

как говорил мой старый друг доктор Роммель.

– Неужели тебе правда нравился Роммель?

– Очень.

– Но ведь он был твой враг.

– Я люблю своих врагов иногда больше, чем друзей. А моряки всегда выигрывают во всех сражениях. Это я усвоил в доме, который зовется Пентагоном, когда мне еще разрешали входить туда через парадные двери. Хочешь, прогуляемся или даже сбегаем назад и спросим тех двоих, верно ли это.

– Сказать по правде, Ричард, с меня хватит на сегодня и одной драки!

– Говоря откровенно, и с меня тоже, – признался полковник. Но сказал он это по-итальянски, начав фразу с «Anch'io». – Давай пойдем к «Гарри», а потом я провожу тебя домой.

– Ты не ушиб раненую руку?

– Нет! Только раз его стукнул по голове, – объяснил он. – А больше бил по туловищу.

– Можно мне ее потрогать?

– Да, только потихоньку.

– Но она ужасно распухла!

– Перелома нет, а опухоль всегда быстро спадает.

– Ты меня любишь?

– Да. Я люблю тебя двумя довольно вспухшими руками и всем сердцем.

Глава сорок первая

«Вот как это было, и в тот день, а может, в какой-нибудь другой, произошло чудо. А ты о нем и не подозревал, – думал полковник. – Случилось величайшее чудо, но ты ничего для этого не сделал. Правда, ты, сукин сын, никак этому и не препятствовал».

Стало еще холоднее, чистая вода снова покрылась коркой льда, а подсадная утка даже перестала смотреть на небо. Она теперь забыла о предательстве, тревожась только о своей судьбе.

«Ну и сука, – думал полковник. – Хотя я знаю, что это несправедливо. Ведь измена – ее ремесло. Но почему самка приманивает лучше, чем селезень? Кому же это знать, как не тебе, – думал он. – Хотя и это неправда. А что же правда? Самцы все-таки приманивают лучше.

Только не думай о ней! Не думай о Ренате, пользы от этого не будет. Тебе это даже вредно. И ты ведь с ней уже распрощался. Господи, что это было за прощание! Не обошлось даже без эшафота. А она ведь полезла бы за тобой и на этот чертов эшафот. Если бы эшафот был настоящий. Распроклятое ремесло, – думал он. – Любить и расставаться. Людям от этого бывает больно.

Кто тебе дал право связываться с такой девушкой?
Никто. Меня познакомил с ней Андреа.

Но как она могла полюбить такого несчастного сукина сына?

Не знаю, – ответил он искренне. – Искренне говорю, что не знаю».

Он и не подозревал, что девушка его любит за то, что он никогда не чувствует себя несчастным, есть у него сердечный приступ или нет. Горе он испытывал, и страдание тоже. Но несчастным он себя не чувствовал ни разу в жизни. Особенно по утрам.

Таких людей на свете почти не бывает, и девушка, хоть и очень молодая, сразу это поняла.

«Сейчас она дома и спит, – думал полковник. – Там ей и место, а не в какой-то чертовой бочке для охоты на уток, да еще когда все чучела, как назло, вмерзли в лед.

И все же, если бы эта бочка была на двоих, как бы я хотел, чтобы она была здесь; она могла бы смотреть на запад, не появится ли оттуда вереница уток. Но она бы тут замерзла. Может, мне удастся выменять у кого-нибудь настоящую куртку на пуху – продать ее никто не продаст. Такие куртки как-то по ошибке выдали летному составу.

Я бы мог узнать, как их стегают, и заказать ей такую куртку на утином пуху, – думал он. – Я бы нашел

хорошего портного, он бы ее скроил двубортной, без кармана справа и нашил кусок замши, чтобы не цеплялся приклад.

Так и сделаю, – сказал он себе. – Так и сделаю или достану такую куртку у какого-нибудь франта, а потом дам перешить ей по росту. Надо бы достать ей хорошее ружье – «Парди-12», только не слишком легкое, или пару «боссов». У нее должны быть ружья не хуже, чем она сама. Да, пожалуй, лучше всего два ружья «Парди», – думал он.

В этот миг он услышал легкий шорох крыльев, быстро машущих в небе, и взглянул вверх. Но птицы летели слишком высоко. Полковник только поднял на них глаза. Птицы летели так высоко, что им была видна бочка, и он в бочке, и вмерзшие в лед чучела с невеселой подсадной уткой, которая их тоже видела и громко закричала, как раболепный Иуда. Утки – это были шилохвосты – спокойно продолжали свой лет к морю.

«Я никогда ей ничего не дарю – это она мне правильно сказала. Не считая негритенка. Но разве это подарок? Она сама его выбрала, а я только купил. Так подарков не дарят.

Эх, как бы я хотел подарить ей уверенность в завтрашнем дне, но ее больше не существует. Я бы хотел подарить ей мою любовь, но она ничего не стоит; мои богатства, но их, в сущности, нет, если не считать

двух хороших охотничьих ружей, солдатского обмундирования, орденов, медалей и книг. Да еще полковничьей пенсии.

Всеми моими земными благами одарю я тебя», – думал он.

«А она подарила мне свою любовь, камни, которые я ей вернул, и портрет. Что ж, и портрет я всегда могу отдать обратно. Я бы мог отдать ей мое кольцо, – думал он, – но куда, черт возьми, я его дел?

Разве она возьмет мой Крест за боевые заслуги с дубовыми листьями, или две Серебряные звезды, или весь остальной мусор – даже ордена ее родины? Или Франции? Или Бельгии? Да и не надо. Больно уж это смахивает на похороны.

Лучше я отдам ей свою любовь. Но как ее, проклятую, пошлешь? И как ее сохранить, чтобы она не увяла? Не положишь ведь ее на лед?

А может, теперь кладут? Надо спросить. А как мне достать этот чертов мотор для старика?

Найди. Находить выход из положения было твоим ремеслом. Находить выход из положения, когда в тебя стреляют, – поправился он.

Жаль, что у того стервеца, который портит мне охоту на уток, нет настоящего ружья; правда, его нет сейчас и у меня. Мы бы с ним быстро выяснили, кто умеет находить выход из положения. Даже в этой вонючей

бочке, посреди болота, где нельзя маневрировать. А ему бы пришлось подойти совсем близко, чтобы меня достать. Брось, – сказал он себе, – и подумай лучше о девушке. Ты больше не хочешь убивать, никого и никогда.

Кому ты морочишь голову? – сказал он себе. – Ты что, в святые записался? Что ж, попробуй, как это у тебя выйдет. Ей ты тогда больше понравиться. Ты уверен? Нет, не уверен, – признался он откровенно. – Видит Бог, не уверен.

А вдруг я стану святым перед самой смертью? Да, – сказал он, – может быть. Ну, кто хочет на это поставить?»

– Ты на это поставишь? – спросил он подсадную утку. Но она смотрела в небо за его спиной и потихоньку вела свой мирный, крякающий разговор.

Утки пролетали слишком высоко, не сворачивая. Они только взглянули вниз и полетели дальше, к морю.

«Видно, они в самом деле садятся там на воду, – думал полковник. – А где-нибудь в лодке их поджидает охотник. Они подлетят с подветренной стороны совсем близко, и кто-нибудь непременно их подстрелит. Ну что ж, когда этот охотник начнет стрелять, несколько уток могут кинуться назад, в мою сторону. Но ведь все замерзает, мне давно бы пора уехать, зачем я си-

жу тут, как болван?

Я настролял достаточно дичи и охотился не хуже, а даже лучше, чем всегда. Конечно, лучше, – думал он. – Никто не стреляет здесь лучше тебя, разве что Альварито, он еще совсем мальчишка и потому стреляет быстрее. Но ты убиваешь меньше уток, чем многие плохие и даже средние стрелки.

Да, знаю. И знаю почему: мы ведь за количеством больше не гонимся, мы ведь теперь живем не по уставу, разве ты не помнишь?»

Он вспомнил, как однажды, по прихоти войны, он встретился ненадолго со своим лучшим другом; это было во время битвы в Арденнах, и они гнали противника.

Стояла ранняя осень, вокруг была гористая местность с песчаными дорогами и тропками, поросшая низкорослыми дубками и соснами. На влажном песке отчетливо отпечатались следы вражеских танков и полугусеничных машин.

Накануне шел дождь, но теперь прояснилось, видимость была хорошая, можно было разглядеть даже дальние холмы, и они с другом внимательно рассматривали все кругом в бинокль, словно охотились за дичью.

Полковник, который в ту пору был генералом и заместителем командира дивизии, знал следы каждой

вражеской машины. Он знал, когда у противника кончатся мины и сколько примерно патронов у них еще осталось. Он рассчитал, где немцам придется принять бой, прежде чем они достигнут линии Зигфрида. Он был уверен, что они не станут драться ни в одном из тех двух мест, где ожидали боев, и поспешно отойдут дальше.

– Мы довольно далеко забрались для людей нашего высокого звания, Джордж, – сказал он своему лучшему другу.

– Смотрите не зарвитесь, генерал.

– Ничего, все в порядке, – сказал полковник. – Хватит нам жить по уставу, теперь мы просто вышвырнем их вон.

– С превеликой радостью, генерал. Тем более что устав писал я сам, – сказал его лучший друг. – Ну а если они там оставили заслон?

Он показал на то место, где, по логике вещей, противник должен был перейти к обороне.

– Ничего они там не оставили, – заявил полковник. – У них нет снаряжения даже для пожарной команды.

– Человек всегда прав, пока не ошибется, – сказал его лучший друг и добавил: – господин генерал.

– Я прав, – сказал полковник.

Он и в самом деле был прав, хотя для того, чтобы

получить нужные сведения, ему пришлось слегка нарушить принципы Женевской конвенции.

– Ну что ж, в погоню так в погоню! – сказал его лучший друг.

– Мешкать нам нечего, я ручаюсь, что они не задержатся в этих двух пунктах. И открыл мне это не какой-нибудь фриц. А собственная смекалка.

Он еще раз оглядел местность, услышал, как в ветвях шумит ветер, как пахнет вереск под ногами, и еще раз посмотрел на отпечатки гусениц на мокром песке – этим дело и кончилось.

«Интересно, понравилась бы ей такая история? – подумал он. – Нет, мне рассказывать ее нельзя. Уж больно я в ней хорош. Вот если бы кто-нибудь другой ей рассказал, да еще и расписал бы меня получше... Джордж рассказать не может. Он единственный, кто бы мог это сделать, но, увы, не может. Да уж, черта лысого он теперь сможет!

Я бывал прав в девяноста пяти случаях из ста, а это чертовски высокий процент даже в таком простом деле, как война. Но и те пять процентов, когда ты не прав, не шутка.

Нет, я не расскажу тебе эту историю, дочка. Это только неясный шум у меня в сердце. В моем проклятом, никчемном сердце. Да, это поганое сердце не может за мной угнаться.

А вдруг оно еще сможет?» – подумал он, проглотил две таблетки, запив их глотком джина, и поглядел на серую пелену льда.

«Сейчас крикну этому хмурому парню, снимусь с места и поеду на ферму, или как там ее – охотничий домик, что ли. Охоте все равно конец».

Глава сорок вторая

Полковник выпрямился, дал два выстрела в пустое небо и замахал рукой лодочнику, подзывая его к себе.

Лодка шла медленно, всю дорогу приходилось раскалывать лед; лодочник собрал деревянные чучела, поймал подсадную утку, сунул ее в мешок и с помощью собаки, у которой на льду разъезжались лапы, подобрал убитых уток. Гнев у лодочника явно прошел, и вид у него был довольный.

– Немного же вы настроляли, – сказал он полковнику.

– С вашей помощью.

Больше они ничего не сказали друг другу, и лодочник аккуратно разложил уток на носу грудками кверху, а полковник подал ему ружья и складной стул с ящиком для патронов.

Полковник влез в лодку, а лодочник проверил, не забыто ли что-нибудь в бочке, и снял с крючка нечто вроде передника с кармашками для патронов, который там висел. Потом он тоже сел в лодку, и они медленно, с трудом поплыли по замерзшей лагуне туда, где виднелась бурая вода канала. Полковник с силой отталкивался кормовым веслом, как и по дороге сюда. Но теперь, при ярком свете солнца, видя снежные

вершины гор на севере и полоску осоки, обозначающую вход в канал, они работали дружно.

Вот они вошли в канал, с треском соскользнув с кромки льда; лодка двинулась легко, и, отдав весло лодочнику, полковник сел. С него лился пот.

Собака, дрожавшая у его ног, перелезла через борт лодки и поплыла к берегу. Страхивая воду со своей белой свалявшейся шерсти, она скрылась в зарослях коричневой осоки и кустарника; по колыханию кустов полковник мог проследить ее путь домой. Колбасы она так и не получила.

Полковник чувствовал, что он весь потный, и, хотя теплая куртка защищала его от ветра, все же принял две таблетки из бутылочки и отхлебнул глоток джина из фляжки.

Фляжка была плоская, серебряная, в кожаном футляре. Под футляром, уже засаленным и потертым, было выгравировано: «Ричарду от Ренаты с любовью». Никто не видел этой надписи, кроме девушки, полковника и гравера, который ее делал. Надпись выгравировали не там, где купили фляжку. «Это было в самом начале, – думал полковник. – Кто бы теперь стал прятаться?»

На завинченном колпачке было выгравировано: «Р. К. от Р.».

Полковник протянул фляжку лодочнику, тот посмотрел

рел сначала на него, потом на фляжку и спросил:

– Что это?

– Английская граппа.

– Попробуем...

Он отхлебнул большой глоток, как все крестьяне, когда пьют из фляжки.

– Спасибо.

– А вы хорошо поохотились?

– Убил четырех уток. Собака подобрала еще трех подранков, подбитых другим.

– Зачем вы стреляли?

– Да я теперь и сам жалею, что стрелял. Со зла, наверно.

«А я разве так не поступал?» – подумал полковник и не спросил, из-за чего тот злился.

– Жаль, что лёт такой плохой.

– Бывает, – сказал полковник.

Полковник следил за тем, как в камышах и высокой траве движется собака. Вдруг она сделала стойку и замерла. Потом прыгнула. Прыгнула высоко и, распластавшись, нырнула вниз.

– Нашла подранка, – сказал он лодочнику.

– Бобби, – крикнул тот. – Апорт! Апорт!

Осока заколыхалась, из нее появилась собака, неся в пасти дикого селезня. Серовато-белая шея и зеленая голова покачивались, как головка змеи. В

этом движении была обреченность.

Лодочник поставил лодку носом к берегу.

– Я возьму, – сказал полковник. – Бобби!

Он вынул селезня из пасти собаки, державшей его очень осторожно; птица была цела и приятна на ощупь. Сердце у нее билось, а в глазах стояло отчаяние и ужас перед неволей.

Полковник внимательно ее осмотрел, поглаживая ласково, как гладят лошадь.

– Ему только задела крыло, – сказал он. – Давайте его оставим живым манком либо выпустим весной на волю. Возьмите-ка его и посадите в мешок.

Лодочник бережно взял селезня и посадил его в холщовый мешок, который лежал на носу. Полковник услышал, как подсадная утка сразу же закричала. «Может, она оправдывается, – подумал он. – Трудно понять утиный разговор через холстину мешка».

– Выпейте еще глоток, – сказал он лодочнику. – Сегодня чертовски холодно.

Лодочник взял фляжку и снова отхлебнул как следует.

– Спасибо, – сказал он. – Да, хороша ваша граппа.

Глава сорок третья

На причале, перед длинным, низким каменным зданием на самом берегу канала, были разложены убитые утки.

Они были разложены неравными кучками. «Тут всего несколько взводов, ни одной роты, а у меня едва ли наберется и отделение», – подумал полковник.

Старший егерь, в высоких сапогах, короткой куртке и сдвинутой на затылок старой фетровой шляпе, ждал их на берегу и, когда они подошли, скептически посмотрел на уток, лежавших в лодке.

– Возле нашей бочки вода совсем замерзла, – сказал полковник.

– Так я и думал, – сказал старший егерь. – Обидно. А ведь ваше место считается лучшим.

– Кто убил больше всех?

– Барон настрелял сорок две. Там течение, и воду затянуло не сразу. Вы, наверно, не слышали выстрелов, потому что ветер дул в другую сторону.

– А где же остальные?

– Все разъехались, кроме барона, – он вас ждет. Ваш шофер спит в доме.

– Как и следовало ожидать, – сказал полковник.

– Разложи уток как положено, – сказал старший

егерь лодочнику, который был и егерем тоже. – Мне надо записать их в охотничью книгу.

– В мешке у нас еще селезень, у него подбито крыло.

– Хорошо. Я за ним присмотрю.

– Я пойду повидаюсь с бароном. С вами я еще не прощаюсь.

– Вам надо хорошенько согреться, полковник, – сказал старший егерь. – Сегодня настоящий мороз.

Полковник направился в дом.

– Мы еще увидимся, – сказал он лодочнику.

– Да, полковник, – ответил тот.

Барон Альварито стоял посреди комнаты, у камина. Он улыбнулся своей застенчивой улыбкой и сказал, как всегда, негромко:

– Обидно, что вам сегодня не удалось пострелять как следует.

– Нас совсем затянуло льдом. Но я все равно получил большое удовольствие.

– Вы очень замерзли?

– Не очень.

– Давайте чего-нибудь поедим.

– Спасибо. Я не голоден. А вы ели?

– Да. Остальные поехали по домам, и я отдал им свою машину. Вы довезете меня до Латизаны или куда-нибудь поблизости? Оттуда я уже доберусь.

– Конечно.

– Вот беда, что вода замерзла. Виды на охоту были прекрасные.

– За лагуной, наверно, тьма уток.

– Да. Но они там не останутся, раз у них вся пища подо льдом. Ночью двинутся на юг.

– Неужели все улетят?

– Все, кроме наших местных уток, которые тут вывелись. Те побудут здесь, пока вся вода не замерзнет.

– Обидно, что с охотой так получилось.

– Обидно, что вам пришлось столько ехать из-за нескольких уток.

– Я люблю всякую охоту, – сказал полковник. – И я люблю Венецию.

Барон Альварито отвел глаза и протянул руки к огню.

– Да, – сказал он. – Все мы любим Венецию. А вы, может, больше всех.

Полковнику не хотелось вести светскую беседу на эту тему, и он только сказал:

– Вы-то знаете, как я ее люблю.

– Знаю, – ответил барон. Взгляд у него был рассеянный. Помолчав, он сказал: – Пора будить вашего шофера.

– А он поел?

– Поел и поспал, а потом опять поел и поспал. И

немножко почитал книжку с картинками, которую привез с собой.

– Комиксы, – сказал полковник.

– Надо бы мне научиться их читать, – сказал барон. Он улыбнулся застенчивой, затаенной улыбкой. – Вы бы не могли их мне достать в Триесте?

– Сколько хотите, – сказал полковник. – И похождения сверхчеловека, и уж совсем фантастические. Почитайте их вместо меня. Послушайте, Альварито, что с егерем, который был на моей лодке? Поначалу он просто видеть меня не мог.

– Это из-за вашего мундира. Военная форма союзников всегда на него так действует. Видите ли, его чересчур ретиво освобождали.

– То есть как?

– Когда пришли марокканцы, они изнасиловали его жену и дочь.

– Мне, пожалуй, надо чего-нибудь выпить, – сказал полковник.

– Там, на столе, есть граппа.

Глава сорок четвертая

Они довели барона до огромных ворот и аллеи, посыпанной гравием, – вилла, к счастью, стояла больше чем в шести милях от ближайшего военного объекта и не пострадала от бомбежки.

Полковник распрощался с Альварито, тот пригласил его приезжать на охоту хоть каждое воскресенье.

– Может, вы все-таки к нам зайдете?

– Нет. Мне надо назад, в Триест. Передайте привет Ренате.

– Непременно. Это ее портрет лежит у вас на заднем сиденье?

– Да.

– Я скажу ей, что вы хорошо поохотились и что портрет в полной сохранности.

– И не забудьте передать ей привет.

– Не забуду.

– Сiao, Альварито, большое спасибо.

– Сiao, полковник. Если можно говорить сiao полковнику.

– А вы забудьте, что я полковник.

– Это очень трудно. До свидания, полковник.

– В случае непредвиденных обстоятельств попросите ее зайти в «Гритти» и взять портрет.

- Хорошо, полковник.
- Ну, кажется, все.
- Прощайте, полковник.

Глава сорок пятая

Они выехали на дорогу, и ранняя тьма стала сгущаться вокруг.

– Сверните налево, – сказал полковник.

– Но ведь та дорога не на Триест, господин полковник, – сказал Джексон.

– Ну и шут с ней, с дорогой на Триест. Я приказал вам свернуть налево. Вы думаете, на свете только одна дорога на Триест?

– Нет, господин полковник. Я только хотел обратить внимание господина полковника...

– А вас, черт возьми, никто не просит обращать мое внимание на что бы то ни было! И пока я сам не заговорю, извольте молчать.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Извините, Джексон. Я хотел сказать, что знаю, куда ехать, и мне хочется спокойно подумать.

– Так точно, господин полковник.

Они ехали по старой дороге, которую он так хорошо помнил, и полковник думал: «Ну вот, я послал четыре обещанных утки в «Гритти». Охота была не очень удачная, жене того парня не много достанется перьев. Да, от перьев ей проку не будет. Но утки крупные, жирные – просто объедение. Эх, забыл дать Бобби кол-

басы.

Написать Ренате записку не было времени. Но что бы я мог написать в записке, кроме того, что мы уже сказали друг другу?»

Он сунул руку в карман и достал карандаш и блокнот. Включив лампочку для чтения карты, он раненой рукой написал заглавными печатными буквами короткий приказ.

– Спрячьте в карман, Джексон, и, если придется, действуйте соответственно. Если произойдет то, что здесь указано, выполняйте.

– Слушаюсь, господин полковник, – сказал Джексон и, взяв свободной рукой сложенный листок, сунул его в верхний левый карман мундира.

«Ну а теперь отдыхай, – сказал себе полковник. – У тебя осталась одна забота – о себе, а это уже роскошь.

Армии Соединенных Штатов ты больше не нужен. Тебе это ясно дали понять.

С девушкой своей ты простился, и она простилась с тобой.

Тут дело обстоит совсем просто.

Стрелял ты хорошо, и Альварито все понимает. Ну что ж.

Так какого черта ты волнуешься? Ты же не из тех хлюстов, которые беспокоятся, что с ними будет, когда

уже все равно ничем не поможешь? Думаю, что ты не такой».

И тут его схватило – он этого ждал с тех пор, как они собрали чучела.

«Еще два раза – и конец, – думал он, – хотя мне обещали, что я выдержу четыре. Я всегда был везучий, как последний сукин сын».

Тут его опять схватило, и очень сильно.

– Джексон, – сказал он, – знаете, что однажды сказал генерал Томас Джексон? В тот раз, когда его настигла безвременная кончина? Я даже выучил это наизусть. За достоверность, конечно, не ручаюсь. Но так, во всяком случае, передают. «А. П. Хиллу приготовиться к атаке», – сказал он. Потом начал бредить. А потом сказал: «Нет, нет, давайте переправимся и отдохнем там, за рекой, в тени деревьев».

– Очень интересно, господин полковник, – сказал Джексон. – Верно, это был Джексон Каменная Стена, господин полковник?

Полковник хотел ответить, но осекся, потому что его схватило в третий раз и стиснуло так, что он понял: вот и конец.

– Джексон, – сказал полковник, – поставьте машину на обочину и погасите фары. Вы знаете, как ехать отсюда в Триест?

– Да, господин полковник. У меня есть карта.

– Хорошо. Я сейчас перейду на заднее сиденье этой дерьмовой сверхроскошной машины.

Это были последние слова, которые полковник произнес в своей жизни. Но до заднего сиденья он добрался и даже закрыл за собой дверь. Он закрыл ее тщательно и плотно.

Через некоторое время Джексон повел машину с зажженными фарами по дороге, вдоль канавы, обсаженной ветлами, стал искать, где бы ему повернуть. Наконец он осторожно развернулся. На правой стороне дороги, став лицом к югу – к развилку, от которого шло знакомое шоссе на Триест, – Джексон зажег свет в кабине, вынул листок с приказом и прочел:

В СЛУЧАЕ МОЕЙ СМЕРТИ УПАКОВАННУЮ
КАРТИНУ И ДВА ОХОТНИЧЬИХ РУЖЬЯ ИЗ ЭТОЙ
МАШИНЫ ВЕРНУТЬ В ГОСТИНИЦУ «ГРИТТИ»,
ВЕНЕЦИЯ, ГДЕ ИХ ПОЛУЧИТ ЗАКОННЫЙ
ВЛАДЕЛЕЦ.

*Подпись: Ричард Кантуэлл, полковник пехотных войск
США.*

«Не беспокойся, вернут законным порядком», – подумал Джексон и включил первую скорость.